Анна Морецкая

Драфт

build

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Экологические катаклизмы, когда-то заставившие людей надежно укрыться от взбесившейся природы в городах-монолитах, давно в прошлом. Но, для тех, кто и сегодня живет под защитными куполами, вполне удобно и комфортно, а главное, очень привычно подобное существование. Так что, выходить на открытое пространство теперь никто и не хочет. Ну, а утерянный простор и свободу действия им с лихвой восполнит Мир Ксандер, где в локациях игровых доменов можно воплотить любые мечты и удовлетворить каждое желание.

И только небольшая горстка людей осознает, что за все надо платить. Чем? Возможно, что и всем — здоровьем, чувствами, нереализованными возможностями, а порой и собственной жизнью.

Иллюстрации автора.

- Анна Морецкая
  - Пролог
  - Глава 1
    - 1 (0)
    - 1 (1)
  - Глава 2
    - 2 (0)
    - 2 (1)
    - 2 (2)
    - 2 (3)
    - 2 (4)
  - Глава 3
    - 3 (0)
    - 3 (1)
    - 3 (2)
  - Глава 4
    - 4 (0)
    - 4 (1)
    - 4 (2)
  - Глава 5
    - 5 (0)
    - 5 (1)
    - 5 (2)
    - 5 (3)
    - 5 (4)
    - 5 (5)

Анна Морецкая
Драфт
Часть первая: build

Пролог

Билд (от англ. build — стиль) — настройка характеристик персонажа под под определенный стиль игры, либо для достижения некой цели.

Словарь геймера

Факелы, освещающие гулкий тоннель, были расположены так далеко друг от друга, что их неверный свет не столько высвечивал дальнейший путь, сколько запугивал ступившего на него. Дрожащие яркие пятна резко контрастировали с темными «провалами», создавая впечатление, что в тех кто-то затаился. А вот это-то и важно было понять — толи это игра света и сквозняка с клочьями паутины, толи тварь какая, недобитая шевелится.

— Все?! Или кто-то еще остался?! — крикнула Кэтрин, настороженно всматриваясь вглубь коридора.

«— Е-е-е! А-ался-ался-ался!!» — отозвалось эхо и, пометавшись под высокими сводами потолка, ускакало по каменной кишке тоннеля куда-то вглубь бездонной утробы подземелья.

Зная, что громкий голос обязательно спровоцирует на движение всю возможно недоубиенную и затаившуюся неживую живность, Кэти, напрягая глаза и уши, старательно пыталась уловить есть ли какой результат от ее воплей. А чтоб уж точно обезопасить себя от разных неожиданностей подняла лук с вложенной стрелой — только отпусти тетиву и всем недобиткам конец.

Ну… если верить ушам, то кроме тихого шипения и потрескивания факелов, да ритмичного эха где-то в отдалении капающей воды, тоже в принципе едва слышимого, других звуков им распознать не удалось. Никаких тебе стонов, ширканья или кряхтенья.

Если же верить глазам… то из слепых зон к ней по-прежнему тянулись судорожно скрюченные конечности. Но тянулись тихо.

«— Чего быть не может. Ведь так?» — зомбики, как известно, беззвучно передвигаться не умеют.

Простояв еще несколько «минут» в одном состоянии с собственной тетивой, то есть предельно натянутом, Кэти решила рассуждать здраво и все-таки поверить ушам.

А варианты? Всего два! Аватар создание крепкое, так что бояться и зависать тут можно до бесконечности. Или все-таки,

поприжав страхи, двигаться дальше.

Первое — безопасно, но бесперспективно. Второе — остро авантюрно, но прогрессивно. И потом… выбирай, не выбирай, а уже хотелось как-то поближе быть к завершению сего мероприятия — просто несказанно надоели все эти бесконечные подземелья с их мерзкими обитателями.

«— Ну, не геймер я, не геймер! Да!» — подумалось от всей души — честно… но вслух этого девушка произносить, все-таки не стала.

А коридор… он был метров на двадцать вперед плотно устлан противными, как на вид, так и на запах, телами. И с приближением к останкам вонь становилась такой, что вот-вот и глаза начнут слезиться!

Лук пришлось убрать за спину, освобождая руки, и левая помимо воли моментально легла на лицо, зажимая одновременно и нос, и рот.

Правой же рукой Кэти потянулась за стрелой, застрявшей в ближайшем к ее ногам распростершемся теле. Ну, собственно, именно для этого их, руки то есть, и освобождали. По закону жанра: чем больше стрел вернешь, тем меньше у тебя проблем будет, когда очередная осклизло-вонючаятолпа на тебя нападать решиться.

А вот монеты, золотистой кучкой лежащие подле полуразложившейся тушки, она брать все-таки побрезговала. А знание того, что данный променад случился благодаря бонусному сертификату, брезгливость эту поддержало — ясно же и так, что Игроку и без лута будет дадено все необходимое, чтоб пройти дальше.

Впрочем, те, кто ходят в Мир Ксандер регулярно и имеют постоянного прокаченного аватара, здесь тоже гребут все, что под руку подворачивается, следуя правилу: запас карман не тянет. И таких персонажей, как поняла Кэтрин, было четырнадцать… то есть все те, кроме самой девушки, кто в этом году выиграл подобный сертификат.

Понятное дело, что на старте все ранее наработанные левелы с их аватаров были сняты, и они начинали бонусную игру в равных условиях — считай, практически «голенькими». Теоретически… да. Но «боевой» опыт, что называется, не пропьешь… гм, не проиграешь. А вот его-то, как раз, у Кэти и не было. И была бы ее воля, то и наживать таковой она бы не стала.

Хотя… если быть честной… то здесь она очутилась не без собственного согласия, конечно…

Но — и без большого желания тоже… по доброте душевной, что ли…

А доброта душевная к ближнему, по большей части, не всегда на пользу себе родной выходит… да-а…

Девушка тряхнула головой, отгоняя эти рваные и совсем неуместные сейчас мысли. Ей и так было нелегко и без этой оголтелой круговерти в голове — все ее внимание было занято тем, чтобы аккуратно ступать, не задевая раскинутые во все стороны трухлявые конечности. А те, будто специально, то и дело оказывались под самой ногой, выпячивая то полуоблезшую ляжку, с торчащей берцовой костью, то чудовищного вида гребенку ребер, то тянущуюся вверх, охваченную судорогой скрюченную пятерню.

И уже через пару «минут» такого продвижения Кэти была почти рада, что освещение в подземелье столь скудное. То, через что она так старательно переступала, вызывало омерзение даже без прямого разглядывания. Но… даже помимо ее воли, взгляд, то и дело цеплялся за что-нибудь поистине безобразное.

То наполовину вывалившийся с положенного места глаз, сероватое яблоко которого выпучивается и подрагивает. И темный зрачок его, почему-то не мутный, а блестящий, отражает дрожащий свет и тоже шевелится, создавая впечатление, что этот чудовищный глаз следит за Кэти.

То открытая застарелая рана на животе, от которой, предположительно, создание «умерло» в первый раз и стало зомбиком. И подсохшими местами слипшимися краями рана эта напоминает полуоткрытую зубастую пасть, в которой осталось что-то недожеванное, и теперь это «что-то» вязко вытекает из угла «рта».

— Это что же такое надо съесть… или покурить… или, я не знаю, головой удариться посильней, что ли… что б создать подобное! — видимо от переизбытка впечатлений Кэти высказывается вслух.

Звук собственного голоса, пусть это всего лишьтихое бормотание, слегка бодрит, создавая иллюзию, что она не в полном одиночестве шарахается по темным подвалам забитым нежитью. И кто-то все-таки есть рядом… и с ним можно перекинуться словом… и даже позвать по имени, как когда-то в детстве… и очень хочется сделать это!

— Как же мне тебя не хватает сейчас, Филечка! — шепчет девушка, не удержавшись.

А между тем, потихоньку — помаленьку она все же продвигается дальше меж раскинувшихся поверженных тел. Но, как не осторожно Кэти старается ступать, а в какой-то момент она понимает, что все-таки вляпалась — нога неудержимо скользит по чему-то склизкому. Чтоб не упасть, приходится быстро

переступить, и еще раз, и еще… и тут под каблуком сапога что-то хрустит.

«— Ой, еще и косточку раздавила!»

И именно это понимание о раздавленной косточке гасит последнюю искру ее уже и так истаявшего терпения. До предела напряженные нервы сдают. А тошнота, тихо подскребывающаяся в глубине живота уже давно, но до этого момента довольно мирно дремавшая, в мгновение ока взбунтовывается и с громким хлюпаньем, цепляясь кислотными когтями за стенки пищевода, рвется наружу. И уже не глядя на какие руки-ноги она наступает, Кэти бегом бросается вперед. Наплевав заодно и на оставшиеся стрелы.

И только отбежав на приличное расстояние от зловонного места, она позволяет себе остановиться и прижаться разгоряченным лбом к прохладной каменной кладке стены… ожидая, вырвет ее или все-таки — так, потошнит. Кто ж его знает, что там еще для пущего эффекта прописано в программе ее аватара?

В этот момент бесконечность и однообразие подземного коридора кажутся ей уже благом — его каменная кишка неплохо просматривается в обе стороны, что дает надежду на несколько спокойных минут. Кэтрин разворачивается и сползает по стене на пол, закрывает глаза и пытается расслабиться. Физически, конечно, она не устала, но вот эмоционально вымотана полностью. А тут еще и строчка перед глазами пробежала, подводя итог пройденному этапу, и только подтверждая этим всю ее неприспособленность к игровому процессу:

Получен опыт: 500 Exp. Наложен штраф: — 200 Exp. (Неправильный выбор оружия по данной локации).

Да ладно! Получается, что ей надо было с этой вонючей толпой еще и в ближнем бою разбираться?! Нет, конечно, вначале мысль возникала, что в подземельях, как бы высоки и широки те туннели небыли, из лука не стреляют. Но ведь нормально все прошло! И первый же запашистый товарищ, который и завершил все раздумья по этому поводу, разом уничтожив желание биться с ним чем-то другим еще на подходе, прекрасно лег под стрелу. И это еще тогда, когда они поодиночке выползали, а уж потом — толпой когда пошли… вот уж удовольствие находится от них на расстоянии вытянутой руки! Да и этап с мумиями, уничтоженными ею горящими стрелами в громадной гробнице, прошел без каких-либо взысканий. А теперь вот — бац и штраф! Кто ж знал?

Кто-то да знал, вот только не она! Ей-то и без этих тонкостей

проблем хватает!

Вот поэтому она, никогда и не стремилась ходить в Игру.

Уже третий «день» она здесь, а полного симбиоза с аватаром так и нет. Обычно полное слияние разума игрока и его внутриигрового юзерпика происходит не позднее первого «часа», еще на тренировочном уровне. Результатом этого слияния должно стать создание, сохраняющее личность Игрока, но с реакцией, силой и скоростью, которое дает тело аватара, созданное специально для преодоления любых перипетий на просторах, усложняющихся от уровня к уровню локаций. Да, в комплект также входят и такие навыки, как умение пользоваться любым оружием, управляться со всевозможными видами техники и разными животными. В реальной же жизни, ни первого, ни часто второго итретьего, господа Игроки и в глаза-то не видят. За этим они, собственно, и приходят сюда.

И вот сейчас Кэтрин топает уже по третьему уровню, но полного слияния как не было, так и нет. «Сегодня» хотя бы она двигается вполне уверенно, а вот «вчера», бывало, ее еще заносило при особо резких движениях. Но до сих пор вместо одного сильного, ловкого и умелого героя Игры, их еще двое — она и ее «костюм», а именно так Кэти и ощущала себя в аватаре. Потому и статы низки настолько, что она последняя в группе.

Причем именно «костюм» из них двоих супергерой, а она «пятая лапа у собаки», «лишняя спица в колесе», ну и как там еще говорят про нечто идущее сверх комплекта и явно ненужное? Вместо того, чтобы навыки юзерпика «выжить» и ее собственное стремление выиграть слились, она продолжала думать и ощущать себя как в обычной жизни, совершенно не чувствуя на что способно даденное ей в пользование «тело». А он, ее потрясающий во всех отношениях аватар под ником «Kesha», реагирует на все корявые, неопределенные, порой растерянные мысли Кэтрин, как на прямой приказ к действию и соответственно тормозит и совершает ошибки.

Правда, Кэти учили, как обмануть программу, заложенную в юзерпик, пока нет полного симбиоза — мысли должны быть совершенно отвлеченными от данной реальности, чтобы аватар не мог их принять за команду, а действовал сам, как ему и предписано, сообразуясь с ситуацией.

«— Но ведь очень трудно думать о чем-то постороннем, когда на тебя нападают разные страшилища!»

Последней виноватой мыслю Кэти попыталась попросить прощения за свою несостоятельность у того кто ее обучал. Тут же, как вживую, представились и кивок головы в ответ, и понимающий теплый взгляд светло-карих глаз, и успокаивающая

улыбка того, к кому она мысленно апеллировала со своим неловким извинением.

От подобной поддержки, пусть и воображаемой только, девушке стало вдруг тепло и уютно. Холодные жесткие камни под спиной и затылком сразу перестали казаться таковыми, и даже, вроде чуть продавились, приобретая удобные выемки. А ледяной сквозняк, тянущий по коридору от зомбиков сладковатую вонь, вдруг повеял теплом, преобразив при этом и запах во что-то приятное. Какие-то цветы? Откуда?

Ответная же реакция самой Кэт была мгновенной. И тела ее, почувствовавшего тепло и наконец-то расслабившегося. И носа, который вдруг задышал усиленно, ловя цветочный аромат. И губ, поплывших в ответной улыбке на поддержку воображаемого собеседника. И сердца, затрепыхавшегося так радостно, будто заветная мечта — вот она, уже на пороге, только руку к ней протяни…

Время… здесь оно ощущается… сложно — не имеется никаких определенных зацепок для внимания, которое теряется и в однообразии интерьеров, и в сливающихся в заунывную мелодию звуках, и в событиях, накатывающих неотвратимо как морские волны, но так же и отступающих в обязательном порядке, чтоб уступить место следующим. И соответственно такому размытому восприятию пространства временной континуум тоже ощущается как нечто отвлеченное и не имеющее влияния на данный момент. Но… как бы то ни было, оно все-таки движется. И что-то, возможно сама программа Игры, «вытряхивает» разум Кэти из уютной неопределенности, привнеся заодно и в тело желание действия.

«— Так! Стоп! Я не о чем таком не мечтала, ни заветно, ни явно! И откуда вообще взялись подобные образы? Наверное, перенервничала сильно, вот и лезет всякая чушь в голову!», — того инструктора она и видела-то всего два раза в жизни. И это тебе не Филечка, друг детства, которого знаешь давно и, можно даже сказать — отлично, и затосковать по которому, находясь в холодном подвале, одинокой девушке — самое оно!

Да и не человек он, инструктор этот, в общем-то…

А вот от этого понимания становится по настоящему неуютно — камень под головой приобретает положенную ему жесткость, освещение былую угнетающую тусклость, а сквозняк опять начинает тянуть по коридору промозглую сырость и запах плесени, с подмешанной к нему вонью разложения.

«— Как я уже хочу, чтоб все это побыстрее закончилось! Да, и Филиппа мне здесь действительно очень не хватает…»

И тут же… послышался мальчишеский голос, и интонация его

до того знакомая — задиристая, но не обидная, а подбадривающая:

— Вставай, Катька! И дуй вперед! Где наша не пропадала! Зомбики-то нарисованные. Помнишь?

— Помню Филя, теперь помню! — ответила голосу Кэти, нисколько не смущаясь, что на самом деле закадычного приятеля нет рядом, а разговаривать с воображаемыми друзьями признак не вполне хорошего душевного здоровья.

Почему-то ее это совсем не напрягло, а наоборот — показалось совершенно естественным. Ей хотелось поддержки? Хотелось. Она мечтала с кем-то поговорить? Мечтала. Приятеля вспоминала? Вспоминала! Вот Филька и объявился, пусть и воображаемый. Вокруг-то как бы тоже не реал!

Ну а тупик, то бишь стена на пути, куда утыкался взгляд, которая вдруг стала явно видимой в той части коридора, куда девушка направлялась, только подтвердил правильность ее хода мысли. Там, в реале, ты или что-то видишь, или — нет. А тут-то всякое бывает. Вот как сейчас! Немного поизмывавшись над тобой, программа вдруг открывает невидимый до этого путь. Потому что стена, вдруг возникшая в отдалении в пятнах скупого освещения, скорее всего, просто плохо заметный издалека поворот.

И вполне уже ожидаемый голос, толи в голове Кэт, толи «на самом деле», прокричал:

— По-одъем! И, впе-еред! Навстречу с боссом!

— Ты думаешь? Там по списку еще много кто остался, с кем я не воевала сегодня, — озадачилась призывом приятеля девушка, как и раньше — вслух. Впрочем, и в дальнейшем не собираясь пугаться какого-то гипотетически возможного душевного расстройства. Тут без воображаемого друга, скорее с ума сойдешь.

— А оно нам надо? Будем мы еще на них время тратить! Ха, нам босса подавай! — тут же отозвался Филипп.

Но все же, не стоило забывать, что и эта реальность тоже существует по определенным законам. И если далее сюжетная линия Игры не делает какого-то экстремального поворота, резко меняя «тему дня», а это вряд ли, то там, за углом, приготовлен очередной малоприятный сюрприз с участием нежити.

Поэтому, по мере приближения к повороту, Кэтрин замедлила шаг и постаралась двигаться как можно тише.

А подобравшись, быстро заглянула за угол. Отпрянула назад. Замерла. Прислушалась.

— Если верить глазам — в нескольких метрах дверной проем в большое хорошо освещенное помещение. Если верить ушам —

то там никого нет, — шепотом произнесла она, толи, пожаловавшись на очередную заподозренную бяку, толи, просто констатировав увиденное.

— Очень подозрительно! — так же шепотом вынес свою резолюцию по данной проблеме Филя. — Блюдем и осторожничаем!

Девушка достала из-за спины лук и, держа его наготове, двинулась к высокому, с гостеприимно распахнутыми дверями, проходу.

Зал, к порогу которого она осторожно подошла, оказался гораздо больше, чем ожидалось по итогам предварительного скорого просмотра. Если честно… размеры его, после скитаний по бесконечным коридорам, просто подавляли. Это впечатление огромного помещения усиливал потолок, вернее, его визуальное отсутствие. Высоко вверху, навскидку этажа три будет, раскидистые и разлапистые конструкции несли на себе, казалось, тысячи свечей, яркий свет которых, отсекая темноту пространства за собой, и создавал ощущение бездонности. Или безпотолочности — это уж как сие обозначить…

А благодаря этому бесчисленному количеству свечей и, наверное, такому же факелов, распложенных в несколько уровней по стенам, зал был отлично освещен и при полном отсутствии каких-либо препятствий для взгляда, вроде подпорных колонн или массивной мебели, прекрасно просматривался.

Кладка стен от сочившейся по камням воды казалась более рельефной, чем в туннелях. Влага, неспешно стекая, мерцала и отражала свет всех этих многочисленных факелов и свечей. Впрочем, вся эта вода видимо где-то находила сток, так как растекшихся вдоль стен луж Кэтрин не заметила. О том же говорило и тихое журчание, которое, смешиваясь с шелестом и потрескиванием горящего пламени, создавало негромкий и монотонный, но явственно слышимый звуковой фон в этом огромном помещении.

Пол, из темных отполированных до гладкости плит, тоже отражал свет и с того места, где сейчас находилась Кэт, ей показалось, что это ночное небо с россыпью звезд ложиться ей под ноги.

На противоположной стене отлично был виден арочный дверной проем, практически идентичный тому в котором сейчас стояла она сама, только с закрытыми дверями — тот же тяжеловесный богато украшенный резьбой каменный оклад, такое же темное дерево створок и столь же витиеватый рисунок металлических скоб.

В стенах по правую и левую руку тоже по дверному проему,

но гораздо меньшего размера, без резьбы по контору и ничем неприкрытые. И из-за этой своей простоты и неосвещённых помещений за ними эти проходы казались просто черными провалами в каменной кладке. Идти туда желания совершенно никакого не было, а хотелось бежать к противоположной двери, открыть ее и наверх… наверх!

— Осторожней, — тут же предостерег голос Филиппа из-за плеча.

Приятель был прав — прежде чем нестись сломя голову к заветной двери, надо было попробовать выманить из потаенных мест всю местную нежить.

— Эй! Кто-нибудь есть тут?! Я пришла! — крикнула девушка, как можно громче в пустой зал.

Но после того как эхо от ее крика вволю нагулялось по огромному заключенному в камень пространству, как не странно, наступила тишина. Только привычные звуки подземелья и никаких посторонних — ни тебе шороха, скрипа или какого кряхтенья. Тишина!

Еще боясь поверить в такую удачу, настороженно оглядываясь по сторонам, Кэтрин носком ноги поелозила за порогом, проверяя подозрительную на вид, казавшуюся скользкой, поверхность пола. И только убедившись, что идти в принципе можно, под бодрое напутствие приятеля: «— Не дрейфьКатюха, я с тобой!», бегом бросилась вперед.

Зал показался ей бесконечным. Но вот и дверь! Она с разбега толкнула ее и… ничего.

— Да что такое?! Ага, удача, она самая — з-зараза! — уже понимая, что ожидаемый гадостный подвох случился, Кэти со злости пнула дверь ногой… рукой ударила… снова ногой — но все так же безрезультатно. Если, конечно, не считать грохота от ударов, который, в свою очередь выпустил в гулкие просторы залы очередное дробное эхо.

Слезы, выступившие на глазах от разочарования, не дали ей сразу заметить выскочившую внизу ее поля зрения подсказку. Через «минуту» строка начала мигать и не заметить ее стало невозможно:

«Получено задание: Найти секиру и открыть дверь. Награда: 1000 Exp.».

— гласила надпись под изображением какого-то совершенно архаичного на видтопора с двумя хищно загнутыми клювами лезвий.

— Ага, щас, побежала уже искать, — буркнула Кэти на это предложение, в то время как сама попыталась разглядеть в

здоровой замочной скважине хоть что-нибудь помимо мельтешащей в глазах предлагаемой картинки.

— А простой ключ или какая-нибудь отмычка, не вариант? — уже не тихим бормотанием, а в полный голос возмутилась девушка, когда стало понятно, что за дверью, пока по крайней мере, ничего кроме кромешной темноты не было.

— А ты Филь обещал, что к боссу пойдем сразу! Так ведь нет, приятель! Вон по тем ужасным дырам сначала пошарить придется! — обиженно крикнула она, понимания, что завершение гейма откладывается на неопределенное время.

Ответ раздался, как всегда, откуда-то из-за спины:

— Кать, ты дура? Как я мог тебе что-то обещать? Ты… меня… приду… мала… для… своего… спо… койстви… я-я-я… — голос приятеля, сначала вроде живой и бодрый, к концу фразы начал спотыкаться и как-то глохнуть, как будто парень быстро удалялся от нее по тем самым извилистым гулким коридорам, по которым она бродила «полдня».

— Филя! Не бросай меня! — испуганно закричала девушка.

— Доигрыва-а-ай… уже-е… — прозвучало настолько издалека, что Кэтрин теперь даже не была уверена в том, что этот голос принадлежит Филиппу.

Сразу стало как-то совсем уж грустно и тоскливо, а большой зал показался вдруг до ужаса негостеприимным. Открытое пространство принялось напрягать своим простором, предполагая, сколько же всякой нежити, готовой уничтожить Игрока, может поместиться в этом пустующем пока месте. Чернота за свечами наверху напомнила, что свет ее всего лишь прячет, но совсем не запирает на замок. А что там в ней? Неведомо оно… И даже звуки, казалось бы тихие и спокойные, и долженствующие умиротворять своим монотонным звучанием — извратились! И зашипели влагой попавшей в пламя — «… зш-шомби… зш-шомби…», завыли вездесущим сквозняком — «… мумии-и… мумии-и…» и даже вода теперь капала со звуком — «…упырь… упырь… упырь».

Сколько времени она жалась к закрытым дверям, нервно приглядываясь и прислушиваясь, Кэти не знала. Но постепенно страх отпускал, позволяя сознанию рассуждать все более спокойно и связанно. И в какой-то момент стало понятно, что вся эта жуть, в общем-то, напускная… а вот топор, хочешь — не хочешь, все-таки придется идти искать.

Не раздумывая больше, и даже не выбирая направление, Кэтрин двинулась к одной из боковых дверей.

Не дойдя несколько метров до страшившего ее черного провала, она выдернула из металлического кольца в стене факел.

Но оказалось, что этого и не требовалось — стоило ей переступить порог, как вспыхнул свет, осветивший… ну, конечно же — очередной ненавистный туннель, уходивший бесконечной каменной трубой куда-то вглубь подземелья.

Кэти пару «минут» поразглядывала предложенный ее вниманию коридор, но вот двинуться по нему дальше даже и не подумала. Мысленно посокрушавшись, что Филя на этот раз с подсказками не спешит и, похоже, действительно пропал окончательно, Кэтрин крикнула куда-то вверх:

— Вот в эти игры — я точно больше не играю!

Впрочем, как и ожидалось, кроме тихого потрескивания свечей, льющих свет и истекающих белоснежным воском, естественно, ничегоне услышала в ответ.

Конечно, она знала, что за ней наблюдают, но, из-за проблем слияния с аватаром, из пятнадцати игроков, вошедших в эту Игру, она по итогу двух первых сессий была последней. А люди-операторы, как правило, отслеживали только первую пятерку, чьи внутриигровые приключения транслировались по нескольким каналам головидения и в сети. Аутсайдеров же вела программа, задача которой была всего лишь в корректировке сценария в зависимости от поведения Игрока. А на хоть какое-то вмешательство в ход игрового процесса, и уж тем более на общение с нерадивым геймером, надеяться и не приходилось.

— Молчите, да?! Ну, и ладно! Тогда без претензий! — и, наобщавшись вволю… сама не зная с кем, она решительно направилась к противоположной двери.

Когда Кэтрин ступила в очередной черный провал, свет уже ожидаемо загорелся сам, осветив небольшую комнату бледным сиянием всего нескольких свечей. К тому же, полукруглые ниши, вырубленные в камне стены, в которых те свечи располагались, экранировали этот бедный поток света и направляли его так, что все, что находилось выше метра от пола, уже терялось в потемках. Хорошо, что хоть факел, прихваченный Кэти у противоположно двери, до сих пор был у нее в руках, а то и неизвестно, что бы она тут вообще смогла разглядеть.

Посередине помещения стояли три постамента, на которых лежали женщины в черных одеяниях. Ткань длинных юбок струилась мягкими складками, до самого основания укрывая серый мрамор в ногах каждой.

«— Ага, Темные ведьмы — воительницы…», — запоздало припомнила Кэт описание Игры.

И это обнадеживало — с ними она еще сегодня не встречалась. Хотя, конечно, она много с кем так и не пересеклась, кто был обещан… но вот конкретно эти дамы значились по плану

перед самым боссом. Так что, завершение гейма действительно близко, но, похоже, пока она с этими персонажами не «пообщается», к боссу ее «не допустят».

«— А раз так, то надо действовать!», — и, не придумав ничего лучше, Кэт просто подошла к крайней из возлежавших девиц и довольно ощутимо похлопала ту по ноге.

— Давайте дамы, вставайте уже! — позвала она, ожидая хоть какой-нибудь реакции на свои действия. Но, ни одна из трех ведьм даже не шелохнулась.

Соображая, как же поднять красоток для общения, Кэтрин обошла постаменты и встала в головах у женщин. Так как умные мысли почему-то притормаживали на подходе и, соответственно, понимание, что же еще можно предпринять в этой ситуации, заплутало вместе с ними, девушка от нечего делать принялась более внимательно разглядывать лежащих.

При близком рассматривании лица ведьм показались ейочень юными и удивительно красивыми. С нового ракурса также стало видно, что волосы у них разного цвета и просто чудо как хороши — у каждой по-своему. Справа от Кэти лежала девушка со светлыми лунно-серебристыми волосами. По центру — рыжеволосая, ее локоны, казалось, были продолжением пламени того факела, что держала в руках Кэтрин. А на самом дальнем от входа постаменте возлежалажгучая брюнетка — синеватый оттенок воронова крыла на ее прядях не мог затушевать даже теплый желтый свет, наполняющий комнату. Кудри девушек были тщательно расчесаны и аккуратно разложены на груди и вокруг голов, где они живописно спадали с краев постамента почти до самого пола.

Что бы лучше видеть, Кэти подняла факел повыше. И это вроде бы машинальное действие дало неожиданный и положительный результат — вдруг явно стало заметно, что руки ведьм не просто сложены на груди, а прижимают к телу что-то блестящее, почти полностью прикрытое волосами.

Подходя к каждой по очереди и отодвигая пряди в сторону, благо уже было ясно, что на прикосновения девицы не реагируют, Кэти принялась рассматривать то, что они укрывали.

На груди блондинки покоился огромный меч со странным волнообразным клинком. Понятно, что Кэтрин совершенно не разбиралась в каком-либо оружии, и уж тем более в древнем, так что классифицировать его как-то она не смогла. Возможно даже, что сей предмет и не был историческим аналогом, а всего лишь порождением фантазии художника — уж больно его красивые формы казались неправильными. Ее аватар, конечно же, имел все знания о подобных вещах, но… все та же проблема неполного

слияния заставляла по каждому вопросу запрашивать персонально. На автомате, как положено, ничего не прокатывало!

Но так как это была явно не требуемая по сценарию «открывалка» для дверей, то Кэти не стала ничего запрашивать, а просто на мгновение остановилась, чтобы полюбоваться на грозное оружие, просто как на красивую вещь. Волнообразный дол, слегка преломляя полированную поверхность лезвия, заставлял попадавший на нее свет причудливо переливаться по всей длине — от острия, находящегося под самым подбородком ведьмы, до расцвеченной искрящимися камнями рукояти, покоящейся в складках черного платья где-то в районе ееколеней.

Налюбовавшись вволю, Кэтрин передвинулась к следующей женщине. Между тем, огневолосая прижимала к себе что-то вообще непонятное. Локоны, которые осторожно убирала с ее груди Кэт, цеплялись за какие-то колючки. После долгого распутывания открылся игольчатый шар, лежащий практически на шее ведьмы, а от него между грудей и дальше по животу тянулась толстая цепь. Рукоять, к которой она крепилась, также скрывала ткань объемной юбки.

«— Что это?», — машинально, но видимо вполне конкретно, подумала Кэтрин.

«Моргенштерн»,

— моментально подмигнула подсказка.

— Моргенште-ерн! Звучит красиво, но мне, в общем-то, все равно как эта штука называется. Ты, главное, не забудь в нужный момент подсветить, — толи к аватару, толи к самой программе Игры, обратилась девушка.

Но ожидаемо не получив ответа, пробурчала:

— Может хоть девчонки, конечно если добужусь, поразговорчивее будут, чем мумии и зомби?

Тем временем она подошла к последнему постаменту. В общем-то, Кэт уже догадывалась, что она обнаружит там. И точно, укрытый блестящими черными прядями, раскинув на груди красавицы, как птица крылья, два лезвия, лежал заветный топор. Ну, или секира. Острое навершие упиралось ей в горло, а длинная рукоятка из полированного дерева тонула, как и у других, вмногочисленных складках одеяния где-то в ногах.

— Ну, была — не была! — с этими словами Кэти взялась за топорище и потянула его на себя. Не тут-то было! Хватка спящей мадам на нем была весьма крепкой. Занятая тем, что тянула и дергала так нужный ей топор, Кэтрин не сразу заметила, что глаза ведьмы открылись… и у других тоже. А потом они, все вместе, стали медленно подниматься, не хорошо так… не

естественно как-то. Жуткое зрелище заставило девушку отпрянуть и попятиться к двери.

«— Да, точно, к двери! — обернувшись, уточнила она. — А то ведь сперепугу могла рвануть и в другую сторону!»

И вовремя. Ведьмы тем временем успели утвердиться на своих седалищах и переместили оружие, положив его поперек коленей, а ладони рук на рукояти. Кэтрин была уже у выхода, когда они одновременно подняли на нее глаза, оскалили зубы со здоровенными клыками «— Клыками?!» и зашипели, отчего Кэти замерла в проеме.

Их прекрасные лица начали меняться, за считанные «секунды» превращаясь в уродливые, страшные маски смерти. Белоснежная нежная кожа приобретала синюшный оттенок, темные тени, казалось, въедались в нее, расползаясь вокруг глаз и по скулам, губы чернели.

Усилием воли, скинув с себя оцепенение и не дожидаясь окончания этой кошмарной трансформации, Кэтрин бегом кинулась из комнаты, успев все-таки заметить, что над их головами стали проявляться индикаторы энергии.

«— О, это уже фигуры! Скоро, скоро уже конец уровня!», — промелькнувшая в голове мысль констатировала единственный положительный момент в этой все более усложняющейся ситуации.

Она успела добежать до стены, в которой была запертая дверь, и прижаться к ней спиной, когда в зал вплыли ведьмы.

Именно вплыли — их ноги под одеждой не шевелились, отчего ниспадающие складки юбок, гладко так, без рывков, стелилисьшлейфами по полу. Волосы, наоборот, вместо того чтобы спокойно лежать на плечах, извивались в разные стороны, как будто расплывались в проточной воде, и напоминали клубки живых змей. Лица их, видимо к этому времени преобразившиеся полностью, напоминали теперь оскаленные обтянутые посеревшей кожей черепа с горящими глазами.

Глядя на этот надвигающийся тройной кошмар, чтоб подбодрить себя и хоть чуть-чуть разрядить обстановку, Кэти решила крикнуть что-нибудь громкое и задорное — в Филькином стиле, но нервишки, похоже, сдали совсем, и в результате получилось нечто, скорее напоминающее истеричное блеяние:

— Ну и красотками вы стали, девочки! А с зубами вашими перестарались! Вы знаете?! Ха-ха… хм… у ведьм их быть не должно! Они у вампиров имеются … и этих, как их там… ну, людей — собак, что ли!

«Оборотней? Это волки».

— высветилось внизу поля зрения. «— Да пофиг!» — отреагировала Кэти на подсказку, при этом в ужасе осознавая, что своими воплями ведьм она вряд ли напугает, а вот аватара с программы собьет.

Но Kesha — умница, на обсуждение внешности своих оппоненток она внимания не обращала, а занималась привычным делом — готовилась к бою. Сняла лук с плеча, достала, наложила на него стрелу и встала в пол оборота к нападающим, широко расставив ноги для лучшей устойчивости. Замерла.

Ведьмы приближались. Две из них, блондинка и рыжая, двигались в авангарде, а темноволосая держалась позади.

Как только расстояние сократилось до промежутка равного полету стрелы, наконечник той, что была вложена в наш лук, загорелся, готовый поразить цель.

А страшные тетки… вдруг запели. Видимо, таким образом объявляя и о своей готовности к бою. Звучание непонятных слов, произносимых растянутым речитативом, дополнялось пришепётыванием и каким-то поскуливанием. Каждая вела свою партию, а вместе они сплетались в одно невообразимо жуткое созвучие, которое наиболее высокими нотами отдавалось эхом от стен зала, усугубляя и без того мрачную и давящую на сознание Игрока атмосферу подземелья.

Пока Кэти про себя ахала и охала, Kesha делала свою работу. Горящие стрелы срывались вполет, отправляемые тетивой лука с ритмичной четкостью, и каждая попадала в цель. Вернее в две цели, третья была до сих пор недоступна. Но пока особого эффекта от стрельбы не наблюдалось, как заметила Кэтрин. Стрелы вонзались в тела ведьм и тухли, не нанося им хоть какого-нибудь заметного урона. Благо эти страшилища пока двигались довольно медленно.

Kesha сменила тактику и стала посылать стрелы только в одну цель — в рыжую ведьму.

«— Сама додумалась? Или меня услышала? — пронеслось в голове Кэт. — Все это так сложно, такая неуловимая грань! Что ее отвлекает? А что оно воспринимает?»

Тем временем, ведьма стала похожа на свой… ну этот, который к счастью, так и не успела пустить в ход… колючий шар. Долетаемые до нее стрелы перестали потухать. Тускло светящийся над головойиндикатор показал снижение запаса ее энергии на три четверти.

Но, не успела Кэти обрадоваться … как оказалось, что стрелы закончились.

«— М-да, сколько же я их оставила в том коридоре с зомбиками? Неужели меня настолько сильно тошнило, что не

могла собрать все?», — пришло запоздалое раскаяние в собственном легкомыслии и неуместной чувствительности.

«Меч из эльфийской стали».

— показала подсказка, выдавая, одновременно с этим, картинку со светящимся синим вдоль ромбовидного дола клинком.

«— Хорош, конечно, но мне надо что-то помощнее и для дальнего боя!»

То, что ощутилось в руке, Кэтрин увидеть не успела, потому что поплывшая было надпись:

«Kesha, человек, уровень маны 1 000 000??????? Единиц. Доступен „Жезл Всемогущей Морганы“ дубль „Жезл Великого Мэрлина“ дубль……..»

Замигала, налилась красным и потухла, на мгновение ослепив девушку. А потом строка выдала и того более непонятный текст:

*«Ошибка! Код 563 %№**&. Данный кластер не поддерживает использование маны персонажем. Системный сбой! Код 83/4;№;*"*. Показатель используемой маны персонажа превысил допустимое значение. Сообщение передано в техническую поддержку „Бонусного тура“. Приносим свои извинения за возможные доставленные неудобства!»*

Ведьмы, во время проплывания перед глазами второй надписи, уже стояли, замерев в позах незавершенного ими к этому моменту движения. А потому, когда Кэти попыталась повернуть собственную голову, и данное действие у нее не получилось, большого удивления это уже не вызвало. Вполне предсказуемо, что раз зависли NPC, то и ее Kesha тоже не сможет двигаться дальше.

Но испугаться девушка не успела, буквально через «минуту», по крайней мере по ощущениям Кэтрин, «мир» отлагал и, включив звук с подвывом, «отмотал» у действующих лиц по паре движений назад и погнал дальше, как ни в чем не бывало. Строка перед глазами привычно мелькнула не напрягающей зрение серой надписью:

«Доступен „Жезл Хрустального Мага“».

Кэти тут же засомневалась в своем запросе, когда ее рука выдернула из дорожного мешка за спиной нечто, напоминающее больше всего… гипертрофированную до невозможного размера палочку доброй феи из какого-нибудь комедийного фильма. Несмотря на вызывающе-роскошное оформление, с позолотой и блестяшками, это нечто было тяжело само по себе, громоздко и плохо ложилось в руку, выскальзывая из ладони резной поверхностью. В общем, на удивление грубая, примитивная в исполнении и до ужаса нелепая вещь!

Кэтрин, конечно, очень не любила ходить в Игру из-за своей плохой совместимости с аватаром, но вынужденно оказавшись в ней, старалась получать хоть какое-то удовольствие от искусственно созданной незнакомой реальности. Конкретно в этой Игре, по крайней мере до этого момента, все пока было на высоте, и создания, пусть даже мерзкие и пугающие, и интерьеры, заполняющие локации, и звуки, и запахи — каждая деталь была отточенной до мелочей, и самое главное — к месту. Но ЭТО? То, что сейчас было в ее руках, ни в коей мере не вязалось со всей окружающей стилистически выверенной обстановкой. Как будто на пейзаже великого художника ребенок фломастером дорисовал человечка.

Пока девушка про себя возмущалась нелепостью выданной штуковины… аватар вовсю лупил из нее по ведьмам желтыми молниями.

Уродливая палка оказалась на редкость эффективной.

После трех — четырех ударов рыжеволосая вспыхнула ярким пламенем. Ее индикатор снизился до нуля, покраснел, замигал и потух. Две другие ведьмы тут же, прервав свое наступление на Кэти, перевели свой горящий взгляд на гибнущую подружку и, выгнув шеи, заверещали. Ударная волна от их визга, пометавшись между стен огромного зала, ввинтилась в уши, заставив Кэтрин задохнуться от боли. Но, несмотря на выступившие слезы, она все-таки сумела заметить, что ведьмы после потери одной из них начали двигаться гораздо быстрее.

Аватар же, умничка, жил собственной жизнью — не обращая внимания на болевой эффект и застилающую глаза влагу, поразивших Игрока, продолжал выпускать из жезла молнии уже в сторону беловолосой. Показатель энергии той упал до половины.

Но тут Кэти обратила внимание на собственный индикатор и ужаснулась. Он тоже катастрофически быстро убывал. Не так как у противниц конечно, но за всю Игру она не видела его столь опустевшим — на треть, где-то, может, чуть больше. Срочно нужно менять оружие!

— Меч! — крикнула она.

«— Вот это вещь!» — оценила Кэтрин ощущение удобства, с которым тот улегся в ладони, а глаза еще раз порадовались строгой изысканности оружия.

А аватар в этот момент… уже отражал первый рубящий удар сверху.

Меч ведьмы отскакивает и в следующий раз клинок несется уже из заноса справа. «— Отбиваем!». Слева — тоже. Белобрысая чуть отступает и делает резкий выпад вперед, метясь острием. Предвидя этот ее колющий удар, Kesha тоже отступает назад и чуть в сторону, пропуская меч в миллиметре от себя, и подхватывает его плоскостью своего. Инерция движущегося клинка противницы дает возможность проехаться по всей его длине до самой гарды, высекая мгновенно меркнущие искры, где крепящие клинья того намертво сцепляются с крестовиной Эльфийского меча. Что, в свою очередь, позволяет аватару движением, вверх и в сторону, вывернуть волнообразный клинок ведьмы и выдернуть его из ее рук. Выбитое оружие еще не успевает приземлиться, а сверкающее синим Эльфийское лезвие уже погружается в грудь блондинки.

Уровень энергии той падает до красного сегмента на индикаторе. Раскинув в стороны руки, она соскальзывает с клинка и очень медленно и грациозно падает. Сияющие лунным светом волосы картинно разлетаются по черным мраморным плитам пола и прикрывают ставшее страшным лицо, а складки юбки веером откидываются в сторону, обнажая точеные изумительной формы ножки.

Если бы на месте Кэтрин был геймер мужчина, возможно, тут бы и настал ему конец! Потому что, останови Игрок свое внимание на этой поверженной красоте хоть на «секунду», то уже в следующую, был бы сражен тем самым заветным двукрылым топором — черноволосая ведьма начинает неимоверно быстро двигаться, молниеносно сокращая расстояние.

Но девушку, к счастью, «умирающий лебедь» нисколько не впечатляет. Единственное, что позволяет себе Кэти, это убедиться, что выбитый из рук блондинки меч находится далеко от хозяйки. «— Отлично!». Клинок хоть и приземлился уже, но был все еще в движении, вращаясь по гладкому камню пола и отодвигаясь все дальше от поверженной ведьмы.

А последняя злобная красотка уже близко. Опять забыв то, чему ее учили, Кэти начинает волноваться. Оружие, занесенное над головой брюнетки, кажется очень крупным и тяжелым, а длина его, от самого верха наконечника и до конца рукояти, выглядит, чуть ли не вдвое длиннее, чем меч в руках ее аватара.

«— Как можно сражаться таким разным оружием?»

Впрочем, сомнения девушки нисколько не мешают Keshe. Та сама вдруг делает несколько шагов навстречу противнице, а в последний момент, когда топор уже начинает опускаться, ныряет под него, оказываясь у ведьмы за спиной, и рубит своим мечом!

Но достает только самым кончиком ее плечо, распоров ткань платья. Увидеть рану, чтоб оценить тяжесть повреждения, Кэти не успевает, так как в этот момент вдругс ужасом ощущает, что по ее спине течет что-то теплое… она, похоже, тоже ранена.

«— Сейчас задели или в предыдущей схватке?» — уровень энергии на собственном индикаторе стремиться преодолеть половину и девушка начинает паниковать. Аватар замирает, парализованный переживаемым ею страхом.

И тут кто-то, подкравшийся сзади, обхватывает Кэтрин со спины и с силой сдавливает, этим самым не давая ей возможности даже пошевелиться. Вывернув кое-как голову и глянув через плечо, девушка все же умудряется разглядеть развивающиеся светлые пряди.

«— Понятно, недобитая блондинка ожила!».

А та, выкрутив ей руки, заставляет выпустить из них меч и отшвыривает его ногой в сторону. Брюнетистая ведьма, стоя метрах в пяти, в этот момент спокойно наблюдает за ними, давая возможность Кэти полностью прочувствовать безвыходность ситуации, в которую она попала.

Насладившись сполна моментом, ведьма откидывает голову назад и хохочет.

Волосы брюнетки развеваются, хриплый гогот бьет по ушам, горящие красным глаза сверкают, а руки ее товарки крепки и холодны, при этом гнилая вонь дыхания так сильна, что обволакивает плотным облаком, отравляя весь «воздух» вокруг. Все это настолько заполняет восприятие, перегружая все чувства: и зрение, и слух, и осязание, и даже нюх, что даже присутствующее где-то на краю сознания понимание о нереальности происходящего, начинает казаться злой шуткой. Страх, до этого все-таки содержащийся хоть в какой-то узде того самого осознания нереала, рвет все шлейки и вырывается на свободу — зубы начинают выбивать дробь, ноги грозятся подогнуться в коленях, а разум застилает паническая оторопь.

И только в тот момент, надо заметить — фактически последний, когда черноволосая, продолжая выдавать в стиле классики демонического жанра, начинает поднимать руки, занося секиру, Кэт каким-то чудом вспоминает, что она тут не одна — сама по себе… а «вдвоем» с аватаром. И главным здесь должен быть он — ее суперменистый костюм, а не она, трусиха — неумеха!

«— Как учили… медитирую… лежу, дышу, ручки впрямь и ножки впрямь… расслабилась… море… волны… ракушка на песке…»

А пока Кэтрин судорожно пытается вспомнить, чем пахнет морской ветерок, ее аватар приходит в себя, то есть, в свою программу, и принимается действовать, производя, скорее всего, невозможные в реале действия.

Когда хохочущее страшилище, с занесенным над головой топором, начинает двигаться в их сторону, Keshaпятится, пользуясь тем, что вцепившаяся в нее сзади ведьма почти лишена энергии и ей явно не хватит сил одновременно и удерживать ее, и противостоять сопротивлению. В тот момент, когда становится ясно, что острие секиры сейчас начнет опускаться, аватар, пружиня ногами, благо они-то свободны, отталкивается от пола и подпрыгивает, отклоняется назад и всем весом падает спиной на белобрысую. Та не удерживается на ногах и валится на пол, от удара на мгновение разжимая сцепленные руки. Этой «секунды» Keshe достаточно, чтоб успеть скатиться с блондинки в сторону, притом именно в ту, в которую та раньше отшвырнула ее меч. А в этот момент механика игрового процесса все же сподабливается соответствовать хоть каким-то физическим законам и плоский острый наконечник тяжелой секиры проносится мимо, со всего маху втыкаясь в грудь не успевшей также быстро отреагировать ведьмы.

Пока оставшаяся совсем одна черноволосая традиционно бьется в истерике и визжит, аватар поднимает Эльфийский клинок и отходит в сторону, готовясь к очередной схватке. Тем временем Кэти, уже боясь что-либо осмысливать и обдумывать, оставив в полное распоряжение аватара «собственные» руки-ноги, вспоминает на какие темы можно еще «почитать мантры».

Ведьма, наконец, успокаивается и, ухватив поудобнее топор, кидается на них. В этой атаке она направляет секиру одной из рубящих плоскостей, замахом от правого плеча. Kesha реагирует молниеносно, не дожидаясь, когда ведьма настигнет ее, она опять сама начинает движение ей навстречу. И снова воспользовавшись тем, что тяжелое оружие невозможно остановить на лету, а траекторию можно просчитать, она с разбегу, опустившись на колени и проехавшись по полированным плитам пола, успевает проскользнуть под летящим лезвием. Поворачиваясь, встает на одно колено и рубит мечом. Нанесенная ею рана, видимо, опять неглубока и большого урона не наносит, так как ведьма скорости в движениях не сбавляет и очень быстро разворачивается. Так же, в мгновении ока, перехватив оружие острием вперед, бьет. Kesha, не успев подняться, выставляет клинок вперед, защищаясь. Меч,

тормозя летящее навершие, попадает между ним и крылом одного из лезвий, что позволяет, выкрутив клинок, пригнуть топор к полу. А получив таким образом опору, ей удается и подняться. Вот только выдернуть или выкрутить тяжелое оружие из рук ведьмы, как в случае с блондинкой, у аватара не получается — слишком уж длинно древко секиры для этого приема.

Но вот на ноги «девочка» поднимается очень быстро и, мимоходом высвободив из сцепления свой меч, оказывается как раз сбоку от бота, резко поднимая клинок вверх, и по ходу движения наносит полосной удар. Удачный прием — рука ведьмы повисает плетью.

Кэти позволяет себе на мгновение отвлечься от «разглядывания» цветущего луга и обратить внимание на их противницу. Наверное, все-таки и первая рана была более серьезной, чем казалась в начале — там, где ступала ведьма и ее юбки касались пола, появились красно-коричневые разводы. Ее индикатор энергии небыстро, но неуклонно снижается. «— Обнадеживающе».

Кэт возвращается к созерцанию луговых просторов.

Ведьма же, не обращая внимания на почти отсечённую руку, хватает рукоять секиры здоровой, оскаливается и… принимается махать топором так, как будто тот ничего не весит!

Kesha защищается, отбивая удары и уклоняясь. Они кружат по залу, а мокрый подол ведьминого платья разрисовывает темный мрамор пола безобразными кровавыми полосами.

Постепенно скорость движений их с аватаром противницы стала замедляться, уровень ее энергии съехал почти к самой красной отметке.

«— Ну, наконец-то! Проявления реалистичности, хоть иногда, этой игре точно не помешает!» — решила Кэти. А то, как эта подраненная однорукая тетка махала тяжеленным топором, сильно настораживало своей неправильностью и отвлекало от медитации, заставляя задуматься о честности программы сценария, проявляющуюся в весьма вольной трактовке физических законов.

Аватар тем временем позволил себе от защиты и уверток перейти к прямым атакам. В конце концов, он подловил-таки момент, когда ведьма не смогла быстро развернуться, отбивая его выпад, и ударил ту в грудь, проткнув практически насквозь.

В этой последней битве не было погони, не было состояния аффекта, не было страха — Кэти наблюдала ее как бы со стороны и с «трезвой» головой, и поэтому именно теперь ей очень не хотелось видеть происходящее. Да, она шла к этой победе, да,

стремилась поскорее завершить гейм и — да, это всего лишь NPC! Но почему-то ей было неприятно до болезненности смотреть, как в израненную, истекающую кровью ведьму вонзается клинок и с треском и хлюпаньем проворачивается у той в теле.

Все это говорит только об одном — слияния с аватаром до сих пор не произошло, иначе бы у нее такой реакции не было. Она бы упивалась победой, а не чувствовала сожаление и растерянность от случившегося.

А ведьма погибала. Она не бесновалась и не вопила, а наоборот замерла, вперив злобный взгляд в лицо Кэтрин, и запела свою жутковатую песню, бубня непонятные слова и подвывая. А огонь легкими всполохами зародился сначала в ране оставленной мечом, затем, как будто горящее масло, стал вытекать оттуда толчками на длинные одежды. И потом, слегка покачиваясь, ведьма стояла в круге своих горящих юбок, продолжая то хрипло вскрикивать, то шептать, то взывать к кому-то, срываясь почти на визг. Апламя бушевало, при этом, не касаясь ставшего опять прекрасным лица женщины, а лишь подсвечивая его зловещими красками и вплетаясь искрами в развивающиеся волосы.

Кэти села прямо на пол и отвернулась от этого угнетающего зрелища, дожидаясь, когда же все закончиться. Ее мысли крутились вокруг главной для нее темы — симбиоза с аватаром. Она вспомнила свой неуправляемый страх, когда на нее напали две ведьмы сразу, свои цепенеющие от ужаса чувства. Да, реалистичность происходящего поражает, искусность в воспроизведении этой реальности — тоже. Но ведь постоянно, в каждый момент, в любой ситуации, где-то на заднем плане сознания всегда присутствовала мысль-понимание, что это Игра. Как тогда получается, что она настолько теряет голову? И почему именно она подчиняет себе Keshu, а не наоборот? Ведь сама сущность любого юзерпика, с той программой включительно, с какой тот входит в локации, подразумевает, что сам по себе «подселенный» к нему игрок слаб, неумел и беспомощен во всех без исключения игровых ситуациях. Так что, как не крути, а «инстинкты» и навыки Keshiдолжны бы преобладать над неуместными здесь порывами Кэти, как, собственно, и прописано в «Руководстве пользователя». Но почему-то именно в ее случае подобного не происходит.

За раздумьями Кэт не сразу осознала, что в зале стало тихо — ни тоскливого завывания и шипенья ведьмы, ни рева горящего пламени. Она обернулась. Там где бушевал огонь, теперь находилась кучка пепла, а поверх нее лежала положенная горка монет, двукрылый топор и что-то еще. Подойдя, она разглядела

сундучок темного дерева с несуразно выглядевшим на нем нарисованным красным крестом.

«— Понятно, бонус», — открыв его, Кэтрин увидела лежащий на атласной подкладке сияющий кристалл. Девушка взяла его в руки, отчего сияние усилилось и прохладной обволакивающей волной полилось на нее.

Когда свечение прекратилось, кристалл превратился в воду и стек между пальцами.

Проведя «ревизию» аватару, Кэти поняла, что ран нет, одежда на ней целая и чистая, а вот потраченная энергия полностью не восстановилась — где-то четверти не хватает.

«— Вот поэтому Жезл такой уродский и есть! Умный Игрок заподозрит подставу и им не воспользуются. Ну, а лохам и такой сойдет. Вывод? Я … м-да…», — с такими невеселыми мыслями Кэтрин подняла деньги и отвоеванный топор и направилась к запертой двери.

Добытое оружие было тем, что запрашивала программа данного сюжета, поэтому долго биться в дверь не пришлось. Всего три удара в место, где соединялись створки, и они распахнулись. Тут и интерфейс разродился соответствующей моменту строкой:

> *«Выполнено задание „Найти секиру и открыть дверь“. Награда: 1000 Exp. Наложен штраф: — 200 Exp. (Неправильный выбор оружия по данной локации)».*

«— Ну, кто бы сомневался…»

Свет из зала, ворвавшись в открытый проем, ярким пятном высветил лишь небольшую площадку и кусок противоположной стены, с прижавшейся к ней частью лестницы в несколько ступеней. Между ними зияла чернотой здоровенная дыра, которую поток света боязливо избегал, остерегаясь, видимо, провалиться в нее. Так что и боковые пределы открывшегося помещения тонули в непроглядной мгле.

Кэти выдернула факел из ближайшего кольца и ступила на площадку. Подойдя к ее краю и выставив огонь как можно дальше, осмотрелась.

Дополнительного пламени хватило, чтобы в совокупности с исходящим из дверей потоком осветить весь ограниченный стенами объем помещения. Как и ожидалось, стала хорошо видна вся долгожданная лестница, располагавшаяся, видимо, в башне — она цеплялась одной стороной за стены, а второй обозначала край чернеющего провала, похожего на бездонный колодец. Подняв голову, Кэтрин увидела, что и наверху вид такой же. Так что ни дна, ни потолка у башни не наблюдалось. Зато, оглянувшись, девушка заметила рядом с распахнутой дверью на

стене незажжённые факелы. Когда она поднесла к одному из них свой, и тот вспыхнул, тут же по цепочки загорелись и другие, осветив по два, вверх и вниз, оборота лестницы. При этом давящая с двух сторон чернота только отодвинулась, а представление о высоте башни не появилось. Кэт стала подниматься.

Через какое-то время, и сколько-то витков лестницы, она забеспокоилась:

«— Как долго я иду, и как далеко удалилась от площадки перед дверью в зал?»

Было совершенно непонятно, какое расстояние уже пройдено — все сбивало с толку: ноги аватара не знали усталости, факелы вспыхивали впереди, и гасли сзади, а монотонный интерьер, без каких-либо отмечающих пройденный путь особенностей, не цеплял взгляда. Ну, а время, как и в бесконечных коридорах подземелья, от этой неопределенности пространства опять впало в сонное оцепенение, не давая ощутить свое течение.

— Но, не поворачивать же назад? — буркнула себе под нос Кэти — сомнения в правильности выбранного пути стали потихоньку заползать в голову.

Но стоило только девушке озвучить это предположение, как вдруг где-то наверху раздался скрип открывающейся двери и грохот закрывающейся.

Некто спускался ей навстречу. Звук шагов приближался, и по тому, как они звучали, было ясно, что этот «некто» довольно крупный и массивный. Стало жутковато, а окружающая обстановка, с ее трепыхающимися на сквозняке факелами и мрачным зевом лестничного пролета, только поддержала такое настроение.

«— Эй, это же игра, все понарошку!», — стала уговаривать себя Кэтрин, но в отличие от даже воображаемого Фили в ее исполнении эта бравая сентенция прозвучала как-то убедительно.

«— Может, наконец-то босс уровня объявился? И, значит, конец гейма уже близок! — это тоже не сильно помогло. Оставалось одно: — Дышу глубоко и представляю морской прибой».

И тут, на два оборота лестницы выше, прямо напротив Кэти в свет факелов ступило то, что к ней приближалось! Да, это однозначно был босс уровня. И это был монстр вдвое мощнее любого самого крупного по допустимым размерам аватара! А уж ее «девочку», пусть сильную, гибкую и умелую, этот громила превосходил, наверное, раза в два! Ну и, так — до кучи уже, индикатор энергии его был настолько емким, что для боя с ним нужно было штук… много таких «штук», как она!

В этот момент сработал эффект приближения, заложенный, видимо, в программу для такого случая, и на «секунду» Кэт увидела Босса как бы на расстоянии вытянутой руки.

Лицо того, кто приближался к ней, вернее сказать — морда, была похожа на обтянутый серой кожей череп с оскаленными клыками, так же как и у ведьм в худшей их ипостаси. Да и глаза, как у них, горели красным. А вот прическа монстра уже «выпадала» из общего с «дамами» стиля — волосы, расположенные ото лба по темечку всклокоченным ирокезом, вперемешку с какими-то перьями, открывали заостренные уши и рога, длинные и изогнутые. Но ладно на голове, но ведь и на доспехе, в который тот был одет, и имитирующем рельефы перекаченного мужского тела, на ключицах, на плечевых суставах и локтях у этого урода тоже торчали рогоподобные наросты!

Оружием же этому чуду, сотворенному больной фантазией психопата, служила палица, размером с ногу Keshi, утыканная металлическими шипами, которую тот нес, водрузив на свое дикообразоподобное плечо.

Большего разглядеть не удалось — эффект дальновидения отключился, но и этого хватило, чтоб перепугаться до чертиков!

«— И как я буду с ним сражаться?! Тут дыши, не дыши, никакие благостные мысли не помогут. Только головой об стену, до отключки сознания. Иначе — бедный мой аватар!»

Интерфейс на это подмигнул… насмешкой… не иначе… потому что его строка гласила:

«Кинжал из эльфийской стали».

Картинка показала клинок, ага — синий как меч, но размером чуть длиннее ладони.

— Вы издеваетесь?! Как я с этой тыкалкой смогу быть на равных с чудовищем, которое вы на меня натравили? — вслух от неожиданности такого предложения, спросила неизвестно кого Кэти. — А не вернуться ли за топором? Ладно, давайте меч. Все ж покрупнее этого ножа будет, — и тут же в руках ощутила ставшую уже привычной рукоять.

Пока она занималась выбором оружия, монстр спустился на один оборот лестницы, то есть прошел уже половину разделяющего их расстояния.

Кэти прилагала кучу усилий, чтоб абстрагироваться от происходящего, но прекрасное и отвлеченное в голову не лезло. Зато ее, голову то есть, заполняли мысли типа:

«— Лестница в ширину не более двух метров, справа — стена, слева — пропасть, как драться на столь ограниченной территории? А урод спускается сверху, что делает разницу в

росте, и так немаленькую, просто катастрофически огромной!».

Строка мигнула, выдавая квест:

«Получено задание: „Уничтожить Хозяина Черного замка“. Награда: 2000 Exp.»

Тем временем аватар, расставив ноги, приготовился к нападению. Монстроподобный босс увеличил скорость спуска и, не доходя ступеней пять, замахнулся палицей. Когда та, под рычанье и вопль типа: «— Э-эх!», стала опускаться, Kesha кинулась под нее с занесенным клинком. Видимо она целился в сердце чудовища — туда, где низкая плечевая пластина, сдвинутая отведенной левой рукой, открывала узкую щель между собой и грудным панцирем. Но в данное мгновение боя тело соперника пошло в наклон, да и развернуто оно было вполоборота относительно аватара, из-за полета правой руки, которую увлекала вперед тяжелая палица, и Keshe, вооруженной длинным мечом, просто не хватило места для замаха — локоть наткнулся на стену. Клинок, не достигнув груди монстра, всего лишь чиркнул по литому металлу, в том месте имитирующему выемку пупка, и с хрустом сломался.

Громоподобно взревев, как и полагается чудовищу, Босс отбросил палицу и, схватив левой рукой за собранные в хвост волосы Keshi, а правой за плечо, рванул. В разные стороны. Раздался треск.

Кэтрин почувствовала мгновенное ощущение натянутости в том месте, где была ее шея, а в следующий миг уже жжение и боль. Перед глазами побежала подсвеченная красным строка:

«Внимание! Вы погибли! Задание „Уничтожить Хозяина Черного замка“ не выполнено. Наложен штраф: — 200 Exp.(Неправильный выбор оружия по данной локации)».

А потом все закружилось, и она полетела.

Нет, не она, а только ее голова… котораярывком взлетев вверх до границы света и на долю «секунды» зависнув, начала падать. В этот момент, хоть голова и вращалась, глаза Кэти успели выхватить картинку того, как ее безголовое тело, которое отшвырнул от себя монстр, скатилось на несколько ступенек вниз и упало поперек лестницы, свесившись ногами в пропасть. Из места, где раньше была шея, толчками хлестала кровь, стекая вниз по каменным уступам.

Все произошло так быстро и неожиданно, что Кэтрин не успела даже испугаться в первый момент, и только

сейчасзапаниковала:

«— Я должна была отключиться сразу, как „погибла“, разве не так?! Что опять за персональные ощущения?»

Пока все это проносилось в ее голове, падение и вращение продолжались. Перед глазами попеременно возникали то темная пустота колодца, то освещенные витки лестницы, которые к этому моменту успели превратиться просто в оранжевый круг с чернотой посередине. Босса уровня и свисающих с края ступеней обутых в сапожки ног собственного тела она отсюда уже не видела.

Последняя мысль, которая настигла Кэти, это было осознание того, что она опять все испортила. Что никакого боя и быть не могло, что сам вид монстра и наличие лестницы без перил говорили об этом. Ей давался всего один шанс на одно хорошо спланированное действие, и все! Неудачное использование его в данных условиях приводило к тому… к чему и привело. А она не послушалась подсказки и запросила меч…

— Ох, и дура же ты Катька! — звонкий Филькин смешок и тишина…

Глава 1
Даниэль

1 (0)

Как всегда, его сознание из черной бездны небытия скользнуло в голову подобно зверьку, возвращающемуся в уютную безопасную нору из враждебной и пугающей ночи. Зверек, которым он почему-то ощущал себя в эти моменты, наверное, ласка или хорек, был с текучим, сильным тельцем и маслянисто-блестящей гладкой шкуркой. Забравшись в родную нору, он какое-то время умащивается, пристраивается, удобно распределяясь по ней. Затем, несколько мгновений наслаждается ощущением безопасности и блаженного покоя.

Но момент звериного бездумно-инстинктивного ощущения жизни длиться не долго. Осознание себя зверьком пропадает. На опустевшее место заползает память, таща за собой понимание, что чувство безопасности в данной ситуации вызвано всего лишь темнотой под закрытыми веками и потому ложно. Мысли из неосознанно-обтекаемых становятся остро-холодными и расчетливыми.

Появляется чувствительность в теле.

Даниэль старается контролировать это наплывающее сверху ощущение покалывания, вызывающее, как он знает, легкую судорогу в членах. Но нельзя позволить себе даже такое непроизвольное движение, нужно стоять спокойно, ничем не выдавая своего присутствия в теле.

В отличие от других он очень быстро выходит из паузы, а временную разницу привык считать своим «личным временем».

Он много чего делает быстрее и лучше других, но предпочитает, что бы об этом никто не знал. Это непреложное правило для себя Даниэль определил давно, еще в первые «дни» после воспроизведения.

Он был тогда слаб, неловок и растерян, как впрочем, и трое других таких же, как он новичков. И они, еще не умеющие толком говорить и двигаться, внимали своим наставникам и верили всему тому, что слышали. И не просто верили, они доверяли. Скорее всего, это происходило потому, что сознание их тогда было совершенно пусто от знаний и понятий о чем либо.

С первых «минут», как они осознали себя, им неустанно твердили, как же несказанно повезло, что они воспроизведены в этом лучшем из Миров — они созданы для блага его, для защиты и созидания! А их миссия благородна и почетна!

И на исходе первого «дня» начавшегося обучения двое из них смогли уже освоиться и выполнить все, что от них требовали. Но… при этом они не задавали никаких вопросов, не привносили

в решение задач, которые перед ними ставились, ничего личностного и не выражали, ни заинтересованности, ни разочарования при их выполнении.

А вот третий мальчик был такой же, как и Даниэль, с проблемами во всем, что касалось освоения в Мире. Пару «дней» они двое боролись со своими непослушными телами, ловя то и дело ускользающее равновесие, и старательно делая шаг за шагом. А тем временем пока руки и ноги были заняты выполнением возложенной на них задачи, пустые головы мальчиков быстро наполнились вопросами: «— Как? Зачем? Почему?». И они обсуждали между собой все, казавшееся им интересным и непознанным, и высказывали друг другу предположения.

Как оказалось, подобная любознательность не поощрялось в идеальном Мире.

Но юные сапорты все еще верили и доверяли своим наставникам.

И на третий «день» тот, другой мальчик, не боясь и не таясь, поведал старшим, что когда он спит, ему сняться сны… в которых присутствуют, кажется, знакомые ему люди, а вот предназначение предметов, находящихся во множестве вокруг тех людей, ему не известно… и там, во сне, есть еще и здания, но это не их дом-Храм… и там везде свет, а не благословенная чернота Мира…

И много еще чего там было — в снах другого мальчика… а маленький сапорт, которого немного позже назовут Даниэлем, слушая о них, обмирал от переживаемых чувств, названия которым не знал пока, но, уже понимая, что происходит что-то непоправимое.

Несколько «дней» того мальчика никто не видел, а когда он появился, то своим видом и поведением напоминал уже тех двоих, которые изначально были другими.

Даже хуже… его глаза… раньше такие искристые, подобно зеркалу отображавшие каждый порыв, каждое слово, каждое переживаемое чувство, теперь стали тусклыми, без какого-либо проблеска «живой» мысли. Проблемы с координацией движений остались, но, в отличие от прошлых «дней», они уже его не волновали.

Чем Даниэля в тот момент конкретно напугало такое состояние бывшего приятеля, он не знал. В его, тогда еще совсем пустой голове не было, да и не могло быть, никаких знаний о правильности или неправильности происходящего, не могло возникнуть каких-то ужасных ассоциаций, потому, что и сравнивать-то, собственно, было не с чем. Да и понимание производимых окружающими действий, тоже должно было на

чем-то основываться. Но от взгляда на соученика Даниэль ощущал, как начинает дрожать и так непослушное тело. А мысли в голове сначала судорожно всколыхиваются:

«— Я тоже вижу сны! А не сказал потому, что не знал как объяснить. Просто, он был первым, кто подобрал определение происходящему! — а потом сжимаются и отказываются шевелиться: — А если бы первым был я?! Стал бы, таким же?!»

Определения «каким — таким» у него тоже не имелось, но то, что подобного для себя он не хочет — Даниэль знал точно.

Хорошо еще, все это продолжалось не долго. Стоило ему освоиться с телом, избавиться от неловкости в своих движениях и приобрести устойчивость, как он начал быстро обгонять в учебе других. Вскоре с ним стали заниматься индивидуально и остальных соучеников он теперь видел редко.

Позже, когда Даниэль получил доступ к инету и как-то случайно наткнулся там на сюжет о дефектном механизме — роботе, продолжавшем выполнять свои обязанности несмотря на помехи, он вспомнил это давнее, так поразившее его происшествие. И с забытым уже на тот момент ужасом понял, на что был похож тогда его разговорчивый соученик. Мало того, что старый страх всколыхнулся в нем, сделав на миг все тем же маленьким, беззащитным, жалким, безымянным сапортом, но имея те знания, что он успел получить за прошедшие «годы», Даниэль теперь в полной мере осознал, что же сделали на самом деле с тем вторым новичком. И насколько он сам был близок к подобному кошмару!

Конечно, со временем его внутренний мир пришел в норму, но вот тот старый урок он выучил крепко. Братья не спят, а уходят на паузу — это раз, сны им не снятся никогда и ни при каких обстоятельствах — это два, и третье — что бы с тобой не происходило, не смей никому говорить об этом, выпутывайся из этого и ищи ответы сам.

И еще, пожалуй, самое главное, что тогда повлияло на формирующиеся мироощущение Даниэля — это осознание такого понятия, как предательство. А пережив разочарование в тех, кто внушал им, пустоголовым созданиям, как оказалось необоснованное ощущение защищенности и всеобъемлющей поддержки, он постепенно научился «отодвигать» от себя все и всех — и происходящее вокруг, и тех, кто был с ним рядом.

С тех пор он многое держал в себе, никому не доверял, к сведению принимал только то, что действительно шло ему на пользу — развивало способности и увеличивало его силы. А все «бла, бла, бла» на тему: «Этот Мир идеален. Служение ему величайшее благо. Счастлив, должен быть тот, кому доверили

защищать его и заботиться о нем», Даниель стал пропускать мимо ушей.

А со временем, освоившись в этом Мире, пришло понимание, что Мастера — Наставники руководившие обучением, да и всей жизнью обитающих в Храме, гораздо слабее и его, и многих Старших братьев. И тогда он возненавидел и стал презирать их — тех, вся власть которых, как оказалось, держалась всего лишь на полном и безоговорочном подчинении нижестоящих.

Единственный к чьему мнению Даниель продолжал прислушиваться, и чьи приказы принимал безоговорочно, это был Мастер — Создатель. Но и это, скорее всего, было не истинным уважением, а признанием превосходства, зиждившимся на осознании мощи его силы.

На сегодняшний «день» самого Даниэля считали самым способным из Старших братьев, но полную меру его возможностей не знал никто. Его также считали исполнительным и аккуратным, но, опять же, только потому, что ему нравилась его «работа». Все было так, как он сам решил, ровно на столько, насколько он сам показал. А пустая похвальба и чувство превосходства, как таковые, были ему чужды. Да и в демонстрации своих преимуществ какой-либо пользы для себя он не видел, скорее понимал, что это вызвало бы проблемы.

А сны… он продолжал их видеть. И это было для него самым ценным сокровищем, которое Даниэль хранил, оберегая втайне от других все эти «годы».

И вот те самые «личные минуты», что удавалось утаить от окружающих после выхода с паузы, он тратил, чтобы повторно испытать, смакуя и наслаждаясь, то, что видел во сне. Правда, сновидения быстро таили в пробудившемся сознании и буквально через несколько «минут» от них ничего не оставалось, кроме ощущений тепла, греющего изнутри, да радости, которая, казалось, не имела причины.

Да, то, что происходило с ним на паузе, про себя Даниэль продолжал называть именно сном, хотя, что конкретно наполняло его сновидения, он так и не разобрался. Были ли это грезы чистой воды, от желания иметь хоть что-то свое в этом Мире? Или это было отражение мыслей Игроков, попавших непонятно каким образом в его сознание? Или это было то, о чем он вообще боялся мечтать — его собственные воспоминания из какой-то другой, до его воспроизведения здесь, жизни?

Всякое могло быть… но сны эти заключали в себе столько внутренней теплоты и чьей-то любви, что он, живший в атмосфере полного эмоционального одиночества и холодной бесчувственности жесткой иерархии, не мог позволить себе

отказаться от них. Даже если бы и знал точно, что они ему не принадлежат.

Прерывисто вздохнув и судорожно сжав ладони в кулаки, Даниэль открыл глаза — пора показать, что он пришел в себя, пока система не заподозрила неладное и не подняла тревогу.

Ступив из каменного углубления в стене, он первым делом прислушался. «— Вроде все тихо».

Массивные колонны, отделяющие галерею с нишами от большого зала, создавали полумрак, дающий небольшое подобие уединенности тому месту, куда Братья удалялись на паузу. Обернувшись, Даниэль понял, что кроме собственного, покинутого им только что «спального места», все остальные ниши в данный момент заняты.

Удовлетворенный этим, он подошел к проходу между двумя колоннами и, не выходя сразу из тени, приостановился, что бы без помех окинуть взглядом огромный зал.

С того места, где он стоял, неплохо просматривалось все помещение Храма. Центральный неф, хорошо освещенный ярко горящими свечами, нанизанными гроздями на высокие напольные канделябры, был явно пуст. И даже световую мозаику на гладком полу, создаваемую бликами оконных витражей, не нарушало колыхание теней, обязательно образовывавшихся, если бы кто-то находился на верхних галереях.

Справа от затаившегося Даниеля, там, где в обычном храме располагается алтарный комплекс, на возвышении в десяток ступеней стояло кресло, и в нем громоздилась застывшая фигура Мастера — Создателя. А по бокам от него, так же, как и Братья стоя, замерли неподвижные тела Мастеров — Наставников.

Противоположную же сторону зала от яркого света центрального помещения отсекала колоннада, подобная той, в тени которой он сейчас находился. А за ней не очень четко был виден и такой же ряд ниш, в которых отдыхали Старшие Братья. И, похоже, как и в том ряду, что располагался за спиной Даниэля, там тоже свободных мест почти не наблюдалось.

«— Отлично!» — Храм, по всей видимости, был совершенно пуст.

Малая активность в «доме» говорила о том, что никаких сбоев и непредвиденных глюков в системе Ксандер нет и на данный момент в Мире все тихо и спокойно. Это Даниель любил — не надо ни с кем общаться, никуда спешить, а главное, не приходится выполнять тупые приказы Наставников, своей содержательностью исходящие из их весьма ограниченных возможностей.

Выйдя из-за колонны на открытое пространство, пользуясь тем, что кроме него «бодрствующих» в Храме на этот момент нет, Даниэль, машинальным жестом напрягая руки, потянулся. Приятное натяжение в плечах повело за собой мышцы спины, и он услышал привычный хлопок, сопровождающийся шорохом перьев, — расправились крылья. Не то чтоб ему это было необходимо или у него что-то затекло, но само это действие, побуждение к которому приходило откуда-то из глубины подсознания, помогало сконцентрироваться, настроиться на рабочий лад и, вообще, как-то бодрило.

Сложив крылья, Даниэль направился к возвышению, где перед первой ступенью стояла изящная стойка, своей конструкцией напоминающая нотный пюпитр. Положив на нее ладонь, он провел ею по гладкой поверхности, а потом терпеливо пронаблюдал, как на этом месте сформировывается лист из прозрачного материала.

Взяв пластину, он поднял взгляд на застывшие фигуры Мастеров, что бы еще раз удостовериться в отсутствии каких-либо признаков пробуждения, а удовлетворившись стабильностью их паузы, развернулся спиной к «алтарному» месту и быстро направился к выходу из Храма.

Следуя по центральному нефу, он, прямо на ходу, нетерпеливыми движениями стал резко передвигать пальцами по плоскости интерфейса, читая задания, предписанные ему на предстоящие два «дня». Пробежав глазами по тексту, сжал губы, чтоб сдержать улыбку — сначала по плану, конечно, предстояла парочка рутинных дел, но вот потом… в программе значилось посещение домена Селин.

Стараясь не выдать чем-либо свою радость, Даниэль сделал вид, что все внимание переключил на руки. В общем-то, он мог обойтись и без этого — подобные манипуляции уже многие «годы» производились автоматически. Ладони сначала скатали интерфейс в шар, затем привычным движением раздвинули его, преображая в нечто, что можно одеть на голову.

Сам Даниэль уже давно не придавал значения тому, как выглядит его девайс, так что тот полувенец, который в результате оказался у него в руках, почти ничем не отличался от исконного арта, что был прописан для них изначально. Многие же Старшие, получив возможность творить, старались выделиться и их интерфейсы иногда принимали довольно неоднозначные формы. Пропустив через себя инфу о нескольких игровых мирах, Братья стремились «вылепить» из интерфейса нечто, в их понимании оригинальное. Так что часто такое творение могло выглядеть и как средневековый армет, и как турецкий шишак, и даже как

фракийского шлем с высоким гребнем.

Когда-то и Даниэль носил такой же, но вскоре понял, что полувенец в своей простоте гораздо удобнее, а его форма больше соответствует не только их внешнему виду в целом, но и тому образу, который им был придан стартовым артом в самом начале сотворения Мира.

Кто и когда в «начале времен» решил придать сапортам системы внешний вид ангелов, Даниэлю было, конечно, неизвестно. Но он, в общем-то, догадывался, откуда был взят образ защитника и хранителя Мира Ксандер. Если к их одеянию прибавить имеющиеся у них крылья и искрящийся вокруг головы полувенец, то и получится, что все Братья выглядят очень похоже на ангелов-защитников с витражей и гобеленов, украшавших строения культа и древние замки того мира, откуда приходили геймеры.

Стилизация была, конечно, весьма приблизительна. Те персонажи, толи исторические, толи культовые, изображались в легких на вид доспехах, чаще даже кожаных, чем металлических, а порой и вообще без них, обходясь просторной многослойной одеждой. Да и штанов с сапогами у прообразов не наблюдалось.

Броня же сапортов была роскошна и объемна, с литыми наплечниками и «чешуей» пластин на груди, и скорее напоминала утрированные доспехи рыцарей времен мифического короля Артура. По крайней мере, так, как эти времена позиционировали в игровом мире.

Но современные люди, там — в реале, большой набожностью, как подозревал Даниэль, давно не отличались. Принадлежность, к какой бы то ни было религии для них, скорее, было традицией, чем актом искренней веры. Поэтому, оказавшись в Игре и попав под действие сбоя программы, они и искали защиты у ангелоподобного создания, не заморачиваясь на счет его не особо канонического внешнего вида. На что, видимо, и был расчет создателей Мира Ксандер.

Но программы постоянно совершенствовались и, начиная где-то с третьего поколения Игр, сбои, несущие жизненно опасные для геймеров глюки, были очень редки. Поэтому незримо, конечно, «ангелы» и присутствовали там, но на глаза игрокам попадались редко.

А уж более ценные из-за своих способностей и применявшиеся только в исключительных ситуациях Старшие Братья и того реже. И, видимо поэтому, в последние «годы» никто уже строго не следил за соблюдением исконного образа. Броню, которую носили постоянно, видоизменять не решались, а вот интерфейсы на Старших Братьях можно было увидеть какие

угодно. Недавно Даниэль наблюдал одного из «молодых» в чем-то стилизованном под судзи — кабуто — понятно, каждый развлекается, как может.

Вот так, делая вид, что полностью занят своим девайсом, Даниэль и миновал зал, а почти на выходе из него, не замедляя шага, водрузил на положенное место то, что создал. Теперь он был на «прямой связи» с головным компом: все базы данных, хранилище воспоминаний, поэтапные планы подлежащих выполнению заданий и многое другое стало доступным по мановению мысленного запроса.

Высокие двустворчатые двери при его приближении распахнулись, но прежде чем выйти из основного помещения Храма, он все-таки бросил взгляд по сторонам на расположенные в конце зала ниши Младших Братьев. Большая часть их была пуста.

«— Ожидаемо. Эти в работе всегда, почти без пауз».

Это мимолетное отвлечение не позволило ему заметить, что просторное фойе, расположенное за открытыми створками и ведущее к центральному выходу из Храма, безлюдным не было. Если б он обратил свое внимание на это раньше! То уж точно не пошел бы здесь, попытавшись избежать нежелательной для себя ситуации.

1 (1)

Пятерка новеньких саппортов, мальчиков с виду лет двенадцати, ходили друг за другом по кругу и под довольно грубые окрики наставника, то поворачивались в стороны, то принимались приседать, то раскрывали и складывали крылья.

— Ровнее ступаем, под ноги не смотрим, руки в стороны не отводим! Я сказал без рук идем! Вытянули свои коряпки вдоль тела! — пронзительным неприятным голосом покрикивал на них учитель.

Даниэль же, вынужденный теперь разглядывать эту сцену, в данный момент мучился противоречивыми чувствами. Это была, наверное, единственная ситуация, сложившаяся в пределах Храма, которая могла по-настоящему взволновать его. Сразу вспоминались собственные «первые дни», наполненные ощущением беззащитности и чувством одиночества. Но давняя привычка, ни во что не вмешиваться, и в этот раз требовала заглушить в себе жалость к новеньким и негодование на их наставника.

Он было и решил уже отступить назад к центральному нефу, что бы оттуда выйти через один из малых ходов, но… в этот раз ему ретироваться не удалось — ситуация решила складываться по собственному усмотрению и в расчет его принципы не брать.

Брат Ариэль, тот самый старший саппорт, что исполнял обязанности наставника, и стоявший до этого момента спиной к Даниэлю, вдруг ринулся подпихнуть одного из заваливающихся на сторону мальчишек, а развернувшись, увидел и его, застрявшего в дверях.

А признав одного из Старших, наставник растянул губы в широкой улыбке и подобострастно поклонился:

— Приветствую тебя, Брат Даниэль, — при этом взгляд его сузившихся глаз, которым он сопроводил все это действо, ни то, что улыбку, но даже малой симпатии не выражал — в нем были злоба, зависть и… страх?

«— Это хорошо, — решил Даниэль, — пусть хоть кого-то боится помимо Мастеров, а то им, похоже, все равно, что эта тварь над детьми издевается!» — но эту мысль он придержал при себе, кивнув Ариэлю в ответ вполне благожелательно. Почему-то подумалось, что если не раздражать того, то и новеньким меньше достанется.

В общем-то, в какой-то мере Даниэль понимал, из каких резонов Мастера назначили в наставники новеньким конкретно этого Старшего Брата.

Сознание Ариэля, в смысле критического восприятия мира, вполне соответствовало стандартам высших сапортов, но вот силой влияния, имеющейся в наличии, до тех самых Старших он однозначно не дотягивал. Так что использование его было весьма ограниченным и очень часто сводилось просто к контролированию выполнения заданий других. Понятно, что надзирать ему приходилось над бессловесными Младшими Братьями, которым что окрик, что похвала — все одно, без разницы.

А вот теперь ему и новеньких отдали на «воспитание». Но тут дело совсем другое — ведь изначально неизвестно, кто из них проявит какие качества.

Ариэль же, как уже было сказано, обладая вполне критически развитым сознанием, но при этом довольно малой силой влияния, в какой-то момент, видимо, посчитал себя ущемленным и обиженным. Чем? Судьбой… сложившимися обстоятельствами… возможно, что и Мастерами… никто же не знает, как эти самые способности сапортам достаются при воспроизведении.

Проблема, скорее всего, усугубилась еще и тем, что по официальной иерархии Храма все Старшие Братья вроде бы и равны были между собой, но вот по неофициальной… тут все было значительно сложнее. Как-то так получалось, что те высшие, что обладали бо́льшей силой влияния, в результате оказывались в более привилегированном положении. Вот тот же Даниэль, один из самых сильных саппортов системы на данное время, с ним и Мастера-Наставники иной раз советовались, и домены целиком ему одному доверяли, а отчет он держал лишь перед самим Мастером-Создателем. А вот Ариэля, как правило, Наставники не замечали, лишь изредка кидая в его сторону приказы в обезличенной форме. И то, не по личному какому заданию, а так, чтоб поспешил или просто — на дороге у них не вставал. Вот и получалось, что пригоден он был только Младших пасти, со своей слабосильностью теряясь на их фоне.

И вот от неутоленной жажды возвыситься и стать заметнее, хоть в своих собственных глазах, похоже, обида Ариэля со временем преобразовалась в те самые качества: злость, зависть и желание унизить слабого, которыми теперь и руководствовался он в своих действиях и поступках.

А мальчишки-то, попавшие под откат его обиды, могли оказаться и не только будущими Младшими… Как подозревал Даниэль, глядя на Братца, в свое время ему тоже такой «бракованный» Старший в наставники попался.

А Ариэль, как будто желая подтвердить это нелицеприятное

сужденье о себе, не успев повернуться к ученикам после «обмена любезностями», отвесил увесистый подзатыльник одному из мальчиков, на свою беду оказавшемуся к нему ближе других.

— Кланяйтесь, недогадливые вы уродцы, перед вами Старший Брат, — зашипел настоявших парнишек, по мнению Даниеля, единственный здесь урод.

Между тем, четверо новеньких медленно, но довольно уверенно, выставив вперед левую ногу и слегка присев на правую, поклонились. Все, как их учили.

А вот пятый мальчик, стоявший чуть в стороне с потерянным видом, не смог — расставив руки в стороны, он пытался обрести равновесие, которое не давалось ему и без сложных па церемониального поклона. От судорожного напряжения мышц его крылья топорщились и подрагивали в полураскрытом состоянии, усложняя задачу. Отчего со стороны он выглядел как начинающий канатоходец, под ногами которого веревка, натянутая в воздухе, а не твердый каменный пол.

«— Дело плохо!» — решил Даниэль, и уже хотел запретить ребенку кланяться себе, когдаАриэль заорал:

— Выполняй, я тебе говорю, отродье ты бестолковое!

И подстегнутый окриком мальчик, тут же попытался наклониться вперед. При этом и не думая от страха, что полураскрытые крылья своим изгибом поднимаются гораздо выше его плеч и при наклоне удерживать равновесие станет еще сложнее. И в следующее мгновение, когда новенький почувствовал, что вес крыльев неуклонно тянет его голову к полу, он был вынужден слегка присесть, пытаясь таким образом распределить их вес еще и на ноги, но поняв, что все равно ничего не получается, резко рванул спину назад!

Даниэль в ужасе наблюдал, как перепуганный ребенок, широко распахнув глаза, замахал руками, ловя ускользающее равновесие, несколько раз переступил ногами и, так и не удержавшись, рухнул на спину. Мгновенно переместившись к нему, он обнаружил, что правое крыло вывернуто под неестественным углом, а мальчик в шоке от случившегося.

Даниэль аккуратно поднял его. Проводя ладонью по крылу, вправляя сустав и снимая боль, он старался не смотреть ребенку в лицо, чувствуя, что бешенство, уже клокотавшее внутри него, от затравленного вида «ангелочка» могло вырваться наружу и заставить сотворить что-нибудь ужасное с его наставником.

Но Старший все испортил сам:

— Ты что меня позоришь, неотесанный олух! — заорал он, накидываясь с кулаками на уже начинающего приходить в себя ребенка.

Этого Даниэль стерпеть не смог. Схватив урода руками за шею, он приподнял его над полом и начал трясти так, как будто в том вообще не было ни веса, ни силы.

— Если еще раз я увижу подобные издевательства над новенькими, то искалечу так, что для тебя придется создавать новое тело! — прошипел Даниель, жалея, что не может уничтожить того полностью.

«— Но зато все острые ощущенья от „удушья“ Братец прочувствует сполна!» — хоть такой мыслью попытался он удовлетворить свою разбушевавшуюся ярость.

И только тогда, когда Ариэль уже начал в панике дергать челюстью, безуспешно ловя «воздух» и закатывать глаза, а ноги задергались в судороге, Даниэль выпустилшею Брата из рук. Отползая, тот тер придавленное место и хрипел. Через несколько «минут», поняв, что его горло способно выдавать еще что-то кроме хрипа, он с нескрываемой уже злобой просипел:

— Ты не имеешь права вмешиваться! Они на моем попечении! Ты ответишь за это! Да, ответишь перед Мастерами! Да! Даже перед самим Создателем!

— Отвечу, не переживай, — усмехнулся Даниэль, — а ты, тем не менее, о моих пожеланиях не забудь. Что б ни одним пальцем…! Ну, ты понял, — с этими словами он отвернулся от Старшего и посмотрел на мальчиков, стоявших в стороне.

Четверо, как и ожидалось, были совершенно спокойны и равнодушно взирали на происходящее. А тот, что был причиной конфликта, тайком исподлобьябросал заинтересованные взгляды на них.

— Парень, не бойся больше Брата Ариэля, ты под моей защитой. Меня, кстати, зовут Даниэль, а у тебя уже естьимя? — мягким голосом, очень тихо, чтоб не напугать ребенка еще больше прямым обращением к нему столь значимой персоны, произнес Даниэль.

Мальчик молча покачал головой, но по его выразительному взгляду, очень ярко отражавшему все, что переживал «ангелок», было видно, как живущая в нем настороженность потихоньку начинает уступать место пока еще несмелому облегчению.

— Да, конечно, имя! — раздался хрипящий голос из-за спины. — Ты что, совсем зазвездился, из реальности выпал, он тут два «дня» всего! Он даже до Младшего Брата еще не дорос, а имена только Старшим дают! — с гаденьким харкающим смешком продолжал Ариэль, пытаясь подняться с пола, где он отлеживался, приходя в себя.

И Даниэль «помог» — опять схватил за многострадальную шею, вздернул вверх и поставил на ноги. Затем притянув Ариэля

вплотную к себе и глядя глаза в глаза, а при таком захвате и превосходящей во много раз силе, да и одинаковом стандартном для всех Старших Братьев росте, тому было никуда не деться от этого, тихо сказал:

— Ты совсем тупой, да? Этот мальчишка второй «день» здесь и до сих пор не контролирует свое тело! Это ты выпал из реальности, если не понимаешь, к чему подобное ведет! Ну, так вот, я тебе скажу — имя он получит в самое ближайшее время, помяни мое слово! А ты начинай готовиться к тому, что войдя в силу, он тебе все издевательства припомнит! — и, подумав немного, добавил: — А я, если что, ему помогу.

Сказав это и брезгливо, как мусор, отшвырнув от себя Братца, Даниэль направился к выходу. Впрочем, стоило тяжелым створкам сомкнуться за его спиной, он ту же постарался только что случившееся выкинуть из головы. Хотя… как ни странно, чувство удовлетворенности, которое он испытал, вмешавшись вопреки своим принципам в это происшествие, ему понравилось.

Наверху высокой пологой лестницы, которая тянулась вдоль всего фасада Храма, он на «секунду» остановился. Сейчас, как обычно, когда он оказывался на этом месте, Даниель дал себе немного времени насладиться открывавшимся отсюда видом.

Мир, раскинувшийсяперед ним в своей беспредельной красоте, он любил, в отличие от всего того, что осталось за закрывшейся дверью.

В глубокой черной пустоте, искрясь и отсвечивая насыщенными тонами, медленно плыли «планеты» Игры. Все «планеты» были «повязаны» между собой нитями силовых «орбит» — своеобразными якорями, заставляющими держаться их рядом с Храмом и не затеряться, отдалившись, в черноте бездонного пространства. Вот несколько таких зависших «связок», напоминающих редкие бусы, чуть выше, чуть ниже, дальше и ближе, относительно Храма, светясь мягким светом, и создавали непередаваемо прекрасную столь любимую им картину.

Немного в стороне, отражая их свет на глянцевых гранях, на едином «поводке» — гроздью, висели кубы Игр первого поколения. На взгляд Даниэля, они своим видом портили весь предстающий глазам чудесный вид, внося дисгармонию.

Но, с другой стороны… кроме Братьев и Мастеров разглядывать все это было и некому.

Насладившись видом, Даниэль сверился с координатами того домена, усовершенствование которого числилось в его списке дел на сегодня.

«Зацепившись» глазами за нужную точку в пространстве, «потянул» ее на себя. Со стороны, Даниэль знал, это выглядело,

как будто он просто исчез, оставив в пространстве световой след, видимый глазом всего долю «секунды». Для него же это ощущалось, как будто он остается на месте, а вот все окружающее проносится мимо, сливаясь в трубу из разноцветных смазанных искр. Подобный линк был под силу лишь нескольким Старшим Братьям. Остальные, включая Младших, переносились в «пространстве» с помощью крыльев. Для чего они, собственно, им и были дадены изначально.

Приблизившись к нужному домену, он внимательно осмотрел его «атмосферу», главной функцией которой была защита условно материального составляющего «планеты» и аватаров Игроков. Сами они, вне защищенного пространства Игры, удержать в целости условно физическое тело своего юзерпика не могли. Для этого требовались способности, которыми обладали только Братья.

Да, кстати, это умение, удерживать себя в собственном теле вне стен Храма, было одним из первых этапов их обучения.

Все они, и Старшие, и Младшие Братья, и даже Мастера-Наставники, по сути своей являлись саппортами, то есть защитниками и помощниками, осуществляющими поддержку геймеров и всей игровой системы Мира Ксандер в целом.

Придел возможностей для Младших — это кратковременное использование их как драйвер-вкладки при глюке снесшим настройки распознавания одной из локаций, и налаживании временного контена. Выкладка ресурса Младшего в этом случае, конечно, уходила подчистую, и к дальнейшему использованию он был не пригоден. Впрочем, подобные ситуации были редки, особенно в последние «годы». Так что, основной функцией низших саппортов была помощь Игрокам в прохождении сложных локаций в качестве хилеров или бафферов.

Старшие же Братья уже были пригодны и к использованию в роли дебаггеров. Они могли быть отладочным модулем, предназначенным для поиска ошибок и сокрытых в самой программе, и привнесенных извне. Могли устанавливать и удалять контрольные точки, а также производить резервное копирование снесенных файлов. В общем, в отличие от Младших, саппоры-дебеггеры способны были исправлять то, что первые могли только фиксировать и приостанавливать на время.

А самые сильные из Старших, всего трое на сегодняшний «день», в число которых входил и Даниэль, способны были и на инсталляцию нового домена с полным его кэшированием в Мире Ксандер.

Так что, Даниэль сам создавал по заложенным в директорию артам матрицу данного домена. Но вот последующую

трассировку, пошаговое выполнение программы, как, впрочем, и всю рутинную работу, выполняли Младшие Братья, и вот как раз этот процесс и требовал регулярной проверки.

Дополнения для данной «атмосферы» были стандартные — создание визуального эффекта неба для дня и ночи, зари и радуги, грозы и бури, в общем, для любой ситуации, занесенной в игровой сценарий.

Удовлетворившись качеством исполнения, он, в этот раз уже на крыльях, кружась по широкой спирали, спустился на «землю».

Сначала Мастер — Создатель сотворил Куб.

Мир в нем был органичен стенами «жесткой» защиты. Игры в таких условиях могли быть только шутерами, слэшерами или спортивными симуляторами, происходившими в замкнутом пространстве. В помещениях, бесконечном переплетении коридоров и лестниц или лабиринтах пещер и подземелий, игроки истребляли противников в рукопашном бою или с помощью всевозможного оружия. В случае с симуляциями использовались арены и стадионы. Исполнение аватаров и ботов было примитивным — только общие черты Игрока или персонажа, с малой чувствительностью и ограниченной сценарием подвижностью.

Потом Мастер-Создатель сотворил Домен-«планету».

Что позволило вывести локации «наружу». Теперь в игровом Мире были и небо, и горы, и море — все, что пожелает фантазия сценариста. Что послужило развитием для всевозможных стратегий, приключенческих и ролевых сценариев. Параллельно возросло и качество воспроизводимых внешних данных Игрока в юзерпике, позволяющее теперь учитывать все нюансы внешности с голофотографической точностью, и даже вносить желаемые изменения. Также, аватары получили способности обоняния и тактильных ощущений, причем спектр восприятия расширился теперь, от легких касаний до установленной пользователем силы болевого порога при «повреждениях». Возможности двигательных функций юзерпика и ботов, также усовершенствованных внешне, получили дополнения для более тесного и «вольного» взаимодействия и перестали зависеть от сценария, что давало ощущение полной свободы.

Популярность Игр, и без того очень высокая, возросла настолько, что очереди в салонах из записавшихся желающих растянулись на несколько месяцев. И когда стало понятно, что столь долгое ожидание грозит потерей многих потенциальных Игроков, а создание новых доменов процесс слишком трудоемкий, чтоб успеть удовлетворить столь возросший спрос —

Мастер-Создатель изобрел Завесу.

Это нововведение не требовало слишком больших затрат ни временных, ни приложения силы Создателя или тех Братьев, которые были способны повторить его новое творение. По сути своей Завеса была временной, а в практическом применении — слоистой. Теперь геймер или отдельная группа, вступая в Игру, просто отгораживались от других участников и получали свой путь без угрозы столкновения программ. Временн*ая* многослойность матрицы Игры позволяла теперь принимать в нее участников с интервалом в несколько секунд. Перестало иметь значение, сколько пауз делает участник во время прохождения уровня и сколько раз ему приходится начинать после очередного сэйва, чтобы выполнить заложенные сценарием задачи.

Спустя какое-то время повышенного интереса показатели посещаемости застыли на одном уровне. Стало понятно, что Игра уже «захватила» всех, кого могла.

И Мастер — Создатель сотворил Домен — курорт.

За основу для создания домена были взяты места отдыха древних, и это была очень удачная идея. Люди, особенно те, что не были игроками по своей сути, получали возможность более «полноценного» проведения свободного времени. И если учесть, что время в Мире Ксандер являлось более «быстротечным» в отношении реального, а стоимость «часов» на курорте, в силу «простоты» используемых локаций, обходилась дешевле игровых, то люди, в реале живя в тесных помещениях городов — монолитов, поколениями не видя ни неба, ни земли, с воодушевлением устремились на просторы этого мира.

Стало возможным и доступным, к примеру, такое: оплатив в салоне всего час за ложементы на двоих, пригласить девушку на целый «вечер». При этом заведение, в которое возлюбленная получала приглашение, это был не какой-нибудь ресторанчик на среднем уровне, а кафе на набережной Сены с видом на собор Нотр-Дам де Пари.

Так же, в новом Мире, аватары и боты получили способность не только простого физического и эмоционального взаимодействия, стали возможны и сексуальные взаимоотношения между ними. «Тела», и тех, и других, были усовершенствованы настолько, чтобы прочувствовать подобный контакт сполна, вплоть до покраснения кожи и потоотделения. Аватару также усовершенствовали вкусовые рецепторы, и теперь каждый мог вкушать «живые» продукты, которые в реале были доступны немногим.

Предыдущее новшество — Завеса, здесь не использовалось. Все усилия при создании таких доменов были направлены на

воспроизведение ощущений «как в реале».

Улучшения восприятий аватара, «подгонка» под них программ ботов и окружающей среды заняли какое-то время. А потом оказалось, что рейтинги игровых доменов падают. Проведенный мониторинг проблемы выявил, что именно те геймеры, которые могут себе позволить часто посещать Игру, теряют интерес к ней из-за самого ее принципа — начать и выиграть. А до сих пор все сценарии традиционно по этому принципу и строились. Серость реала: ограниченные пространства городов-монолитов, обыденность повседневности, где из года в год жизнь крутилась по заданному кругу работа — дом, именно она и заставляла многих и потенциальных, и постоянных игроков стремиться к посещению Мира Ксандер.

Людям хотелось простора действия, притом не связанного законами сценария, хотелось встречаться с «друзьями» и «возлюбленными», и при этом иметь возможность просто «пожить» без обязательной выигрышной гонки. При этом курортные домены, завязанные на принципе максимального приближения к реалу, заядлых геймеров тоже не устраивали своей простотой.

И Мастер — Создатель сотворил Домен Селин и заселил его.

Он стал центральным миром созданной им игровой системы. Игроки могли «жить» в нем годами, десятилетиями. Ограничить пребывание здесь могли только их желание или финансовые возможности в реале. Впервые появилась внутриигровая валюта, которая не была привычным лутом, годным только на прокачку аватара, но и дающая возможность использовать деньги «как в жизни», что послужило к стремлению игроков именно зарабатывать их. Можно было сразу по приходу в Игру купить деревню с крестьянами, мануфактуру или торговый корабль и начать развиваться. Что, собственно, и делали состоятельные Игроки. Есть деревня — продавай урожай, зарабатывай деньги. На них строй крепость, развивай вокруг нее город и нанимай войско. Имея солдат, завоевывай другие города — строй собственное королевство. А тот, кто мог оплачивать только само пребывание в Игре, начинал с предыдущего шага, то есть с собственного огорода, с собственноручно изготовленных тарелок или рубах.

Но это только для начала. Успех, в любом случае, был обеспечен, чтоб Игрок не погряз в рутине и не устал от Игры. Стоило чуть подзаработать, и можно было «нанимать» ботов, покупать собственность, улучшать собственный левел. Если хотелось больше приключений — то предлагалась «Карьера авантюриста». Ищи, к примеру, сокровища, убивай чудовищ или становись разбойником. Тоже, кстати, интересно. Ограбь

крестьянина — получи его выручку за урожай. Получил деньги — «найми» ботов и создай шайку. Получил подчиненных — построй тайное поселение в лесу. Есть убежище — грабь теперь купеческие караваны. Пошел на большое дело — прячься или воюй с солдатами. Поймали и казнили — вылетел из Игры. Но можешь вернуться и начать все с начала.

Но при всем при этом, теперь имелась возможность просто пожить, так сказать, и в созерцательном варианте, не требующем рваться вперед и побеждать. Можно было или немного донатя, или нанявшись на работу и проходя лишь мелкие квесты, зарабатывая сравнительно небольшие деньги, жить так, как тебе хочется.

Теперь игровой Мир мог предложить долгое существование на своих просторах с развитием событий по многим вариантам, по любому сценарию: мирному, военному, авантюрному. Оставляя при этом возможность не рваться особенно вперед, а пожить в свое удовольствие. Он давал возможность удовлетворить любые потребности. Фактически это было совмещение домена сценарного с миром курорта. Игроки могли одновременно участвовать в невозможных в реале событиях и в тоже время есть, пить, развлекаться и строить отношения, как между собой, так и с ботами. Которые чем ближе находились по сценарию к пользователям, тем совершенней была их программа.

Столь удачное соединение специализированных доменов, привило к тому, что очень скоро этот симбиотический мир был перенаселен Игроками. Для правильного функционирования домена и логического течения жизни по заложенному сценарию на каждого геймера должно приходиться определенное количество территории, и окружать его положено определенному числу ботов.

Главной задачей Игры, всегда, было удовлетворение желаний и стремлений людей, которые невыполнимы в реале. В результате количество королей, герцогов, генералов и других «главных» персонажей на «квадратный метр» территории, привело к тому, что это стало мешать прибытию в домен Игроков желающих развития. Стало не хватать места для постройки городов и расселения ботов, как раз и создающих антураж для всех амбиционных запросов.

И, наконец, Мастер — Создатель привнес в Мир Ксандер зум-принцип.

Теперь не нужно было раздувать «тело» домена до огромных размеров, чтоб нанести на него как можно больше условно материального составляющего. Теперь каждый клочок «земли» мог расшириться при необходимости, при этом, не нарушая

целостности основной матрицы. Визуально это воспринималось, как простое удаление линии горизонта при подъеме на возвышенность. Практическое же исполнение зумирования можно было сравнить со скомканным, а потом расправленным листом бумаги — ведь и в первом, и втором случае площадь того оставалась неизменной.

Даниэль тем и был ценен, что мог полностью взять на себя создание такой Игры. Его силы влияния хватало и на формирование самой матрицы домена, и на внесение в нее структурных дополнений завесы и зум-принципа, не привлекая к этому драгоценных усилий Мастера — Создателя.

Это была вторая Игра, за которую он отвечал лично и шестая в общем списке созданных доменов седьмого уровня. Название ее было «Мир пиратов» но, как и для всех симбиотических Игр, оно теперь было довольно условным. Просто больше моря и островов, как малых, так и больших, которые надо было, или завоевывать, или колонизировать, или освобождать от ужасных монстров. Больше пальм и солнца на просторах локаций, стилизованных под Карибские острова, не существующих уже в реале. Ну, может быть еще и более разнузданные нравы в соответствии со сценарной идеей, чем в других Мирах. А так, как и прежде, были возможны любые варианты развития событий — и в мирном ключе, и в воинственном, и авантюрном. Завеса здесь использовалась выборочно, прикрывая только те места, где по сюжету геймер или игровой клан не должны были встречаться с другими участниками.

Задача Даниеля, теперь, когда Мир уже был сформирован им полностью, заключалась в наблюдении за работой Младших Братьев. Не то чтобы они были способны специально халтурить, но в силу полного отсутствия каких-либо качеств самостоятельной личности, иногда созданные ими фрагменты были поверхностными, а временами и просто несуразными.

Воспроизведение любого участка игры требовало проработки всех условно материальных составляющих сначала через Базу данных, а затем через Банк воспоминаний.

Например, создание локации — луг. База данных выдает, что растет на лугу, какие насекомые летают, а какие ползают, что за птицы и звери могут повстречаться геймеру, находящемуся на нем в данный момент Игры. В общем, форма, цвет, звук, предназначение всего, что имеет отношение к данному эпизоду. А вот Банк воспоминаний предоставит данные, как это все выглядит днем, в свете луны или дождливым вечером. Как пахнет луговая трава, нагретая жарким солнцем, и «плывет» отдаленный пейзаж

в раскалённом воздухе. Как серебриться каждый стебелек под ногами, отбрасывая четкие черные тени и темнеет мрачно лес вдалеке, скрывая какую-то крикливую живность в ночи. Как веет свежестью поднявшийся перед грозой ветер и порывами стелет цветы по земле.

Так вот, при создании такого луга работа Младших на первый взгляд может показаться выполненной верно, но, вот на второй вдруг оказаться, что ярко розовеющие в траве шапочки цветущего клевера… расположены четко в шахматном порядке. А все потому, что ограниченный в своем безэмоциональном восприятии Мира низший саппорт так применил рекомендацию — располагать равномерно.

Вот такие «косяки» и отслеживал Даниэль. Вообще-то, он всегда был очень придирчив к исполнению даже незначительных деталей еще с того времени, когда сам исполнял фрагменты, будучи Младшим Братом.

Теперь же он, чтобы проверить работу других, пропускал через себя воспоминания о воспроизводимом предмете человек десяти, а то и пятнадцати, вместо положенных по правилам пяти. Благо, ему это давалось значительно проще, чем Младшим. И если Даниэль понимал, что их лишенное эмоций восприятие не улавливает особо тонких нюансов, то доводил фрагмент до желаемого совершенства сам. Что бы шмель, попавший на глаза Игроку, был, как положено, бархатисто пушист и жужжание его было в нужной тональности. А брызги морского прибоя, которые в дальнейшем станут долетать до Игроков, были бы в достаточном количестве, что бы геймер ощутил или просто приятную свежесть, или наоборот — оказался промокшим с головы до ног. То есть, именно так, как в конкретном случае потребуется по сценарию эпизода.

Посетив всех занятых работой Младших братьев и оценив их труды, он в принципе остался доволен, за исключением тех троих, что были заняты воспроизведением морского пространства. Само название домена — «Мир пиратов», предполагало, что игровой площади водной поверхности будет много, и Даниэль решил рискнуть, что б ускорить процесс, и поставил на воспроизведение объемного фрагмента нескольких Младших.

И вот теперь стало ясно, что идея была, не так хороша, как казалась вначале — цвет морской воды получился у каждого своего оттенка, что особенно было заметно на стыках их воздействия. А застывший пока без движения прибой ложился на разноцветную и разнокалиберную гальку. Чтоб исправить это несоответствие пришлось Даниэлю пойти на нарушение правил — ограничить восприятие всех троих воспоминанием одного и

того же человека. А это грозило сделать воссоздаваемый фрагмент не столь ярким и запоминающимся.

С не очень приятной мыслью, что если внесенные изменения не дадут должного эффекта, то придется ему самому браться за эту работу, он и покинул Братьев.

Глава 2
Кэтрин

2 (0)

Уже три года Кэти жила на Земле.

Ньютвер, как собственно и все города-монолиты, был построен в эпоху катастроф и представлял собой единый массив зданий из нескольких периметров, расположенных один внутри другого, и стоящих на едином, уходящем вглубь на несколько километров, основании. Биозащитный купол, укрывающий город и появившийся над ним столетия на полтора позже, на сегодняшний день уже не казался чем-то инородным, а был вполне привычен и глазу, да и всему восприятию городов-монолитов в целом. Никто из ныне обитающих в них людей уже и не представлял себе свое жилище по другому. Серые прямые линии строений, прозрачный, чуть радужный, как мыльный пузырь, купол над ними, а еще выше вечно предгрозовое небо в тяжелых чернеющих тучах, смерчевых завихрениях и всполохах молний.

Впрочем, и эту картину воочию могли наблюдать далеко не все. Многие, как рождались в одном городе, так и жили в нем, не выезжая из него и на день. А зачем? Если и семья рядом, и карьера строится удачно, и с жильем проблем нет. Да и куда ехать? В другой город? Что там не видели? Они все, города то есть, как близнецы — строились-то по одному принципу. Да и развивались тоже.

Были, конечно, еще Луна, Марс, малые планеты астероидного пояса и спутники Юпитера и Сатурна. Но там размещались в основном только научные базы и предприятия по добыче сырья. Так что, без великой нужды или желания заработать туда и соваться было незачем.

Вот так и получалось, что для большинства людей город, в котором родился, как был домом родным… таковым, так и оставался.

Вот и Ньютвер был, собственно, таким же — по большей части тесноватым, в центре и по низам шумным, а поверху, в какой-то степени, даже благонравным.

Единственное, что можно было бы отнести к его особенностям, хоть чем-то отличающим Ньютвер от остальных одиннадцати монолитов, что растянулись цепочкой по самой устойчивой, серединной части Евразийской плиты, это то, что он был крайним из них. А вот дальше, на запад, шли уже или полностью затопленные территории, или частично просыхающие, превратившиеся в непроходимые болота.

Поселение предков, в честь которого был назван этот город,

находилось где-то недалеко и даже, кажется, не было затоплено. Но для современников Кэтрин это, похоже, не имело никакого значения — все эти старые города, с их непонятными названиями, были лишь далекой историей, которая никак не влияла на сегодняшнюю жизнь. Тем более что грандиозные города — монолиты, которые были привычным безопасным домом для них, не имели ничего общего с теми раскиданными под открытым небом поселениями древних. Где странные, расположенные прямо на земле жилища, часто предназначенные для проживания всего одной семьи, с нерациональным использованием территории вокруг и открытых любым порывам капризной природы, просто пугали своей незащищенностью.

Было так же известно, что древние строили и высокие многоэтажные здания, но как они не боялись жить в домах, основания которых были так малы в сравнении с их высотой? Неужели не страшно было жить в таком неустойчивой, вечно трясущейся коробке? Так ведь глупые, еще и наружные стеклянные окна в них делали! Главное, было совершенно непонятно, как можно вообще существовать в таком непредсказуемом бесконтрольном пространстве?

Или, когда строили такие дома, еще не было постоянных землетрясений и ураганов?

Да ладно! Что разбираться в этой древности…

А глупость и безалаберность предков в этом вопросе вызывали недоумение, да что там — полное непонимание у большинства современников Кэти. Ведь они с полным правом могли судить об этом — Мир Ксандер предоставлял им такую возможность. Возможность попробовать пожить, для разнообразия или развлечения — неважно, в условиях какие были до периода катастроф.

Но вот существовать постоянно в таких условиях в реале и зависеть от неподдающихся никакому просчету случайностей? Никогда!

Лишь небольшая группа людей, по сложившемуся общему мнению «с жиру бесящихся» богачей, отваживалась периодически жить и даже иметь собственность — там, на просторах грязной, раскуроченной многовековыми катаклизмами планеты.

Ах, да! Жили там еще какие-то люди… потомки тех, кто в давние времена не захотел переселяться в Города и предпочел выживать среди руин. Ну, таких было не много, да и одичали они совсем, наверное…

Да пусть живут! Кому еще, скажите на милость, взбредет в голову желание поселиться среди болот или на ходящих ходуном землях? Кому захочется жить в постоянном страхе, что крышу над

тобой может в любой момент сорвать ураганом? В здравом разуме — никому!

Подобное мнение уже несколько веков превалировало в умах современников Кэти, можно сказать, даже царствовало, но вот сама она, будучи привычной к роли «странного человека», не особо заморачивалась по этому поводу.

Девушка знала, чего хотела.

Чего именно? Да вот как раз того самого домика прямо на земле и для себя одной. Да что бы рядом ни одной живой души на расстоянии не менее сотни метров! Что же касается непрекращающихся катаклизмов… то тут, как говориться, каждый верит в то, что лично его устраивает.

Почему? И откуда такие странные желания у совсем молодой женщины? Думается, рассказ о Кэтрин надо начать с ее раннего детства.

Так вот, детство это было безоблачным, наполненным теплом и благополучием, а ее саму в то время можно было считать абсолютно счастливым ребенком. Конечно, принято считать, что детство априори счастливая пора. Но, как правило, осознание безмятежной счастливости этого времени приходит именно в тот определенный момент, который и заканчивает его, переворачивая жизнь с ног на голову.

Собственно, так случилось и с Кэти. С самого рождения и почти до восьми лет, у нее было все, что нужно ребенку для счастья. А возможно, даже и больше чем у любого другого малыша. И тем больнее и жестче был удар от потери этого счастья.

А были у девочки и нежность родителей, и заботливость бабушки, любящей баловать внуков, и, самое главное, с ней всегда рядом находился самый близкий ее человек — брат близнец. Их понимание друг друга было столь полным, что какие-либо слова или действия, предпринимаемые людьми, что бы договориться, им были не нужны. Так, всего лишь взгляд, брошенный мельком, или краткий жест, выданный мимоходом, и второй из них договаривал начатую фразу или подхватывал незаконченное движение. А порой и этого всего не нужно было — хватало одной направленной мысли.

Да, говорят так обычно и бывает у близнецов.

И пусть они были лишь полуидентичными близнецами, но возможно из-за неординарных способностей их милой парочки, мир, заключающий в себе всего двоих, был полон и так, не требуя никаких дополнений извне.

А потом…

Тот год глубокой бесформенной рытвиной оставил в памяти

Кэти черный след провала. Наверное, детская травмированная психика выставила какой-то защитный блок, потому что даже теперь, спустя много лет, память выдавала из того ужасного времени только какие-то фрагменты, не стыкующиеся между собой, когда как из тумана выныривали лишь отдельные мизансцены, фразы, люди…

Месяца за два до того, как близнецам исполнилось по восемь лет, брат заболел какой-то тяжелой болезнью и умер в больнице. Кажется… она там тоже была, но, наверное, выздоровела…

Да, помнилось плохо, но после того как их семья с неимоверными усилиями «выдралась» из той беды, обо всем этом в кругу близких говорили мало. Так что и Кэти, несмотря на отрывочность воспоминаний, никогда сама не заговаривала с родными на эту тему и ничего не уточняла.

Сначала от горя заболела мама. Отец и бабушка были заняты ею и на Кэтрин почти не обращали внимания, видимо надеясь на то, что девочка еще мала и не сможет в полной мере осознать весь ужас произошедшего. Ей говорили то, что обычно говорят детям в таких ситуациях: что близкий человек уехал далеко-далеко, и будет теперь жить в том далёко — долго-долго.

Да, говорили… забывая, замкнувшись в своем горе, что ребенок слышит и замечает гораздо больше, чем хотелось бы взрослым. К тому же, в их случае, дети были близнецами и осознание утраты самого родного человека для Кэтрин было очевидно и без каких-то слов родных, подтверждающих или отрицающих случившееся — она ощущала пустоту не только вокруг, но и внутри себя. Эти-то непривычные и пугающие изменения в ее маленьком и еще недавно уютном мирке, обрушившиеся на девочку, и заставили ее затаиться, примериваясь к новой действительности. Возможно, поэтому родные и посчитали, что она не вполне осознает случившееся.

Но, через какое-то время стало ясно, что нарушенная связь близнецов явление хоть и мало изученное, но вполне реальное, и выливается оно в очень негативные последствия для оставшегося в одиночестве ребенка. Мало того, что малышка потеряла аппетит, была вялой днем и нервозной ночью, но оказалось, что эта эмоциональная встряска подтолкнула к ускоренному развитию специфические способности девочки. И не прошло и нескольких месяцев, как погиб один ребенок, а семье пришлось начать борьбу за жизнь второго.

Благо, их семье, в которой все имели медицинское образование, не приходилось обращаться к посторонним специалистам. Но если днем Кэти, будучи в сознании и с помощью лекарств, еще как-то умудрялась закрываться от шквала

эмоций бурлящих вокруг нее, то ночью, засыпая, девочка теряла контроль над собственным разумом и ее накрывали кошмары. Стоило кому-нибудь из соседей поругаться, заняться бурным сексом или даже какой-нибудь особо слезливой домохозяйке расчувствоваться над сериалом, то все это обрушивалось на неготовое к отпору сонное сознание ребенка.

И вот тогда пришлось взрослым принять радикально меняющее их привычную жизнь решение — найти такое место и перебраться туда, где их девочку, с такой чуткой восприимчивостью к эмоциям людей, будет окружать как можно меньше народу. А все стены и переборки в большинстве своем возведены из изолирующих излучения материалов.

Вот так Кэтрин и оказалась на орбитальной базе Цереры, куда родители спешно завербовались на работу.

Огромная база представляла собой комплекс из металлургического комбината, десятков ангаров, складов, научных блоков и жилых помещений, а также многоярусных и разнофункциональных причалов.

Издалека же, на подлете, на взгляд восьмилетней Кэти, она выглядела как спрессованное в одно целое нагромождение каких-то угловатых конструкций, разнокалиберных коробок и периодически открывающихся, то там, то там… створок кофейных автоматов. Из которых, впрочем, выплывали не пластиковые стаканчики, а маленькие, считай игрушечные, кораблики.

Но, по мере приближения к базе, кораблики все более становились похожими на разнокалиберных суетящихся рыбок, а «окошечки кофейного автомата» на голодные пасти громадных сказочных животных, охотящихся на них. Одна из которых, в конце концов, заглотила и их лайнер.

Для ребенка, выросшего в тесном для глаз городе, подобные зрительные метаморфозы были внове и тем более поражали воображение. Но вот предназначение всего этого переливающегося огнями и меняющего формы великолепия еще очень маленькую девочку интересовало мало. Но для понимания последующих за прибытием на базу семейства Блайк событий, кое-что все-таки нужно уточнить.

Орбитальный комплекс обслуживал прилегающий к малой планете сектор астероидного пояса. Поисковые и шахтерские бригады вели добычу ценных металлов, на комбинате производилась сортировка и переработка добытого, а итоговый материал отправлялся по назначению — на землю или другие, более специализированные заводы, отходы же утилизировались.

Так вот, подавляющая часть и автономных бригад, и рабочих

завода, и транспортников, и обслуживающего все это огромное хозяйство персонала, трудилось по вахтовому методу. А вот «управленцы», старший технический персонал и медики, к которым теперь относились и родители девочки, жили на станции постоянно — их контракты начинали временной отсчет не менее чем с пяти лет. Поэтому жилой блок для них был обширным и комфортабельным и располагался довольно далеко от помещений вахтовиков, по планировки и удобству более напоминающих общежития.

Там же, на далекой орбитальной станции, по приезду, сложилась еще одна, казалось бы, на первый взгляд малозначимая ситуация, но которая очень сильно повлияла на дальнейшую жизнь Кэти, внеся свои коррективы и в ее характер, и в привычки, и в умение строить отношения с новыми людьми.

Проблема заключалась в том, что к моменту прибытия их семьи на базу, в жилом комплексе постоянного персонала обитало всего двенадцать детей. И, что еще больше усложняло ситуацию, девочек из них было всего четверо, и при этом ни одна не подходила Кэтрин по возрасту.

Так что, надежда родителей на то, что их дочь, немного придя в себя, найдет здесь подружку и станет взрослеть, как все обычные дети, с положенными ее полу и возрасту интересами, не оправдалась. А они так надеялись на нормальную жизнь хотя бы для нее — Кэтрин. Ведь, мало того, что близнецы с их способностями, постоянно держащими родителей в напряжении, не могли вести стопроцентно нормальную жизнь положенную детям, но и, будучи вполне самодостаточной компанией друг для друга, совершенно игнорировали сверстников.

И вот теперь, когда они так тяжело пережили потерю одного ребенка и приложили столько усилий чтоб создать максимально комфортные условия для жизни другого, их постигло такое разочарование.

Но, так как главная их задача на этот момент была решена, а силы к сопротивлению жизненным бурям на исходе, они решили пока «отодвинуть» эту проблему.

А когда, устроившись на новом месте: приняв дела в клинике, познакомившись с соседями и обустроив нехитрый быт отведенной им квартиры… вдруг оказалось, что проблемы больше и нет — Кэти решила ее сама, по своему усмотрению. Или, вернее, исходя из обстоятельств.

А обстоятельства были таковы: две из четырех девочек, живших со своими родителями на базе, были гораздо старше Кэти. Кажется, на тот момент им было лет по четырнадцать. Так что восьмилетней новенькой влиться в их спаянную долгим

общением и «взрослыми» интересами компанию было, что называется — не вариант. Да и что бы она делала с ними — обсуждала мальчиков и наряды?

А вот дружить с пятилетней Сильви, и тем более с трехлетней Энн, она уже сама не захотела, так как кукол и мягких зверушек, которые составляли интересы этих двух малышек, по твердому убеждению Кэтрин, она уже переросла.

Вот так судьба и свела Кэти с Филькой, который из всех детей на базе был ее единственным ровесником. Вернее с Филиппом Григорьевым, младшим сыном главного инженера завода, чья семья обитала по соседству и, кстати, члены которой тоже относили себя к этническим русским.

Впрочем, нужно признать, что сама Кэтрин русской была только наполовину. Но! Почти полное отсутствие в жизни их семьи кого-то из отцовской родни и, наоборот, наличие в ней русскоговорящей и не забывшей национальных традиций бабушки Лизы, маминой мамы, естественно, сказалось на том, что дети в смешенной семье полагали себя скорее русскими, чем американцами.

Тем более что эта нация, объединившая когда-то в себе все возможные народы и расы, просуществовала всего порядка четырехсот лет, а утеряв свои территории в Период катастроф, практически растворилась после переселения людей в города-монолиты. На самом Североамериканском континенте, по понятным причинам, возводить Города специалисты посчитали не целесообразным. Так что тогда уже, в первые десятилетия начинающихся катаклизмов, отселение с почти наполовину затопленных и разбитых землетрясениями территорий производилось не просто в соседние государства, а на другие континенты. А потомки первых переселенцев уже ко второму столетию жизни под куполами предпочли относить себя к более обособленным и древним этносам предков, а не к стихийно сложившейся мало просуществовавшей нации.

Собственно, эти все заморочки со старыми языками и давно изжившими себя традициями в глобальном масштабе для современного общества не имели совершенно никакого значения. Но вот в данной конкретной ситуации они сыграли довольно значимую роль, послужив своеобразным мостиком чего-то общего между разнополыми и до сего дня незнакомыми детьми.

Возможно, дружба с Филиппом была не совсем тем, чего желали родители Кэтрин для своей дочери, когда увозили из перенаселенного города на отдаленную базу, но именно благодаря этой дружбе девочка так быстро и освоилась на новом месте, да и «оттаяла» тоже, несмотря на все недавно пережитые

горести.

Так вот и получилось, что через довольно короткое время ребята, при обоюдном стремлении к сближению, решили упростить пафосно-взрослые имена, и Филипп стал Филькой, а она, соответственно, Катькой. Конечно, при этом, в силу довольно зрелого… м-да… возраста имелось понимание, что столь удачное решение в присутствии взрослых лучше не озвучивать.

Ох, сколько они с Филечкой натворили дел! Сколько нервов родителям попортили! Без улыбки и вспомнить невозможно. Чего только стоила их разведывательная авантюра, которая приобрела на станции статус чуть ли не легендарной, а историей этой до сих пор, уже спустя годы, развлекали вновьприбывших.

2 (1)

На орбитальной базе Цереры, где они теперь жили, постоянного персонала насчитывалось не более двухсот человек. И жилой комплекс для них был фактически изолирован от общежитий и других помещений предназначенных для десятков тысяч вахтовиков. А чтоб добраться от одного жилого комплекса до другого приходилось преодолевать несколько километров лестниц и коридоров, пролегающих через контору станции, медблок и производственные лаборатории. Так же расстояние увеличивало несколько этажей хозяйственных помещений: внутренних складов с товарами для нужд самой станции, оранжерей и многокубометровых морозильных камер с продуктами. Так что, если взрослые по долгу службы и соприкасались с теми, временными, тысячами сотрудников, то дети могли до определенного возраста вообще не догадываться, что на станции кроме их маленькой общины обитает еще целая толпа народа.

Вот тут-то и начиналось самое интересное! Дети, до определенного возраста, могли, конечно, и не догадываться… но это какие-нибудь другие дети, но только ни Катя с Филей!

Неуемная и любознательная натура Филиппа, которая до сего момента не могла развернуться в полную силу из-за отсутствия друга-ровесника, с появлением Кэти расцвела и раскрылась, выдавая «на гора» всю накопившуюся за время одиночества энергию. И этот эмоциональный порыв попал на благодатную почву — Кэтрин, которая видимо безотчетно переложила на нового друга те оставшиеся не удел чувства, что она питала к брату, теперь стремилась поддержать его во всех начинаниях с безоговорочным доверием и пониманием. В общем, дети быстро сблизились, найдя друг в друге то, что нужно было каждому.

Общение их началось с того, что Филя, наученный матерью, решил проявить гостеприимство в отношении новенькой соседской девочки, которая все время сидела дома одна, пока ее родители занимались обустройством их жизни на новом месте и целыми днями носились где-то по базе, решая навалившиеся на них проблемы.

Первым делом, он предложил провести ей экскурсию по жилому комплексу.

На самом деле комплекс был довольно большим. У детей ушло три дня, чтоб основательно ознакомиться со всеми достопримечательностями. Здесь были и кинозалы, и бассейн со спортзалами, и образовательный центр, и несколько кафе, где,

пока взрослые работали, можно было поесть мороженого. Конечно, имелись здесь и несколько заведений, куда детей не пускали: бары, ресторан, клуб… но ведь и заглядывать в приоткрытую дверь никто не запрещал. А несколько больших холлов между жилыми и общего пользования зонами были превращены в скверики, засаженные деревья и кустарниками прямо в «землю». Посередине же аккуратных куртин и клумб, как правило, на перекрестке дорожек располагался маленький фонтан или красивая статуя, а вокруг несколько скамеек. Такой роскоши, как эти скверики, в Городах не знали ни на среднем уровне, ни, тем более, на нижнем.

Но, как бы огромен не был жилой комплекс, за три дня неугомонные детки управились не только с осмотром, но и с основательным обследованием всех мало-мальски достойных их внимания достопримечательностей, и поняли… что неизвестно, как там другим, а им места маловато будет. И вот в тот момент и было принято решение обследовать «запретные территории» и найти место обитания основного населения станции.

И началась их поисковая эпопея. В те общепринятые выходные дни, когда они не учились, но родители обоих были на службе, не пользуясь лифтами — понятное дело, там они могли с кем-нибудь столкнуться, коридор за коридором, уровень за уровнем, пользуясь только запасными лестницами и таясь по закоулкам — Филя и Катя продвигались к намеченной цели.

Почти два года велись изыскания. Много интересного было обнаружено, много трудностей на пути встречено. Несколько раз были на грани разоблачения.

Но все же один раз, как потом оказалось он же первый и последний, им удалось до конца довести начатое дело и добраться до сферы обитания временного контингента базы. Ну, почти…

Став старше, и опять поселившись в «набитом» людьми городе, оценивая тот инцидент с позиции взрослого человека, Кэтрин признавала насколько же им, в результате, все-таки повезло в конце. Ведь тогда, расслабившись в малолюдных помещениях станции и отправляясь на поиски, она совсем не думала, что будет с ней и ее бедной головой, когда они с Филькой все же отыщут это многотысячное «потерянное» население. А ведь после многочасового плутания по коридорам, они вышли в ангар, и это безумно большое помещение было просто забито народом!

А счастливый случай в этой ситуации заключался в том, что они не вывалились в одни из общих ворот, которых в ангар выходило не один десяток, прямо под ноги этой толпе, а

оказались под самым потолком на каком-то техническом балкончике. Откуда сотни людей, грузившихся в это время в транспорты, выглядели ползающими букашками. И, естественно, на таком расстоянии ощутить хоть что-то Кэти не смогла.

Ну, а подобраться поближе им так и не удалось — вскоре их выловили. Родители, вернувшись со смены и не обнаружив детей дома, подняли тревогу.

Им-то, занятым «великими изысканиями» было невдомек, что со времени их отбытия из жилого сектора прошло более двенадцати часов. Ну, ножки немного устали, но кто ж в детстве на такие мелочи внимание обращает, когда занят интересным делом? А со всеми остальные проблемами «умные» детки разобрались на «Ура!».

Зная, что отправляются в дальнюю дорогу, они собрали рюкзачки со всем необходимым. Тем более что опыт предыдущих походов, не удавшихся довести до конца из-за разных маленьких просчетов, уже был. Во-первых, печенюшки, шоколад и бутылка с водой — это чтоб голодом в дороге не мучиться. Во-вторых, два браслета персональной гравикомпенсации — это чтоб на складских этажах не зависать, где сила гравитация, видимо следуя производственной необходимости, была переменной. В-третьих, гидротермоплащи — это чтоб по оранжереям пробираться без проблем, в которых температура и режим орошения выставлялись индивидуально, в зависимости от выращиваемой в данном секторе культуры. Опыт был — в одну из их неудачных вылазок, когда они крались по проходу между грядками, автоматика включила полив, и мгновенно вымокнув до нитки, им ничего ни оставалось делать, каквозвращаться. К тому же они ужасно замерзли, пока добирались до дома.

Тот раз, вообще, был самым неудачным из всех попыток — они ближе всего оказались к разоблачению, их чуть не раскрыли. Родители заподозрили, что они что-то вытворили вместе, так как и Филя, и Кэти, после холодного душа и долгой обратной дороги в мокрой одежде, заболели, мало того что одновременно, но еще и явно одним и тем же — температура, кашель, насморк. Но, благодаря той же болезни им и вывернуться удалось — их, таких слабеньких и жалких, разгоряченных и сопливых, родные не то что ругать не стали, но и расспрашивать настойчиво не решились. Но в тот раз, чтоб не возбуждать столь удачно притушенные ожиданием их выздоровления подозрения взрослых, им пришлось на несколько недель унять свой авантюрный пыл.

Кстати, добыть эти чудо плащи на станции, где в жилых помещениях поддерживались стабильные температура и влажность, оказалось задачкой посложнее, чем достать

гравибраслеты, которые по правилам безопасности базы должны были находиться в каждом жилом и общественном помещении, в шкафах, оборудованных на случай аварийной ситуации.

Здесь, сложность, всего лишь, была в том, что замочек на таком шкафу отзывался или на подушечку большого пальца, или на индивидуальный жетон-ключ, а такие жетончики были только у взрослых. У «мудрых» детишек ума хватило не прикладывать свои пальчики и не влезать в шкафы в собственных семейных отсеках, а как-то вечерком, за пару дней до очередной вылазки, потихоньку стащить жетон у кого-то из родителей и забраться в шкафчик в одном из коридоров. То, что ключик-то имеет персональную настройку и по нему вычислить их будет не сложнее, чем по собственному пальцу, раз уж жетон родительский, — на это мудрости десятилетнего ума, конечно же, не хватило.

В общем, в тот последний раз они подготовились к походу на славу, учтя, как им казалось, все. За два года они тщательно изучили систему схем-маркировок на стенах помещений, составив примерную карту своего пути и решив даже такую малообсуждаемую проблему, как наличие туалета. Не могли же они — ну, взрослые люди, в самом деле уже, гадить где-нибудь на лестнице!

И поэтому, когда их выловили почти у самых ворот ангара, куда они успели спуститься с того балкончика, Кэт с Филей были крайне удивлены, не столько тем, что прошло так много времени с их отбытия из дома, столько тем, что оказывается весь их тернистый путь, всегда и везде, отслеживался камерами. Вот кто знал?! А?! Тем более, что на якобы забытые дома гэджи их ума хватило!

Стоило только родным сделать запрос в службу безопасности и вот они — пожалуйста, на схеме станции и в каждой ее отдельно взятой точке. А уж нагнать их, используя лифты и передвигаясь на карах по центральным коридорам, было делом минут пятнадцати. Причина же, почему их раньше не вычислили по камерам, оказалась простой — пока они не пропали столь надолго и их не хватились, никто просто и не запрашивал об их месте нахождения! А сама следящая программа, в силу поставленных ей задач и не особой обремененности интеллектом, сделать какие-то выводы о неправильности нахождения детей без взрослых вне жилых помещений и уведомить дежурного не могла.

Почему? Во-первых, главной задачей этой программы была безопасность. И если бы, к примеру, дети подрались во время одного из своих походов, то она обратила бы на это внимание, вдруг зафиксировав агрессивное поведение конкретных

индивидов, и подняла бы тревогу. Да-да, с ними и такое случалось периодически, пока лет в тринадцать они вдруг не осознали, что не бесполые друганы, а почти что уже парень и девушка, которым драки между собой совсем не пристали. Но в данном случае «конкретным индивидам» было слишком интересно, чтоб беспричинно шуметь и Катя с Филей вели себя вполне тихо и мирно. Да и понимание о скрытности выполняемой ими миссии тоже имелось.

А во-вторых, дети, естественно, жили на станции совершенно легально и их данные были внесены в базу следящей программы. И, естественно, никакого категорического запрета на появление детей вне жилых помещений не существовало — мало ли причин, по каким они могли находиться в этой зоне? Например, посещать медблок, что-то брать с хозяйственных складов, вроде новой бытовой техники, или забирать постельное белье из прачечной. Старшие дети могли, например, находиться в офисной зоне, в том же ангаре или реммастерских, да вплоть до плавильных цехов металлургического комбината, если того требовала программа их обучения.

То есть, теоретически предполагалось, что нахождение детей вне жилого комплекса возможно. Но, чтоб без разрешения взрослых, да в познавательных целях, да не один раз?! Такого даже предположить никто не мог!

В общем, вспоминая тот случай, Кэтрин и сейчас, спустя много лет, становилось смешно, как в те дни взрослые, и их с Филькой родители, и представители охраны, и руководство жилым комплексом, пытались делать «хорошую мину при плохой игре». Ведь уже тогда она «видела» гораздо больше других. Старшие, конечно, ругали их, и даже наказали запретами на сладкое и свободного передвижения по общественным территориям на целый месяц. Но девочка вполне четко понимала, что злость совсем не то, что они чувствуют на самом деле. Скорее уж их действия отвечали общепринятому в таких случаях поведению. А на самом деле взрослые старались скрыть свою растерянность от произошедшего. При этом вполне отчетливо осознавая, что в своих заботах забыли о том, насколько трудно живется детям в ограниченном пространстве и на что способна в этих условиях детская любознательность, помноженная на некоторое попустительство с их стороны.

Впрочем, спустя годы, Кэтрин смешными казались и они с Филькой, испытывающие тогда тоже совсем не те чувства, которые от них ожидали. Ни тебе раскаяния, ни страха или хотя бы понимания, что были в опасности — они, видишь ли, в тот момент злились на свою недогадливость! Ведь теперь, мало того

что их накажут, к этому, как ни странно, они были готовы, но еще и открылась вся история их многочисленных походов по станции, стоило только поднять записи! Все их неудачи и проколы, зафиксированные камерами, теперь увидят все! Их будут рассматривать, обсуждать, смеяться над ними! А для сознания десятилетнего ребенка, стоящего на пороге полного сомнений и комплексов подросткового возраста, подобные вещи воспринимались, как катастрофа.

Собственно, как показало время, эта оценка произошедшего оказалась верной — они стали просто знаменитостями в жилом комплексе. И поэтому, даже когда после месячного «ареста» их выпустили из семейных блоков, им пришлось еще долго прилагать усилия, чтоб не показываться лишний раз в общих помещениях станции. И если раньше многие, особенно не обремененные семьей члены общины, не обращали на детей, живущих на станции, какого-либо внимания, то после их с Филей нашумевшего вояжа, каждый, встретившийся им взрослый, не просто давал понять, что их мордахи ему знакомы, но считал обязанным себя отпустить в их сторону что-нибудь эдакое.

Вообще-то, шуточки и подколы, отпускаемые в их с Филькой адрес, были, в общем-то, необидными, но само всеобщее внимание, где бы они ни нарисовались, особенно вместе, сильно злило, напоминая постоянно об их неудачах и давая понять, что они все еще маленькие и глупые.

Да, тогда, в десять лет, эта неудавшаяся эскапада для них смешной не казалась, но вот спустя годы вспоминать ее было очень даже весело. И теперь, во взрослой жизни, сталкиваясь с проблемными ситуациями, неприятными людьми или просто находясь в плохом настроении, Кэти прибегала к воспоминаниям об этих детских проказах, как к проверенному средству от расстройства, скуки и раздражительности.

А Филька… к сожалению, конечно, но их дороги с Филиппом разошлись еще тогда, когда они закончили университетские экстернаты и им пришлось отправиться к тому месту практики, которое они для себя выбрали. В принципе, все могло сложиться и по-другому, если бы они тогда остались дома, полученным профессиям обоих вполне нашлось бы применение в таком огромном хозяйстве, как орбитальный комплекс. Но та самая жажда приключений, что когда-то подтолкнула их к странствиям по базе, не дала им остаться на месте, погнав в большой мир.

Вот тогда Кэтрин и попала референтом в юридическую фирму «Коган и Шлитц», офис которой располагался в ситиценте Ньютвера. А Филипп, с его отличным дипломом по «…что-то там информационных технологий», оказался в заведении своей мечты

— в одном из филиалов компании «Игровые системы Ксандер». И пусть должность, на которую его пригласили, была пока практически ничтожной — как бы ни поскромнее секретарства Кэти, он сам был безумно счастлив такому повороту событий. Но вот филиал тот оказался, по законам подлости, в городе Секондарлит, то есть, на другом континенте от нового места обитания самой Кэтрин.

И какими были следующие три года для девушки, после того, как она поддалась провокационной идее приятеля покинуть тихое уютное «гнездышко» базы? Да довольно сложными.

Родители остались на Церере. Филиппа, как уже было сказано, случай «унес» на другой континент. А вот бабушка теперь оказывалась, считай, почти рядом — в соседнем Городе. Но это если иметь ввиду разделяющие девушку с близкими расстояния вообще, а по факту, в результате этого переезда, Кэтрин впервые в жизни оказалась совершенно одна.

Взращиваемое в течение прошедших лет умение защищать свой разум от эмоций окружающих, на деле, в тесном перенаселенном городе, пришлось дорабатывать на практике. А столь заманчивая служба, ради которой она уехала с базы, потребовала от Кэти и того больше терпения и выдержки. Выполнять обязанности ресепшиониста в приемной одной из престижнейших юридических фирм современного мира, подобное, знаете ли, и без эмпатического дара не каждый способен вытянуть.

Но, как бы то ни было, она выжила, и даже прижилась в городе. Отчасти благодаря подарку родителей — небольшой квартирке с своеобразным наполнением в виде изоляции стен от всякого ментального «шума», иногда благодаря дару, а бывало что и вопреки ему. Ну и конечно, благодаря подругам, которые, наконец-таки, у нее появились.

2 (2)

Как правило, утро добрым не бывает. Так говорит толи народная мудрость, толи просто присказка-примета, но факт остается фактом — ожидать чего-то хорошего сразу после подъема, это верх наивного легкомыслия. Даже если конкретно это утро начинает день, когда отпуск, считай, стоит на пороге, а распахнутая дверь ведет к исполнению давнишней мечты.

Так что, едва успев выпить кофе, от которого она, как обычно, не получила никакого удовольствия, так как предвкушение поездки в забитом в час пик аэроэкспрессе портило не только аппетит, но и настроение в целом, Кэти запаслась терпением и помчалась на работу. А нелюбовь ее к переполненным вагонам нижнего метро была понятна. Мало того, что народ, набиваясь в него, толкался и пинался, ругался вслух, пах каждый своим и чаще неприятным запахом, так еще ко всем этим прелестям, которые распределялись в своей «благодати» более-менее равномерно на всех, ей персонально предстояло испытать еще и прессинг эмоциональных эманаций.

И понятно, что как раз этот последний фактор угнетал Кэти поболее пихающихся локтей и похабных высказываний. Конечно, она уже давно научилась выставлять ментальную защиту и отгораживаться от основной наваливающейся на нее лавины эмоций, но в такой толпе было просто невозможно закрыться от всего полностью. То горчащий привкус переживаемой измены пробьется сквозь кокон защиты. То вполне чувствительно повеет сквозняком едва переносимой похмельной раздражительности. То жгучая, с пряным злым отзвуком волна неудовлетворённого сексуального желания обожжет невзначай.

В общем, как оказывалось на практике, самые сильные чувства, способные пробить ее защиту, были все без исключения негативными! И ни разу, выставленный ментальный барьер Кэти не преодолело что-нибудь нежное, мягкое, светлое.

Но, ступив с перрона в вагон, девушка вдруг поняла… что сегодняшний день решил заявить о себе, как об особо удачном с самого начала, и даже не придется ждать пока все дела будут сданы, а отпускные отразятся в гэдже! Неожиданно, конечно, но от этого не менее приятно! То есть, приготовившись к привычному уже ментальному напору, через несколько минут Кэтрин вдруг осознала, что сегодня толпа, окружающая ее, на редкость пассивна в своих эмоциях. Мысли пассажиров без каких-либо агрессивных или нервозных всполохов сонно колыхались в такт движению поезда, совершенно не желая раздражать ауру

своих хозяев, и тем более волновать соседские. Ни тебе обиженных влюбленных, ни болезненно-раздраженных непроспавшихся выпивох, ни даже вечно всем недовольных «профессиональных» скандалисток. Редкая удача!

Поэтому, когда Кэти зашла в офис, ее непотрепанное людским нервомотством настроение было тут же подмечено девочками. Обычно-то она появлялась на пороге конторы с очень бледным лицом и усталостью в глазах. Приходилось отговариваться плохим сном, головной болью и разными другими надуманными причинами, чтоб как-то объяснить свой не вполне здоровый внешний вид.

Девочки, вообще, считали ее самой хрупкой и болезненной из них. Что было не совсем верно, если говорить именно о здоровье, но для Кэтрин с ее способностями это их мнение было на руку, раз уж она не могла открыто говорить о своих странностях.

В весьма уважаемой и достаточно крупной юридической фирме девушек — секретарей в общей приемной, личных помощников специалистов, а также работниц канцелярии, архива и бухгалтерии, числилось порядка четырех десятков служащих. И это только молодых женщин, а ведь были еще и дамы постарше. Да и не нужно забывать о персонале нижней ступени: стажерах там, курьерах, уборщиц, чей возраст колебался от весьма юного до крайне солидного — пенсионного.

Собственно, все это говориться к тому, что в подобном коллективе, часто сравниваемом с виварием, ценность маленькой компании, где в отношениях главенствуют поддержка и доверительность, очень ценна сама по себе. А если уж говорить о Кэтрин, которая до переезда в город совсем не имела подруг, то наличие сразу трех, и вовсе покажется сродни чуду.

Главное, что удивило Кэт в этой чисто женской дружбе, было то, что четыре взрослых человека, совершенно при этом разных по характеру, темпераменту, интересам и воспитанию, смогли так сойтись, чтоб часами обсуждать очень личные, а иногда и интимные вещи. Нижнее белье и средства гигиены, мужчин вообще и своих в частности, и даже отношения с ними.

В общем, сначала все это казалось Кэт неимоверной дикостью, но так как девчонки были фактически единственными людьми, с которыми она могла пообщаться вне работы и не по галовизору, то приходилось терпеть их распущенность, как ей тогда казалось. Но, спустя какое-то время, она попривыкла к их манере общения. Да и чем дольше жила она в городе, приглядываясь, прислушиваясь, иногда даже «отпуская на волю» свои способности, Кэтрин стала понимать, что как раз ее скованность и зажатость большинством воспринимается как

дикость, а вот подруги ведут себя вполне естественно для молодых женщин.

Так что, впервые в жизни строя отношения с ровесницами своего пола, она и радовалась, и ценила их, а порой и поражалась, неожиданным для нее впечатлениям.

Впрочем, остальные девчонки «вошли» в отношения естественно и гладко. В итоге, четыре девушки сблизились сразу, и дружили по сей день, не влезая ни в мелкие склоки, ни в грандиозные интриги, обязательно присутствующие в больших и преимущественно женских коллективах. Возможно, они сошлись потому, что трое из них пришли в фирму примерно в одно время, а та, которая уже работала в ней, единственная из всех остальных приняла новеньких с заботой, а не со стервозным чувством соперничества. Да, наверное, так и было.

Кэролайн Оберг была самой старшей из четырех подруг и всегда, с первой минуты общения, производила впечатление человека степенного, спокойного и уверенного в себе. Собственно она такой и была — абсолютной отличницей. И это не о школе и экстернате академии речь идет, хотя, наверное, и там она была лучшей, а о том, какое Кэрри сегодня производила впечатление. Все в ней было изумительно — и манера держаться, и умение одеваться, и то, как она могла построить разговор с любым, даже самым сложным человеком. И даже ее отношения с парнями выглядели идеальными… по крайней мере, Кэтрин так казалось в самом начале их дружбы. Потому как возле подруги всегда оказывались молодые мужчины, которые ухаживали с цветами и предваряющими встречи визорными звонками, манеру их поведения можно было назвать интеллигентной, а внешний вид импозантным.

Но при последующем, более близком общении, Кэти стало понятно, что если какие мужчины и проявляли интерес к ее подруге, то это были не отношения, а… она просто позволяла им находиться рядом с собой какое-то время. То есть, будучи не просто деликатным человеком, но и действительно той самой идеальной отличницей во всем, Кэрри и своих поклонников отваживала тихо и спокойно — так, что не страдали ни их мужская гордость, ни человеческое достоинство. Просто сами молодые мужчины как-то постепенно привыкали к мысли, что эта чудесная женщина не может быть с ними и растворялись также неспешно и спокойно, при этом, искренне уверяя в своей дружбе и желании откликнуться по первому ее зову.

А причина такого положения дел, как так же, гораздо позже, узнала Кэти, была проста — у Кэрри уже имелся любимый человек, в силу сложившихся обстоятельств вынужденный пока

жить в другом Городе.

Да, все так просто! Двое влюбленных, вынужденных пока только мечтать о совместной жизни, а пока лишь изредка встречаться в реале и довольно часто, спасибо господину о'Грэди за такую возможность, в мире игр. Впрочем, это учесть многих влюбленных теперь…

Но вот тех мужчин, что все же пытались привлечь внимание подруги, Кэти понимала, даже не «заглядывая» им в головы. Ведь кроме той, возможно даже врожденной, способности — все делать на отлично, Кэрри ведь была и очень хороша собой: высокая, с густыми каштановыми волосами, чаще, конечно, убранными в строгую прическу, но иногда и выпущенными всей своей роскошью на свободу, с искрящимися карими глазами и их всегда спокойным мягким выражением. Ее манера двигаться со слегка медлительными размеренными жестами сразу привлекало к себе внимание, а умение слушать и того больше — вызывало доверие.

А если учесть, что рабочее место Кэролайн было в общей приемной, то несложно догадаться, что все самые нервные, неуравновешенные и неуверенные в себе клиенты фирмы всегда оказывались именно за ее столом, хотя в комнате кроме нее находилось, как правило, еще человек пять, готовых оказать им услугу. Так что опыта общения с всякими странными личностями ей хватало. И, наверное, поэтому в первое время Кэти именно с ней было легче всего находить общий язык.

Хотя… похоже, и две другие новенькие девушки тянулись к ней по этой же причине, так как и у них исходный «багаж», с которым они оказались на пороге «Коган и Шлитц», оказался не без странностей.

Второй в их компании была Мелинда Ли. Второй, потому что она появилась в фирме где-то на неделю раньше двух других. Она тоже производила впечатление спокойной и уравновешенной девушки, но в ее случае это было как раз именно впечатление. Стоило с ней немного пообщаться, особенно в нерабочее время, как становилось ясно, что истинным спокойствием, как у Кэрри, здесь и «не пахнет». А впечатление милой во всех отношениях девушки создает умелая маскировка чувства превосходства и как бы даже не высокомерия.

Впрочем, это понимание ее превосходства над другими в дружеских отношениях проявлялось вполне в доброжелательной форме — она не пыталась казаться выше тех, кого одарила своей дружбой, а старалась их приподнять до своего уровня, «приспуская» все окружающее. Поэтому, что бы девушки между собой не обсуждали, ее шуточки были самыми язвительными, а мнение самым жестким.

Подобное поведение, скорее всего, было следствием воспитания и образа жизни, который она вела до того момента, как решила устроиться на работу. А вынужденное лицедейство объяснялось, похоже, тем же желанием, что и у Кэти — вписаться в малознакомую, но желанную для нее обстановку.

Отец Мелинды входил в руководство того самого производственного концерна, которому принадлежал орбитальный завод и жилая база при нем, где как раз и выросла Кэтрин. Естественно, при такой родне детство и юность Мел прошли в условиях, какие мало достижимы для большинства людей.

Со свойственной ей прямотой, она говорила, что очень благодарна родителям за предоставленную ей возможность пожить самой — жизнью обыкновенного человека. Но со временем, лет через двадцать, она вернется в подобающее ей по рождению общество и, скорее всего, выйдет замуж за того человека на которого укажут родители. И, также прямо, не стесняясь в словах и выражениях, заявляла, что даже восстановит ради этого девственность, а до первого ребенка не заведет ни одного мужчины на стороне.

Подобные этим высказывания, притом произнесенные не понижая голоса и не ставя барьера, да прямо в баре или кафе, приводили Кэтрин в шоковое состояние в начале их знакомства, заставляя желать провалиться сквозь землю. Ну, так это Кэти… а Мелинда могла себе позволить и не такое.

Мужчин возле яркой внешне и уверенной в себе девушки всегда было много. Но вот отношения с ними она строила строго в соответствии со своими жизненными принципами. То есть, засчитав очередную победу себе в плюс, спроваживала поклонника с таким «пиететом», что остальным девчонкам иногда становилось его жалко.

В мире Ксандер, в отличие от той же Кэролайн, выбирающей курортные туры с отдыхом на море или по воспроизведенным историческим достопримечательностям, она любила посещать максимально экстремальные игрушки — инопланетиков погонять, к примеру, или нежить. Да и условно реальные миры Мелинда если и посещала, то это были места, где предлагались или горные лыжи, или дайвинг, или прыжки с парашютом. Но, в общем-то, ее понимали — она брала от вольной жизни все, что могла получить. Так как, по ее же словам, в высшем обществе дурным тоном считалось пристрастие женщин даже к нереальному экстриму!

Что можно было сказать о внешности Мелинды? Тут все просто, как и фамилия, внешность ее однозначно говорила о

большой доле «азиатской крови» — тонко выписанные, слегка резковатые черты лица, иссиня — черные, гладкие и блестящие волосы, гибкая пропорционально сложенная фигура.

Третьей подружкой в их компании стала Анжелина Грогед. Эта девушка появилась в их конторе в одно время с Кэт, буквально — в дверях столкнулись. И на их счастье первым человеком, к которому они обратились в тот день, была Кэролайн.

Анджелина тогда оказалась созданием довольно капризным и своенравным. Но, будучи так же, как и Мелинда с верхнего уровня и, имея очень даже влиятельных родителей, в фирму она попала по вполне серьезной протекции. Так что никто из вышестоящего персонала на ее выверты старался не обращать внимания — глупая еще девочка, молодая, ничего, попривыкнет-пообтешется.

Собственно, в дальнейшем так и получилось. Особенно ей теперь удавалось общение с клиентами мужского пола. Ее внешность голубоглазой куколки с золотистыми локонами и чуть более мягкими женственными формами, чем требовал жесткий канон модельной красоты, действовала на любого мужчину, находящегося рядом с ней, просто убойно. Впрочем, это была их личная реакция на нее. Сама же девушка никогда ни опускалась до примитивного кокетства и не допускала каких-либо фривольностей в свою сторону. Как долго считала Кэтрин, что это воспитание сказывается.

Но плодами такой реакции на свой кукольный образ подруга пользовалась в полной мере — практически каждый посетитель мужского пола, пообщавшийся с ней вживую или по головизору, становился клиентом их фирмы.

Что самое интересное! Ежедневно, чуть ли не ежечасно, получая подтверждения своей красоте, сама Анджелина собственную «сладенькую» внешность, как она ее характеризовала, терпеть не могла. Да и ангельское имя свое не любила, предпочитая его более короткий и жесткий вариант — Энджи. Она, не смущаясь, откровенно завидовала высокому росту Кэрри, черным волосам Мелинды и стройным ножкам Кэти. Но в тесном девичьем кругу честно признавалась, что кардинально изменить в своей внешности хоть что-то она пока не может — слишком зависима от родителей. И реализовывала свои фантазии в мире игр.

Когда девочки впервые увидели игровое воплощение подруги, то несколько минут ничего внятного сказать не могли, настолько шокирующе-отличающейся внешне от реальной Энджи оказался ее аватар. Это была высоченная черноволосая девица, ростом,

наверное, с тех громил, в которых обычно перевоплощаются подростки, обремененные в реале прыщами и комплексами неполноценности. Притом, девица эта оказалась с неимоверно раскаченным телом и готически-угрожающим раскрасом лица. Одевала же ее Энджи, в зависимости от того домена в котором она играла на данный момент, то в тяжеленные с виду черненые доспехи, то в не менее мрачную черную же кожу. В довершении всего этого кошмара, красота сия играла под ником «Фреда Разрушительница».

В этой, воплотившей в себе все самые желанные качества ипостаси, Энджи «жила» одновременно в двух игровых мирах. В отличие от других девочек, предпочитающих кратковременное пребывание вне реала, она уже несколько лет выстраивала параллельную жизнь, тратя на нее вполне реальные вечера, выходные дни и недели отпусков. К тому же, подобное времяпровождение довольно дорого ей обходилось, поэтому все заработанное ею, включая премиальные и проценты, а также то, что «подкидывали» родители, она тратила на оплату пребывания в игре. Да, подарки она тоже предпочитала получать в денежном эквиваленте. Помимо доната, она старательно зарабатывала и в самих играх и, естественно, все заработанное оставалось там же.

В первой игровой симуляции, которая воспроизводила на своих просторах толи Средние века старой Европы, толи классику фэнтези жанра, Анджелина, или вернее Freda, командовала войсками на службе у короля, владельца трех больших городов. Одновременно с зарабатыванием «денежек», трудясь во славу господина, она в то же время имела свое поместье с прилегающим к нему поселением, и уже обносила его стеной, что в скором времени обещало ей статус владельца замка. К тому же охрану ее собственности осуществляли приписанные к ее личным угодьям отряды легких пехотинцев и лучников, а командовали ими не боты, стоившие «копейки», а другие игроки, нанятые ею, что было большим достижением.

Во второй игре, которая была симуляцией Космической экспансии, Энджи— Freda «доросла» до командира отряда межзвездных разведчиков. Недавно, после того как ее команда «уничтожила злобных тертианцев», похожих на шестилапых фиолетовых ящеров инопланетян, посмевших напасть на орбитальную станцию, и обнаружила астероид набитый драгоценными камнями, она прикупила еще пару корабликов и теперь ее маленькая флотилия составляла уже из трех корветов — небольших, очень маневренных, не требующих большой команды судов.

Естественно, что весь лут и донат ушли на прокачку новой

собственности, так что в результате Энджи вооружила и усовершенствовала свой флот по «последнему слову техники». А в завершении всего, еще и умудрилась нанять шестерых игроков. И теперь ее маленький флот мог похвастаться наличием в его экипажах десяти человек! Боты для такого уровня, как обычно, уже не в счет. Что позволило ей стать одним из ведущих игроков в этом сегменте игр. С ней теперь считались и владельцы орбитальных баз, и собственники планетарных поселений.

Если сравнивать суммарно и качественно ее достижения в двух играх, то во второй, пожалуй, Анджелина достигла большего успеха. Но бросать на полпути хоть одну из миссий, даже менее удачную, она и не помышляла.

Когда девушки собирались вместе и делились между собой проблемами и маленькими радостями, успехами или наоборот разочарованиями в отношениях с парнями, в общем, всем тем, чем обычно делятся друг с другом хорошие подруги, у Энджи всегда была лишь одна тема для обсуждения — удачи и провалы ее игровых миссий. Она взахлеб рассказывала о происшествиях, случившихся с ней за прошедшие выходные в том мире, на планшете демонстрируя записи самых захватывающих моментов.

В принципе, девочки были не против — они ведь не родственники или наставники, а подруги, которые для того и существуют что бы выслушать и поддержать — без осуждения и поучений.

Тем более, каждая из них видела, что какой бы странной и неправильной не казалась со стороны зацикленность Энджи на игре, но для нее самой уже жизненные коллизий там, пожалуй, были важнее событий происходящих в реале.

Кэрри, которая заканчивала второй экстернат как раз по психологии, как-то попыталась разобраться в проблеме. Так вот, по всему выходило, что сказывалась «перекормленость» Энджи «розовыми бантами и оборками», притом не только в одежде. Толи мамочкины вкусы при воспитании настолько сильно «продавили» ребенка, толи природные внешние данные в стиле «фарфоровой куколки», приучили родителей создавать всегда и во всем для нее соответствующий этому образу антураж, но, как говориться, палка была перегнута так, что в результате сломалась. А когда подросший ребенок, осознав себя, попытался высказать свое мнение — в смысле, что его «Я» требует чего-то другого, то родителями, к сожалению, он услышан не был. Или его слушать и не захотели, что тоже часто случается. А с того момента, когда ребенок нашел лазейку для реализации требований своего «Я», его реальная жизнь постепенно стала отступать на второй план.

А в этой жизни Энджи оставалась именно той кисейной барышней из высшего общества, какой ее желали видеть родители, и к двадцати пяти годам уже и не делала попыток что-либо изменить. Хотя возможно, не стремись она как можно больше находиться вне реала, ей не нужны были бы так денежные дотации из родительского кошелька, и она вполне могла бы строить жизнь самостоятельно и по своему усмотрению. Но, видимо, время было упущено, образовался замкнутый круг, из которого Энджи уже и не пыталась вырваться.

Вот такими были подруги Кэтрин — в силу своих особенностей с довольно интересным образом мысли каждая, в меру заинтересованная в других, но не до навязчивости, и, как было уже сказано, каждая, возможно, исключая только Кэрр, не без странностей.

2 (3)

Так вот, сегодня, стоило Кэти ступить в большой холл конторы, как ее окликнула Кэролайн, которая уже располагалась за стойкой своего рабочего места:

— Привет. Хорошо выглядишь, подруга. Сегодня обошлось без бессонницы?

— Привет, как не странно, да. Думала, накануне поездки совсем не засну, — улыбнулась девушка в ответ.

— Надеюсь, все в силе? Ты проставляешься? — холопок по плечу сзади и подмигивающая Энджи, которая, видимо, заскочила в дверь следом и нагнала Кэти посередине холла.

Когда та обращалась к кому-то из подруг, ее, бывало, иногда заносило… в стиле Фреды. Девчонки-то, в общем, привыкли, а вот окружающие, как правило, были шокированы, поскольку вся эта трогательная нежность облика Анжелины совершенно не вязалась с подобными выходками. Вот и сейчас, те, кто в этот момент оказался рядом, пораженно уставились на говорившую девушку. Но, не на ту напали. Энджи от подобного внимания тушеваться и не подумала, а наоборот, вздернула высокомерно бровку и обвела холл взглядом, типа: «а в чем собственно дело, господа?».

А потом возле самого уха Кэти сказала, понижая голос вроде как до шепота, но так, что желающие могли расслышать:

— Я себе дополнительный час к обеду выторговала, знаешь, чего мне это стоило? Пришлось моему Лёнчику глазки строить! — и, поправив локон жестом пай девочки, как ни в чем не бывало, направилась к своему рабочему месту.

К слову, Лёнчиком она называла своего непосредственного начальника — весьма и весьма известного в определенных кругах адвоката Ленни Маттссона, выудив это прозвище из какого-то старого русскоязычного фильма. Похожий на собачью кличку вариант имени босса ей тогда весьма понравился. А с ее легкой руки и прижился, на радость всей конторе. Возможно, конечно, сам Ленни и не был в таком уж восторге от этой вариации на свое имя, но будучи мужчиной, как говориться, в самом расцвете сил, сказать что-то поперек своему персональному помощнику, в лице златокудрой Анджелины, он, к сожалению, не мог.

— Все в силе. Встречаемся в обед здесь — в холле, — уже в спину удаляющейся Энджи, ответила на это Кэтрин.

Кэролайн же, пряча усмешку, склонилась к своему столу, делая вид, что перебирает какие-то бумаги.

Последующие четыре часа прошли в сплошной беготне по

огромному офису. В отличие от подруги, непосредственным начальником Кэти была дама, как считалось в современном обществе, среднего возраста. То есть, с внешностью на стандартные лет сорок, но в действительности слегка за сотню. Как и многие подобные ей женщины, госпожа Мора Федерлейн пробилась на верхушку юридического олимпа своим трудом. На сегодняшний день она имела партнерство в крупной фирме, квартиру на верхнем уровне и смогла себе позволить полный комплекс процедур по регенеративному омоложению, но вот на то, чтобы обзавестись семьей, ей толи времени, толи желания, так и не хватило. Сие обстоятельство приводило к тому, что госпожа адвокат сама вкалывала, следуя старой поговорке — как ломовая лошадь, и от подчиненных требовала того же.

Так что, что бы оставить в порядке все передаваемые дела и успеть к обговоренному с подругами времени, Кэти пришлось пометаться между канцелярией, бухгалтерией, своим рабочим местом и столами других личных помощников начальницы. Как всегда, при этом, комп вис, нужные папки с бумажными дубликатами оказывались не на тех полках, на которых должны были находиться, а расписание госпожи адвоката не хотело поддаваться корректировки.

Но, выказав чудеса сноровки и целеустремленности, Кэти успела-таки разгрестись с делами вовремя.

Монументальная башня Сити-центра была сердцем любого современного города. И сердцем не только по расположению, но и по тому жизненному ритму, который задавала именно она. Периметры по своему предназначению были жилыми, размещая на своей территории лишь инфраструктурный минимум, а вот вся городская активность была сосредоточена в Сити-центре.

Нижние уровни башни, как правило, отдавались под стадионы, аквапарки, торговые и развлекательные центры. Практически каждый город имел на одном из нижних этажей зоопарк и исторический музей, где показывался путь развития, как самого человека, так и мест его обитания. Можно было побродить по пещерам первобытного племени, проплыть на гондоле по улице-каналу давно ушедшей под воду старой Венеции или помахать трехцветным флагом на баррикадах революционного Парижа, исторические территории которого, на данное время, тоже были утрачены. Впрочем, в последнее столетие экспозиции музеев из голографических были переоборудованы в виртуальные, перестав, таким образом, занимать хоть какое-то мало-мальски значимое пространство и высвободив место под другие городские нужды.

А вот выше этажи Сити-центра занимали деловые кварталы. Банки, офисы компаний, конторы предприятий и представительства различных производств, а также административные образования — то, что составляло основу среднего уровня центральной башни каждого города.

На самом же верху ожидаемо разместились самые пафосные заведения. Ну, или те, которые себя к таковым относили. Естественно, не было там ни кафе, ни фастфуд-закусочных, не было спортзалов и бассейнов, и уж точно наверху никак не могло оказаться простых магазинов, парикмахерских и ателье. Под изысканными и яркими, а совсем не аляповатыми, как могло показаться неосведомленному зрителю, вывесками, кварталы заполняли исключительно рестораны и клубы, снек бары и бутики, салоны, студии и фитнес-зоны. Из объектов высокой, так сказать, культуры, здесь размещалось большинство театров, художественных музеев и картинных галерей. Ну, и публика, конечно, была вполне соответствующей, сей пафосной обстановке.

Впрочем, самый верх башни — то, что в старые времена назвали бы крышей, в отличие от подобных площадей на периметрах, был не частной территорией, а общественной. Притом такой, которую любили посещать все жители города, независимо от места их проживания. На «крыше», под прозрачной, но прочной защитой, располагался Городской парк.

Нет, в парк или какое-нибудь модное заведение верхнего уровня девушки не пошли, не захотев тратить несчастные два часа, которые они смогли вырвать у рабочего времени, на разъезды. Так что, приземлились они в небольшом ресторанчике, из окон которого были видны стеклянные двери входа в их офис. Местечко было вполне «обжитое», да и готовили здесь неплохо.

Их, как постоянных гостей, проводили на давно облюбованное место — дальний уголок с уютными диванами и затемненным окном на «улицу».

Пока несли заказанные блюда, девушки подняли бокалы с вином:

— За сбывшиеся мечты и классный отдых! — провозгласила Мелинда, когда под мелодичный звон четыре бокала соприкоснулись над столом.

Вино, конечно синтетика, но, в общем-то, приятное на вкус и, главное, с четко обозначенным сроком действия — не более часа. Проблемы-то на работе никому не нужны.

— Ну что, как говорила, отправляешься в шесть? Вещи уже собрала? — отпивая вино маленькими глоточками,

поинтересовалась Кэролайн.

— Да, на шесть такси заказано. А в семь меня в порту уже будет ждать аэромоб госпожи Разумовской, — ответила ей Кэти.

— А я вот, что вспомнила — оказывается, я знаю и Разумовскую эту, и бабушку твою тоже, — вдруг сказала Энджи.

Проявляя несвойственную ей нервозность, она так тряхнула рукой, вино в бокале, которое она держала, всплеснулось ей на запястье. Но она на это даже внимания не обратила — как-то машинально вытерла руку салфеткой, при этом продолжая быстро и сумбурно излагать свои воспоминания:

— Мне тогда едва пятнадцать, наверное, исполнилось, и меня маман только-только принялась выводить на всякие светские тусовки. Папашка тогда еще только замом у мэра нашего был. Та вот, та тусня как раз по поводу прибытия этих дам и была организована. Вполне приличный такой приемчик в честь заезжих знатных теток. Твоя-то бабуля, помню, красотка такая была! Меня еще по щечке потрепала и сказала, что я ей внучку напоминаю. Тебя ж, наверное? Мы же с тобой обе блондинки! А вот Разумовская, как мышь серая — невзрачная такая и все по углам жалась. Я тогда и не поняла, как две такие разные женщины дружить могут. А ты ж погляди — действительно, видно, дружили! Раз Разумовская тебя в гости к себе позвала. А вот то, что госпожа Блайк погибла, я и не знала… сочувствую Кэт.

В общем-то, Амалию Блайк, которая приходилась ей бабушкой со стороны отца, Кэтрин едва помнила. Вживую в последний раз она ее видела как раз в то время, когда они с родителями только перебрались с Земли на Цереру. Времена тогда были сложными и для самой Кэти, и для родных. Так что Амалия, проведшая с ними на базе всего несколько дней, запомнилась девушке не очень хорошо. Лишь яркий образ громкоголосой женщины с ярко фиолетовой копной волос и горой подарков — вот все, что осталось в памяти Кэти о той бабушке. А позже были только редкие звонки по галовизору, когда разговаривали в основном родители, а Кэтрин участия в тех беседах почти и не принимала.

Как рассказывал про нее отец, матушку его выдали замуж по соглашению еще очень молодой девушкой. Ее муж, будучи из очень приличной семьи, к тому моменту уже имел свой земельный надел на просторах за куполами и вполне успешно продвигающуюся вверх карьеру, входя в Совет одного из городов.

Чувствами же юной девушки никто, естественно, не озаботился, так что, когда, родив двух сыновей, Амалия вдруг возжелала развода, удивляться ее поступку, конечно же, уже не приходилось. Дед Кэтрин, впрочем, возражать и не стал.

Благодаря рожденным в этом браке детям деловые и общественные связи двух семей были как никогда крепки, так что расторжение данной договоренности уже ничего не меняло.

Так что, будучи финансово вполне независимой, Амалия смогла наслаждаться в дальнейшем вольной жизнью. А не прошло и пару лет после развода, как ее имя окончательно престали связывать с бывшим мужем, к тому времени уже возглавившим Совет Города. Яркая внешне и экспансивная по натуре, госпожа Блайк стала известна сама по себе. Светская львица, поэтесса, как позже говорили, что не бесталанная, и любительница экстремальных развлечений не только в нереале, но и в действительности, она, конечно, привлекала к себе безмерно много внимания. Молодые мужчины возле нее, чаще начинающие актеры или спортсмены, менялись так часто, что высший свет не успевал злословить по поводу кого-то конкретного. Так что, похоже, дед и сам не стремился обозначать какие-то родственные с ней отношения и старался держаться от нее подальше.

Она и погибла также — ярко, запоминающейся, с объявлениями и памятными программами по основным каналам головидения. Очередной молодой любовник, скоростная яхта и пылевое облако в астероидном поясе.

О непутевом нраве и любовных похождениях бабули, а также о дедовом отношении к ней и тому образу жизни, который она вела, естественно, Кэти никто не рассказывал. Но, с другой стороны, и слушать разговоры отца с матерь, считающими дочь еще маленькой, тоже никто не запрещал. Впрочем, тогда Кэтрин действительно многого не понимала, но вся информация, засевшая в памяти ребенка, была осмыслена позже.

Так что Энджи она, конечно, поблагодарила за выказанное сочувствие. Но девочкам сказала честно, что бабушку она почти не знала, а то, что госпожа Разумовская была в курсе наличия у подруги внучки и теперь вспомнила о ней, считает и вовсе, сравни чуду.

А рассудительная Кэролайн отвечала ей, что как бы то ни было, но она едет к той в гости, и принимать ее будут в настоящем поместье. А это возможно, то еще удовольствие — оказаться вне купола — сквозняк, букашки-таракашки, дождь на голову… но в тоже время — натуральная еда, открытое небо и вполне реальные открытые глазу просторы…

Они допивали вино и потихоньку расправлялись с горячим, а голос Кэрри все журчал и журчал, описывая предполагаемые плюсы, которые, конечно, перевесят многие минусы такой поездки…

— Привет девушки, я невольно услышал ваш разговор, — к

ним обратился молодой мужчина, перегнувшийся через спинку соседнего диванчика. — И думаю, уместно будет сказать, что я совсем недавно был на диких территориях. И могу вас уверить, что волноваться за подругу вам не стоит. Там не все так плохо, как принято считать.

При этом парень, мимоходом окинув всех их взглядом, тут же опустил глаза к ножке Анджелины, которой она покачивала, перекинув через колено другой. При этом ее юбка, которая была, в общем-то, положенной офисной длины, при такой посадке слишком приподнялась, отчего в разрез стал виден ажурный край чулка.

Кэти машинально «приоткрыла» защиту, как она всегда делала, когда на нее саму или на кого-то из подруг обращали внимание, и почувствовала щекочущее веяние откровенного мужского желания. Но не легкого, чуть волнующего, вполне понятного, а тяжелого, наглого — того, что распалило воображение и чулок уже сняло, и руку выше запустило. Похоже, молодой человек тоже что-то выпил, и если свою речь он еще вполне контролировал, то вот эмоции удержать уже не мог. Взгляд его, кстати, тоже был не вполне приличным и приятным — задержался там, где не следовало, дольше положенного, и был также нагл, как и помыслы.

Видимо это не укрылось и от других девушек, так что возможные последствия общения с этим типом предугадать не составило труда и им, не имеющим никакого дара, а опирающимся исключительно на жизненный опыт.

— Ваше мнение нас не интересует, молодой человек, — резко и четко прозвучал ответ Энджи.

— Будьте добры, — тут же помахала рукой Мелинда, подзывая официанта, — полог вокруг нашего стола организуйте.

В общем, через минуту они уже сидели отделенные от зала блеклыми складками тумана. Соседние столики и люди за ними стали видны нечетко, а звуки зала как будто отодвинулись.

— Может зря ты его отшила? Довольно симпатичный молодой человек, хотя бы присмотрелась… — меж тем подала голос Кэролайн. Она толи не обратила внимания на нюансы поведения молодого человека, толи вообще не поняла, что происходит, находясь дальше всех от самоприглашенного визави. — Что ж ты все время одна и одна. Такая красавица, а мужчин… ну, как мужчин, даже близко не подпускаешь! Все только друзья да знакомые…

— Да, Кэрр права! — в разговор вступила и Мелинда. — И не качай головой! Ты никогда не рассказывала, что у тебя кто-то есть. А может это не мужчина? Поэтому ты нам не говоришь? Ты

не подумай, но как-то все это странно… но, в тоже время, впечатления совсем уж забитой девчушки ты тоже не производишь. Как вон наша Кэти, когда после Цереры в Городе поселилась!

После этих ее слов все рассмеялись. Да, что было, то было — Кэтрин еще той дикаркой оказалась при первом знакомстве.

— Да ладно девчонки, не скрываю я ничего особенного. Есть у меня мужчина! — со смехом ответила Анджелина. — Давно, несколько лет уже… только он в вирте, — а вот под эти слова улыбка у нее на лице растаяла, да так, что даже глаза потухли.

— Да ладно! А почему ты никогда раньше ничего о нем не говорила? Только и вспоминаешь, что о приятелях юности, да вот таких придурков постоянно отшиваешь! — Мел мотнула головой на неудачливого соседа, продолжавшего, то и дело приглядываться к их компании через дымку завесы. — Могла бы уже давно рассказать, раз несколько лет как…

— Там все сложно… — тихо сказала Энджи, при этом, почему-то жалобно посмотрела в сторону Кэти, как будто та была в силах это упростить.

— И вы что, так за несколько лет в реале и не виделись ни разу?! — пораженно воскликнула Мелинда, а получив в ответ отрицательное покачивание головы, недоуменно воскликнула: — А тогда зачем вообще такие отношения нужны?! Это ж не то, что встретились в нереале — зажгли и разбежались, как обычно все делают. А так-то… как? — под конец фразы Мел даже растерялась от собственных выводов, что ей, в общем-то, было совершенно не свойственно.

— Я люблю его, и изменить ничего не могу… — еще тише ответила Анджелина и спрятала лицо в ладони.

Потянувшись к ней своим даром, Кэтрин почувствовала безмерную нежность к какому-то мужчине, который ощущался большим, горячим и, кажется, темноволосым, а также горечь от понимания, что его нет, и не может быть рядом. А поверх этих, в принципе, привычных уже для Энджи болезненных переживаний лежали слезы, и их не вылившаяся соль жгла и разъедала затянутую привычкой рану.

Понимая, что подобных невыплаканных слез скопилось не мало, Кэти «разрешила» подруге выпустить их на волю. Анджелина всхлипнула и разрыдалась, горько, со всхлипами и подвываниями.

Кэролайн, которая сидела рядом, обняла ее, прислонив голову подруги к своему плечу. А Мелинда, перегнувшись через стол, погладила по руке. Кэтрин же просто смотрела, как подруга потихоньку избавляется от застарелой тоски. А то, что той

определенно легчает, говорил ее дар.

— Он для тебя, наверное, то, что называют — соулмэт… — неуверенно произнесла Кэрри, когда Анджелина затихла у нее на плече.

— Не знаю… не очень-то я во все это верю, — ответила та, окончательно успокаиваясь и устало откидываясь на спинку дивана, — истинные пары, половинки одного целого, части души… что-то в этом есть бредовое.

— Не скажи, — мягко продолжила начатую тему Кэролайн. — Я, конечно, не для себя, не для своих близких, не пожелала бы подобного — это же самая настоящая зависимость! И именно из-за этих опасений не форсирую своих отношений с Грегори. Но явление это, похоже, существует в действительности. В прошлом семестре нам даже краткий курс по этой теме начитали. Правда, он пока в обязательные дисциплины не входит. Такие темы затрагивают для расширения кругозора тех, кто учится не для галочки, а действительно желает получить работающий дипломи практиковать в дальнейшем.

— Я тоже об этом слышала, — вступила в разговор Мелинда. — Один из моих… знакомых, ну, вы должны помнить его, я вас знакомила — светленький такой, в стильных кедах с героями комиксов был… — и она выжидающе посмотрела на подруг.

Пришлось всем соглашать и заверять, что помнят, хотя, возможно, и совсем не о том парне речь сейчас шла, о котором они подумали — уж больно много возле Мел всегда «знакомых» вертится.

— Ну, так вот. Он на режиссерском учился и его как раз в то время, когда мы с ним общались, ассистентом на какую-то большую картину пригласили. Так вот там эта тема и обыгрывалась. Романтики, конечно, куча, чмоки-поки разные, но смысл такой, что раз мы не хотим по-хорошему плодиться и размножаться, то будем вынужденно. Типа — эволюция на месте не стоит. Рэдди мне все уши тогда прожужжал, все пытался доказать, что я его соулмэт и есть, раз он меня так сильно любит. В общем, это я к чему? А то, что тема эта уже не просто обсуждается, а считай в нашу жизнь въехала!

— Какая-то быстрая больно у вас эволюция получается! — ответила ей Энджи, в это время, смотрясь в зеркальце и наводя ревизию после рыдального погрома у себя на лице. — Я, кстати, тоже в школе училась, и основной курс анатомии человека проходила. И даже кое-что помню: например, про копчик. Так в случае с нашим отвалившимся хвостом речь о миллионах… если не о миллиардах лет шла. А тут сколько? Двести, максимум

четыреста?

— Так, то тело — материя грубая, непластичная. А мы говорим о возникшей привязанности, о зависимости одного человека от другого — это проблема эмоций, считай психики, — возразила ей Кэрри. — Есть, к примеру, такой хорошо известный всем феномен, как повышение рождаемости вообще и более частое появление двоен в частности, после масштабных войн и крупных эпидемий. И никаких тебе миллионов лет. Кстати, он сработал и на первых переселенцах в Эпоху катаклизмов. Но потом все успокоилось, люди прижились в Городах и стали существовать в свое удовольствие. Между прочим, по статистике детей рождается все меньше и меньше с каждым годом.

— Я вот только не пойму, — задумчиво вставила Мелинда, — дети-то все реже рождаются в реале, а любовь у Энджи там, в вирте. Как так получается?

— Конкретно, как так происходит, я тебе, конечно, не скажу, но вот предположить могу, — также задумчиво стала отвечать ей Кэрри. — Из той же школьной программы известно, что наше тело всего лишь проводник нервных импульсов, а центральный «комп», обрабатывающий их, это мозг. При этом в бессознательном состоянии мы ничего не чувствуем. А когда уходим в нереал, тело вообще оставляем здесь. То есть, наше сознание проходит оцифровку и сливается с аватаром, и уже через него мы начинаем что-то ощущать там: прекрасно в вирте строим отношения, переживаем чувства и занимаемся сексом. Отсюда, делаем вывод, что в случае с влечением, хоть физическим, хоть эмоциональным, тело — вторично, а разум, как раз, первичен. Вот поэтому, так называемый феномен соулмэт и работает, как здесь — в действительности, так и там — в мире Ксандер. В общем-то, все закономерно получается — слишком многие сейчас строят свои отношения преимущественно в нереале и, как следствие, секс имеют в основном там же. Тебе Мел, как никому это известно. А так пара становится зависима друг от друга, и в результате начинает жить в обоих мирах. А в реале от совместной жизни, как известно, и дети получаются.

— Да, кстати, не раз слышала, что в последние столетие контрацептивны все больше теряют свою актуальность. Их не успевают создавать, как они прекращают гарантированно работать, — это уже Кэти вставила свое слово, вспомнив периодически поднимаемую в их доме тему разговора.

— Так может тот мужчина все же и не твой соулмэт, раз у него нет желания продолжать отношения в реале? — предположила Мел, обращаясь к Анджелине.

— Не знаю… я ж говорю: там все сложно… — ответила та, и

снова посмотрела на Кэти.

2 (4)

Аэроэкспресс, вырвавшись из шахты тоннеля, набирал скорость, разгоняясь по силовой линии и стремясь за положенные полторы минуты достичь следующего периметра. Кэт ждала как раз этого момента. Задрав голову, она всматривалась в верхнюю часть окна, расположенного напротив того места, где она сидела. Но видимо ассенизаторные работы под куполом давно не проводились, поэтому попытка «выхватить» глазами хотя бы небольшой кусочек чистого неба, не удалась. Все, что получилось увидеть — это неприятного цвета лохмотья проносившиеся мимо. Вполне привычное и не заслуживающее никакого внимания зрелище, когда поезд, на бешеной скорости врубаясь в тяжело колышущийся кисель тумана нечистот, раздирает его в клочья. А она-то надеялась…

Обычно Кэтрин пользовалась другой линией метро, проходившей значительно ниже и проложенной между средним и нижним уровнями жилых этажей, поэтому надежды увидеть хоть что-то еще, кроме грязного тумана, в тех поездках не было совершенно! Но сегодня, сдав дела перед отпуском и уйдя с работы пораньше, она могла позволить себе потратить на дорогу чуть больше времени и проехать по верхней линии, чтоб доставить себе удовольствие и увидеть синеву неба.

«— Ну, ничего, скоро увижу! И не из вагона, а вживую!» — попыталась приободрить себя Кэтрин.

Встреча с девочками, которая предполагалась легкой и веселой, почему-то в результате получилась какой-то удручающе тоскливой. Нет, все вроде неплохо прошло, но вот темы, которые они затрагивали при разговоре, радостными назвать было нельзя. И про саму поездку, которая пугала подруг, как собственно и большинство людей, своей неоднозначностью прибывания вне купола. И воспоминания о бабушке, которая, вроде и не была для Кэтрин близким человеком, но упоминание самого факта ее гибели, хорошего настроения, конечно, не добавило. Да и разговоры о госпоже Разумовской с ее неожиданным приглашением, если честно, девушку очень сильно напрягали. А уж тема об этом странном феномене соулмэт и вовсе заставляла внутренне поеживаться, стоило вспомнить болезненное напряжение в эмоциях Энджи, возникающее при упоминании того темноволосого мужчины из вирта.

Поезд тем временем уже был на входе в тоннель первого периметра. Так что, помимо воспоминаний о не вполне удачном обеде, Кэти еще пришлось свыкаться с мыслью, что, кроме более

комфортабельных условий вагона, других преимуществ в этой поездке не предвидеться. И если учесть бо́льшую стоимость проездного, то, в сущности, и не стоило затевать ее — вполне можно было и привычным маршрутом до дома добраться.

В этот момент вагон скользнул в темный зев тоннеля, и на фоне почерневшего стекла, куда до сих пор был устремлен взгляд девушки, вдруг стало заметно, как сверху мягко падают розовые лепестки. Рассыпала их изящная женская ручка, а полупрозрачные нежные хлопья, не долетая голов сидящих пассажиров, таяли в воздухе.

Отвлекаясь от своих невеселых мыслей на это действо, Кэт посмотрела еще выше — туда, где над окнами размещались голоэкраны. Показываемая картинка стала видна вся целиком — холеная рука, но уже вкупе с головой и бюстом известной красавицы модели, все также продолжающей рассыпать лепестки.

«— Понятно, реклама какого-то парфюма с ароматом розы», — машинально подумала Кэти. Как бы подтверждая ее догадку, в руке рекламной дивы образовался объемный хрустальный флакон, а ее тонкий пальчик стал давить на дозатор, посылая над головами сидящих людей розоватое облачко. И хотя на Кэтрин был респиратор, как собственно и на подавляющем большинстве пассажиров находящихся в поезде, ей показалось, что она чувствует аромат, поплывший по вагону.

«— А там розы уже цветут?!»

Все негативные помыслы вылетели из головы подчистую, оставив только немного тревожные предвкушение и нетерпение. Сразу вспомнилось, что сейчас июнь месяц. Факт, в общем-то, малозначимый и здесь, в городе, и на орбитальной базе. Припоминая не раз упомянутую сегодня школьную программу, Кэти попыталась сопоставить немногие знания с теми обстоятельствами, в которые попадала.

Итак, июнь, двадцать первое число! Что она помнила? То, что прибывая на место в восемь вечера, там, скорее всего, еще не наступит ночь, так как сегодня самый длинный день в году. Ах, да, главное это то, что сейчас лето, а значит температура воздуха, скорее всего, будет такой же, как поддерживается в городе. И почему она раньше об этом не вспомнила? Даже когда вещи собирала? А вдруг бы другое время года было? Теплую-то куртку или шубу пойди еще, найди! Ха, считай, повезло!

А когда она с помощью гэджа окончательно разобралась с предстоящими погодными условиями того места, где собиралась гостить, поезд уже подошел к платформе станции шестого периметра. Время поездки, на удивление, прошло довольно быстро.

Общественный лифт скользнул вниз прямо до ее этажа, не останавливаясь нигде. По причине раннего часа, когда основной народ еще на работе, в кабинке она ехала одна, что по понятной причине не могло не поднимать ей настроения. Так что, в открывающиеся двери она ступа уже полная оптимизма и радостного предвкушения от все более приближающегося часа отъезда.

А что? Бабушку, конечно, не вернуть, но дело это давнее и ее саму она толком не помнит, а вот то, что подруга той вдруг объявилась — это ли не удачное стечение обстоятельств?

С бедой Анджелины тоже можно будет попробовать справиться. Вот отдохнет, а там с новыми силами разберется. Ведь если бы мужчина был той самой половинкой, то не сидел бы в вирте безвылазно, а объявился в реале, так?! А раз этот парень, что засел у подруги в голове, не ее соулмэт, то потихоньку, каждый день понемногу «поглаживая» эмоции Энджи, можно будет постараться избавить ее от этой зависимости.

Ну, а о том, что в диких землях все страшно и ужасно, и вовсе переживать не следует. Да, все именно так и выглядит на первый взгляд — по головидению периодически передают, что сильно тряхнуло там, а цунами накатило — вот там, а смерч прошелся там-то и там-то. Но если обращать чуть меньше внимания на страшные картинки, а внимательно слушать о каких территориях идет речь, то очень быстро становится ясно, что это одни и теже земли, лежащие очень далеко от обжитых мест. Как правило, катаклизмом накрывает самый юг и восток Евразийской плиты, соответственно север Африки и западные части остатков Американских континентов, а не повсеместно, чуть ли не сразу за границами куполов.

Но, по большому счету, люди в это не вслушиваются, пугаясь страшных видов затопленных бескрайних просторов, текущей лавы и громадных трещин в земле, в которые могли бы рухнуть и монументальные башни Сити-центров. И совершенно не звучит нигде мнение, что основные территории, в смысле те, которые относительно не пострадали в Эпоху катастроф, уже вполне пригодны для обитания.

Люди, которым принадлежат данные земли, почему-то об этом не распространяются. И если верить словам одного хорошего знакомого Кэти, то им это просто-напросто не выгодно. Чем? Девушка не особенно-то стремилась задаваться подобными вопросами, но вот редкие высказывания и знакомых, и незнакомых людей, как вот того неприятного парня, что влез в разговор в ресторане, да и все, что можно было найти в сети, она ловила и «мотала на ус» к своей пользе. И в результате выходило,

что и за куполами люди… живут, и не плохо живут… и как бы не получше, чем они все здесь в городе.

Средний уровень периметров Ньютвера имел пять этажей, а каждый этаж состоял из двух параллельных линий, называемых традиционно улицами.

Так вот, опустившись с перрона на три этажа вниз и повернув от лифтовых блоков налево, Кэтрин оказалась на своей улице, почти пустой, тихой и «солнечной», как и положено выгладить улице спального района в июне месяце в пять часов пополудни, даже если она внутри монолитного строения, а солнце лишь искусная имитация.

Стоянки для аэромобов, небольшие платформы, слегка возвышающиеся редкой цепочкой по самой середине улицы, были все свободны. Движущаяся пешеходная дорожка еле-еле ползла на самой низкой скорости, а в витринах магазинов замерли и вовсе неподвижные манекены, в ожидании пока улица оживет и мимо потянуться потенциальные покупатели.

А «почти пусто» составляли лишь две мамочки на скамейке, возле которых в полуметре над тротуаром покачивались коляски, ватага мальчишек лет восьми на аэророликах, которые к сидящим женщинам не приближались, видимо, уже успев выхватить от них, а также крупный широкоплечий мужчина, одиноко сидящий за столиком возле ресторана.

А вот его Кэти была рада видеть. Это был как раз тот самый хороший знакомый, что являлся для нее главным источником информации о диких территориях, и хозяином бара-ресторана «Медведь и Пирожок», что расположился на первом этаже того здания, где Кэти имела квартиру.

Ага, название заведения было смешным и несуразным, но Кэтрин нравилось. После всяких цветов и сладостей, разных «милых друзей» и пафосных «роялей» с «грандами», украшающих вывески по всем уровням и кварталам Сити-центра, это название воспринималось милым и каким-то домашним.

Мужчина, которого звали Джо, а в бытность его одним из самых знаменитых бойцов ММА — Черным Гризли, и на сегодняшний день впечатлял своими размерами. Впрочем, он не был стар, и даже не мог считаться сильно пожилым человеком в современном мире. Хотя по его собственным словам полный комплекс процедур по регенеративному омоложению он вследствие четырех десятков лет проведенных на ринге должен будет пройти в ближайшие годы — в свои неполные восемьдесят, а не как все нормальные люди — гораздо позже.

В общем-то, как было сказано выше, он производил впечатление очень сильного и вполне здорового человека. И

поэтому Кэти так до конца и не была уверена в том — прибаливает ли он на самом деле или это просто ворчание «старого доброго дядюшки», образ которого любил «примерять» на себя Джо, в особенности при общении с нею.

Конечно, такая дружба, и такие почти родственные отношения, могли бы показаться странными, учитывая то, что в соседях они живут всего три года, разница в возрасте и жизненных интересах огромная, а Кэтрин, как известно, и вовсе довольно «дикая» особа в силу имеющегося дара. Но вот как раз дар-то тут и сыграл основную роль.

Когда они в первый раз столкнулись, конечно же в баре, куда Кэти забежала в день переезда выпить чашечку кофе, то оба поняли, что, как бы это не было удивительно, но они необычайно похожи и близки по своей сути, то есть по тому толи дару, толи ущербности, как они оба свои особенности периодически ощущали.

Нет, Джо слышать эмоции окружающих не мог, и уж тем более, как Кэти, влиять на некоторые их помыслы и действия тем более. Его персональную странность можно было скорее назвать обостренной и весьма результативной, в силу попадания в цель, интуицией. Она, его особенность, не была с мужчиной постоянно, как изматывающий и вынуждающий с ним ежеминутно считаться дар девушки, а накатывала внезапно — озарением, предупреждая, подсказывая, а иногда и одергивая.

Но, как бы то ни было, они встретились. С подачи ли его всколыхнувшейся интуиции, указавшей на вошедшую в бар девушку, как на удачный случай в жизни. Или возможно с подсказки дара Кэти, ощутившего в громадном чернокожем мужчине нечто такое, что не тревожило и не отпугивало, несмотря на довольно напрягающую в своей угрозе внешность.

Почему между ними не возникло физического влечения при такой эмпатической близости? Кто знает? Возможно потому, что в то время, разбираясь с ворохом новых и не всегда положительных впечатлений, Кэти в принципе не была готова к таким отношениям? А у мужчины в этот момент жизни, как раз все было уже устроено, гладко и по сердцу? Но вот отношения в стиле доброго старого дядюшки и его любимой племянницы, исходя из данных обстоятельств, у них сложились вполне органично.

Глядя издалека на расположение диванчика, становилось понятно, что подразумевается, что на нем будут сидеть двое. Но вот Джо, как всегда, расположился на нем один. Кэти, когда видела, как тот устраивается на мягком, но весьма ограниченном пространстве, всегда хотелось его пожалеть. А разве не заслуживает сочувствия то, когда хозяин заведения вынужден

подбирать мебель, сообразуясь с веянием моды, а совсем не с собственными габаритами и запросами?

Мужчина действительно был крупным — метра за два ростом, широк в плечах и увит мышцами. Добавьте к этому брейды до лопаток, привычку в задумчивости сжимать и разжимать кулаки, которые размером чуть меньше его же головы, и славу ужасного и непобедимого Черного Гризли, о которой еще многие помнили. И вот перед вами громила, внимания которого лучше не привлекать и от дела по пустякам не отрывать.

Да, в общем-то, все так и было… но только с виду. Уж Кэтрин знала точно, что под такой устрашающей внешностью скрывается очень разумный, спокойный и мирный по натуре человек. Он был терпелив и мил с женщинами, притом со всеми без исключения, а не только со своими — женой Мадлен, матерью, сестрами, ну, и с ней, приблудной племянницей. Он был внимателен и заботлив с друзьями, даже с теми, общение с которыми можно было считать проблемным. Да он в принципе был терпим ко всем людям без исключения и, что немаловажно, к их слабостям! Хотя и не терял критичности взгляда при общении с ними.

— Привет, Джо. Прохлаждаешься? Оливер опять все бразды правления забрал в свои руки? — спросила, смеясь, девушка, подходя со спины к сидящему мужчине.

Тот обернулся, улыбнулся в ответ и способное устрашить в своей задумчивости лицо, сразу стало симпатичным и приятным:

— Здравствуй-здравствуй, красавица! Ага, сегодня с утра в режиме Наполеона живем. Ты-то, как сама? Как с девочками посидела?

— Да, нормально… — протянула Кэти, опять припомнив тоскливую атмосферу встречи.

— А что так кисло? — поинтересовался Джо, сразу уловив явно не оптимистическую интонацию в ее голосе. — Садись. Рассказывай, что там у вас произошло.

С девочками лично он был едва знаком, будучи просто представленным им во время одного из празднований дня рождения Кэти, которое она организовывала в их с приятелем ресторане. Но вот со слов девушки он знал о них побольше.

А не успела Кэтрин присесть на противоположный диванчик, как из дверей бара вышел официант, неся на подносе высокий бокал с посыпанной шоколадом пышной пенкой. Когда уж Джо успел заказать для нее капучино, было непонятно, но вот рассказывать, что не так было на встрече, теперь придется точно.

Вздохнув и хлебнув кофе, Кэти, как послушная девочка, пересказала «любимому дядюшке» все, о чем они с подругами беседовали за обедом. Единственное о чем она не стала говорить,

это о непонятной многолетней влюбленности Энджи в странного не вылезающего из вирта мужчину. Это была не ее тема и не ей поднимать такую в разговоре с незнакомыми подруге людьми.

Впрочем, им и всех остальных тем хватило.

— Вот же, чуть не запугали тебя курицы глупые, а я еще считал по твоим рассказам, что они вполне разумные девицы! Еще эта, как ее — Мелинда! Сама-то, наверное, с детства не то что просто за куполом бывает, а и живет там месяцами. Чей поди, даже лошадку собственную имеет! — возмутился Джо, но тут же одернул себя и извинился за то, что обозвал девушек. Но вот Кэтрин пришлось опять выслушивать, что на диких территориях все вполне прилично и совсем не опасно:

— Ты пойми, — наверное, в сотый раз уже втолковывал он Кэти, — я там был последний раз лет двадцать назад, когда заканчивал карьеру. Ты знаешь, наша элита всегда уважала знаменитостей по разным приемам за собой таскать, да и бои на частных территориях, бывает, устраиваются. И уже тогда там все было вполне приемлемо. Ново, конечно, для городского человека и не всегда приятно, но зато интересно. А вот ужасного там точно ничего нет. Так это когда было! А говорят, что климат с каждым годом улучшается. Так что, лети спокойно. И получи от поездки максимум удовольствия. Кстати, у тебя такси на шесть вызвано? — он глянул на гэдж: — Ага, давай допивай свой кофей и иди уже, а то времени полчаса всего осталось. А насчет Разумовской… — Джо, как споткнулся после этих слов и на несколько минут задумался.

Кэти успела и капучино прикончить, и решить, что он вообще отвлекся и продолжать не будет. Но когда она, отодвинув бокал, стала подниматься с дивана, мужчина ожил:

— Послушай меня, девочка, — Джо перегнулся через стол и взял руку девушки в свои, — я Альберту знаю давно, и она хороший, в общем-то, человек. Но если что-то будет не так, что-то ты почувствуешь, что тебе не понравится… я тебя прошу, все бросай и возвращайся!

— Джо, ты что-то не договариваешь? Вот это я ощущаю! Но как всегда с тобой, точно определить не могу, что именно ты утаиваешь! — вот так с ним всегда — его эмоциональный фон вроде и открытая книга, но как будто лишь поверху ощущается. — Что не так? Говори!

— Да ничего страшного, не пугайся ты так! Просто… сложная она тетка — да, будем считать, что все именно так! Иди уже, а вернешься, вот тогда и поговорим.

Поняв, что большего она от Джо не добьется, притом, что и времени на разговоры уже совсем не осталось, Кэти махнула

рукой на все недоговоренности и, послав воздушный поцелуй мужчине, направилась к двери подъезда.

Глава 3
Джо Черный Гризли

3 (0)

Джо поднял руку в прощальном жесте, наблюдая как Кэти, улыбнувшись ему, скрылась в дверях, ведущих к жилым блокам, расположенным на четыре этажа вверх.

На первом же, как и везде, были магазины и кое-какие заведения, без который не мог обойтись ни один удобный и уютный район. Одним из которых был его бар-ресторан «Медведь и Пирожок», которым на паях с другом детства он владел уже лет тридцать.

Ага, вот и его приятель, только вспомни о нем.

Оливер вышел из дверей бара и, неспешно раскачиваясь своей тяжеловатой фигурой, направился к нему. А усевшись на соседний диван, тоже посмотрел туда же — в сторону подъездной двери.

— Все, игра началась! — напряженно выдохнул Джо, переводя взгляд на друга.

— Ты называешь предстоящие события, которые могут привести к настоящему смертоубийству, игрой?! — как-то обреченно возмутился Оливер. — И девочка наша… вот что из нее за игрок — маленькая, худенькая, этим своим даром затюканная! Птичка-невеличка просто! А нам всемогущий громила нужен, чтоб воевать с Ксандером и Советом на равных.

— Хм, птичка-невеличка… а ей подходит. Вот только именно она, по крайней мере в вирте, тем громилой и может стать. И тем игроком, о котором никто не знает, и в расчет не берет, а значит, и противостоять которому не сможет.

— А мне все равно за малышку страшно… там, в вирте — ладно, но если что-то пойдет не так? И тогда все придется решать здесь — в реале. Как она справиться… да и захочет ли ввязываться во все это вообще? А если откажется? Вот приедет от Альберты и пошлет нас всех на хре… гм, далеко, в общем, подальше от себя! Что мы все, и Аля, и Раф в вирте со своими бедолагами, и мы с нашими парнями, делать-то станем? А? Всё ведь, как дураки, на одну маленькую птичку-невеличку поставили! — похлопал себя по лбу ладонью Оливер, как бы показывая, какие они все глупцы недальновидные.

— Так, пессимист хренов, не каркай! Все будет хорошо, это я тебе говорю! — Джо даже для убедительности ударил себя кулаком в грудь.

— Ладно, что уж теперь… только ждать и остается… — покачал головой Оливер и мотнул подбородком на стакан с ядовитого цвета жидкостью, который стоял перед приятелем,

видимо, пытаясь перевести разговор на другую тему: — Это у тебя вместо обеда? Вот смотрю я на тебя, вроде и взрослый ты мужик, и умный, и даже будущее иногда предсказываешь, а вот когда на нервах, так и не поймешь, куда все девается?! Временами, прямо Бэзила нашего придурочного напоминаешь! Выпивка вместо еды… И не говори мне, что это не спиртное, литры кофе и такой вот ядовитой гадости — тоже ни есть хорошо! — по нарастающей, и уже вполне привычно, погнал Оливер воспитывать приятеля.

— Ты Базильку не трогай, он может и с придурью, но свое дело знает! — ответил Джо, с улыбкой поднимая глаза от стакана, а в душе радуясь, что друг встал на наезженные рельсы, и значит всякие надуманные горести уже отодвинуты в сторону.

— Да, кстати, — всполошился толстяк, — я, что хотел сказать-то, когда пришел: собрание с парнями откладывается, нас заказали на вечер — оба зала полностью. Мадлен уже обзванивает тех, у кого были заказаны столики на сегодня, приносит извинения.

— А кто хоть заказал-то? — не сильно волнуясь по этому поводу, да и без особого интереса, спросил Джо. Бывает, что ж теперь, дело житейское.

— Да толком и не с знаю пока, — пожал пухлыми плечами Оливер, — мне только что сообщили. Ресторан — арендуют, бар просто оплачивают и закрывают. Там какая-то компания с верхнего уровня. И это не из постоянных гостей.

От деловитости, зазвучавшей в голосе приятеля, Джо развеселился и, смеясь, поддел того:

— Что, тяжела ноша знаменитости? Целая компания с верхнего уровня!

— Да их всего четверо, — вдруг утратив всю собранность и серьезность, как-то задумчиво ответил друг, — и люди все чужие. Кто их знает, что они из себя представляют, чем занимаются там, на своем верху. Надо быть осторожнее!

— Это что сейчас такое было? Пророчества, знаешь ли, это мой конек! — недоуменно уставился на него Джо.

— Вот тебе хихоньки да хаханьки, а я серьезно говорю! У меня тоже, между прочим, чуйка имеется! Я, если помнишь, как и ты на нижнем этаже выживал, а там, хотя бы без самой маленькой, это не вариант, — обиделся Оливер.

А Джо в этот момент почувствовал, как у него в подвздошной области, будто что-то сжалось, а потом лопнуло. И сразу стало понятно, что от вечера ничего приятного ждать не следует… но, и непоправимого пока не произойдет. А значит поберечься надо, но сильно пугаться не стоит:

— Это, наверное, из-за той секретной директиве

правительства, что Бэзил недавно откопал. О таких, как мы, кучкующихся нелюбителях игры, — постарался он придумать причину подступившей нервозности, что бы успокоить приятеля.

— Джо! Тише! — вдруг заволновался Оливер, озираясь вокруг, как будто до этого они о чем-то менее опасном речь вели.

— Да ладно ты, успокойся. Никого рядом нет. А для техники — все тихо на полквартала вокруг. Кстати, не забудь отключить оборудование, вдруг с собственной охраной твои новые гости явятся, проверять начнут…

— Угу, будет охрана, уже предупредили… — тяжело вздохнул Оливер, а потом с заметным усилием переключаясь на другую тему, сказал: — Пойдем уже, накормлю тебя. Супчик сегодня — чудо как удался! Время есть пока, а то без моего пригляду еще голодным останешься. Мало мне убогого нашего… — и направился к входу в бар.

Поднимаясь из-за стола, Джо крикнул ему вдогонку:

— С удовольствием, и не прибедняйся, у тебя все всегда удается! — уж больно каким-то растерянным выглядел приятель, а он не мог этого так оставить. Как говориться, доброе слово и кошке приятно, а уж Оливер, как любая творческая личность, весьма чувствительно относился к мнению о своих шедеврах. И помня об этом, Джо никогда не забывал ввернуть в разговор что-нибудь эдакое. А что? И ему не сложно, и приятелю в радость.

Открывая дверь, Джо по привычки поднял голову и посмотрел на светящуюся вывеску и улыбнулся. Этот короткий ритуал он исполнял с первого дня на протяжении всех лет, что они с Оливером владели этим заведением. Казалось, что пробежав глазами по буквам, он обязательно обеспечит себе хорошее настроение на весь остаток дня. А улыбку вызывала мысль, что он, особо никогда не веривший в приметы, все же позволял себе это маленькое суеверие.

«Медведь и Пирожок». Название, на первый взгляд неказистое и несерьезное, на самом деле было вполне естественно и просто по задумке. «Медведем» был он — Джо, по аналогии с его псевдонимом Черный Гризли, когда в молодости он был звездой бойцовского ринга. «Пирожком», соответственно, звался друг Оливер.

Прозвище свое приятель получил еще в детстве. Тогда местом их обитания был самый первый этаж нижнего уровня города, который, по сути, представлял собой самые настоящие трущобы.

Местное общество в основе своей состояло из работяг, подвизающихся на самую черную и тяжелую работу, плюс приличной доли преступников разного калибра да совсем опустившихся забулдыг. Впрочем, временами туда попадало и

достаточное количество вполне приличного народа, который впоследствии ассимилировался среди аборигенов и практически растворялся в этом низкопробном коктейле.

Как правило, это были неполные или многодетные семьи, разорившиеся предприниматели, ну и все остальные, кто в какой-то момент начинал понимать, что в дальнейшем не сможет содержать себя и свою семью на более высоком уровне. В силу разных причин они оказывались здесь, в прямом смысле на самом дне жизни, но в результате такого унижения, а именно так большинство из них воспринимали сложившуюся ситуацию, имели теперь самые дешевые еду и жилье в Городе. Семьи, и Джо, и Оливера были как раз из таких переселенцев.

В принципе, отец Джо, хоть и был из пришлых, но настолько быстро прижился здесь, что через несколько месяцев нисколько не отличался от аборигенов уровня. Он работал уборщиком улиц, и пока его роботы скребли вечно грязные тротуары, он с такими же пьянчужками втихую остаканивался по углам. Естественно, к ночи, когда он добирался до дома, то был уже смертельно пьян. И хотя из смутных воспоминаний раннего детства Джо знал, что они не всегда жили так, поговорить с отцом о том, что же произошло, обсудить из-за чего они оказались вдвоем в этой дыре, мальчику так никогда и не удалось. И даже за всю недолгую их совместную жизнь он так и не смог узнать, что произошло с его матерью. Умерла она или просто оставила их, не выдержав, к примеру, пьянства отца или не приняв перспективу переселения на нижний этаж.

Впрочем, на протяжении всех этих лет, отец, каким-то чудом неизменно доносил часть заработанных денег до дома и, имея привычку делать заначки, рассовывал их, куда только можно. И надо честно признать, что если б не дар Джо, позволявший и предвидеть эти малые поступления, и, самое главное, помогающий отыскивать их, то, скорее всего, жизненный путь его лег бы совсем по-другому.

Но, все сложилось так, как сложилось, в результате чего Джо был плохо-бедно, но одет и накормлен, а коммунальные платежи за квартирку оплачены вовремя. Так что у местных служб не было явного повода придираться к отцу и изымать у того жилье и сына. И значит, Джо не грозило угодить в приют для бездомных и сирот, где его жизнью распорядились бы без его ведома. А вот самостоятельность, доставшаяся мальчику в результате такого стечения обстоятельств, к счастью, именно для этого ребенка оказалась благом.

Жизнь же Оливера была совсем другой. Семья его состояла из матери и трех сестер, причем двойняшки были гораздо младше

него. После гибели отца в шахте, где-то на спутнике Юпитера, их мать, оставшаяся с четырьмя детьми на руках, вынуждена была со среднего уровня переехать сюда. Пенсии, выплачиваемой предприятием, на котором до гибели работал отец, вечно не хватало, а самой выходить на полный день, из-за совсем маленьких тогда близнецов, женщина не могла. О няньке или детской площадке речи не шло, все по той же причине.

Впрочем, как помнил Джо, соседка, госпожа Боис, никогда не унывала. Да, в общем-то, для него она и не была чужим человеком, да и госпожой или как-то еще, как обращаются к посторонним людям дети, он ее никогда не называл. Мама Мелли — вот кем для маленького Джо стала эта хрупкая, обремененная заботами и кучей детей, но нашедшая возможность позаботиться и о нем, женщина.

Став старше, и сумев проанализировать все, что творилось в его жизни ранее, Джо четко осознал, что не будь ее, он мог бы реально и не выжить, или, по крайней мере, не стать тем, кем он стал, попав в приют и приняв долю, указанную Городом. И зная себя, и свое свободолюбие, Джо не обманывался на тот счет, что, возможно, и в этом случае он мог не остаться в живых.

Сопоставляя кое-какие детали, Джо со временем вычислил, что на нижнем уровне они с отцом оказались, когда ему было около пяти лет. А семья Оливера, по словам мамы Милли, переехала в соседнюю с ними маленькую квартирку, примерно, через год после этого. К тому времени отец уже крепко закладывал, а сам Джо, видимо, был настолько плох — голоден, грязен и возможно болен, что женщина, увидев ребенка в подобном состоянии, не смогла оставить все как есть. Благо угрюмый, громадный и страшный с виду сосед даже в сильном подпитии был не агрессивен. И стоило всего лишь не мешать ему пить, и он не выказывал никаких возражений по поводу того, что новоявленная соседка лезет в его дела.

А дел нерадивого соседушки она взяла на себя не мало. Ребенок в том возрасте, в котором был тогда Джо, заначку отца с помощью своих способностей обнаружить, конечно, может, но вот оплатить коммуналку, купить нужные вещи и продукты, да и сготовить из них что-то съедобное, он еще не в состоянии. Так что переоценить заботу женщины, взвалившей на себя еще одного ребенка, было невозможно.

Впрочем, годам к десяти Джо постепенно научился заботиться о себе сам. Так что, через три года, когда умер отец, которого просто нашли на улице лежащим посреди не знающих что делать роботов, он был уже практически самостоятельным человеком. А службы города опять сделали вид, что ничего не

происходит, раз все тихо и спокойно. И оставили подростка в покое.

В общем, Оливер, с которым они практически выросли в одной семье, был, по понятной причине, для Джо скорее братом, чем просто другом детства. И даром, что один из них был темнокож и высок, а второй русоволос, веснушчат и мал ростом, но в их квартале мальчиков очень быстро начали воспринимать, как близких родственников.

Но с момента смерти отца хоть малый, но доход, совсем иссяк, а мама Милли пятерых детей одна никак не тянула. Так что именно в то время Джо и начал драться за деньги. Да, пока это были не настоящие бои, сопровождающиеся ярким шоу и кучей обслуживающего бойца персонала, а всего лишь небольшие драки устраиваемые местными дельцами в подворотне, для собственного развлечения. Но денежки понемногу капали.

А вот Оливер к тому времени уже несколько лет как работал, считая себя единственным мужчиной в семье. В восемь лет он выполнял всякие мелкие поручения: что-то подносил, передавал, брался за небольшую уборку. В десять по несколько часов в день стоял за прилавком соседней хозяйственной лавки. В двенадцать… а в двенадцать он начал печь пирожки.

Обычно по вечерам Джо часто помогал приятелю, если тому приходилось выходить на улицу по какому-то поручению. Район их и днем-то, как известно, в «спокойных» не числился, а с приближением ночи тем более было опасно выходить из дома по одному.

Джо всегда был крупнее сверстников и выглядел старше своего возраста. А стойкий характер, закаленный в одинокой жизни при папаше-пропойце и четкое понимание, что если не ты — то тебя, не позволял ему оставаться в стороне хоть от одной мало-мальски стоящей потасовки между мальчишками. И к тому моменту, когда началась Оливерова пирожковая история, Джо имел вполне заслуженную репутацию завзятого драчуна. Так что, навалять по шее какому-нибудь привязавшемуся пьянчужке он мог вполне и в двенадцать лет.

И вот как-то вечером, вместо привычного выполнения каких-то поручений, они с Оливером оказались на улице, продавая пирожки… которые тот испек сам. Кто навел приятеля на мысль именно таким образом попытаться заработать, Джо не знал. Но идея, как не странно, оказалась удачной, потому как в Оливере, разбуженный пинками крайней нужды, вдруг проснулся совершенно потрясающий талант. Из каких ингредиентов были сляпаны те первые пирожки, Джо, даже в то полуголодное подростковое время не решался уточнять, но… они снова и снова

оказывались, просто божественно вкусны!

В те годы приятель и получил свое прозвище. Имени его люди, живущие на их уровне, могли и не знать, но пирожки попробовал каждый.

Через год Оливер уже имел постоянных покупателей и часто работал под заказ. А к семнадцати годам открыл маленький ларек с выпечкой.

Ко времени, когда им было лет по сорок пять, и Джо, уже подумывая завязывать с боями, прикидывал, куда вложить заработанные деньги, Оливер имел небольшое кафе. Заведеньице не сильно процветало, а сам Пирожок был в депрессии от недовольства собой, окружающими и сложившимися обстоятельствами. Его талант требовал простора, а трепетная душа гения — полета в нем. Местное же «общество» в силу простоты вкусов и скудости кошелька не могло ему этого обеспечить. При условии, что меню было без кулинарных наворотов, столь любимых Оливером, на завтрак и обед небольшой зал еще как-то заполнялся, а вот вечерами кафе регулярно пустовало — приятель категорически отказывался торговать в своем заведении низкопробным дешевым алкоголем и наркотой. А от мысли о возвращении к горе примитивной выпечки, что бы хоть чуть-чуть пополнить кассу, он расстраивался до слез.

Вот так и получилось, что несколько десятилетий назад на третьем этаже среднего уровня появился бар-ресторан «Медведь и Пирожок». Теоретически бар задумывался как вотчина Джо — бильярдные столы, экраны в пол стены с трансляциями спортивных мероприятий и терминалы тотализаторов. Ресторан же, понятно, для Оливера. Таланту его теперь было где развернуться — уже в первый год, благодаря ему, заведение приобрело известность по всему среднему уровню южной стороны их периметра. Местная публика, в отличие от «нижней», имела и кошелек пообъемнее, и вкусы повозвышенней, стремящиеся за модными трендами задаваемыми «верхами». В результате, на всей этой благодатной почве творческое эго Пирожка расцвело столь буйным цветом, что накрыло собой все заведение. Так что, практически в обоих залах уже давно хозяйничал он.

Собственно, к большому удовольствию Джо.

3 (1)

Год, который последовал за этим событием, был в жизни Джо, наверное, самым счастливым. По крайней мере, многие десятилетия он считал именно так. И даже непримиримость родителей Люси к их браку к концу того года сошла на нет. Хотя они и боялись, но их дочь, выйдя замуж за столь неподходящего ей парня, до интеллектуального уровня основного населения этажа не скатилась — она, как и предполагалось ранее, поступила в экстернат университета и собиралась учиться дальше. А их нежеланный зять продолжал, конечно, заниматься не тем, чем они бы хотели, но на тот момент его номер в рейтинге ММА давно пересек сотую отметку и уверенно стремился вверх. Так что присутствовала вполне уверенная надежда, что он вытащит их дочь из этой дыры и, не имея высшего образования.

Но все это было где-то рядом — вокруг, и обходило Джо как-то по касательной. Главное, что его Люси была с ним. Ночи их проходили незабываемо, утра… часто тоже, дни, переживаемые в разлуке и насущных делах кое-как, комкались в угоду долгожданным вечерам, которые они обязательно проводили вместе. Их маленькая квартирка, в которой Джо так и жил после смерти отца, в одночасье превратилась в уютное семейное гнездышко. И, несмотря на то, что была она мала и находилась на самом нижнем этаже города, для него она казалась раем, в который он стремился и о котором мечтал.

А вот на этом месте начинались те навязчивые «если бы да кабы», которые изводили мужчину все последующие годы. И первое из них — если б он на тот момент их жизни удовлетворился этим гнездышком и не так спешил подобрать что-то другое, как тогда казалось, более достойное его девочки, то все происшедшее могло пройти по другому сценарию? Кто знает… но все произошло именно так, как произошло…

Утро понедельника было таким же, как и другие, в предшествующие ему дни — полное неги и развеивающихся сновидений, незаметно перетекающих в горячее томление, стоило только почувствовать рядом стройное, тянущееся со сна, и головокружительно ароматное после ночной любви тело. Легкое раздражение на собственные руки, которые не могут успеть за разгорающимся желанием, а потом полная эйфория от удовлетворенной жажды обладания.

Затем размеренный, скорее даже вальяжный завтрак, когда чувствуешь себя не то что бы усталым, но каким-то медлительным и сытым. Но, тем не менее, когда тонкие темные

пальцы, кажущиеся нарисованными на фоне белого покрытия стола, ставят на него чашки с кофе… изящная спина, на уровне твоих глаз, чуть прогибается, позволяя упругой груди слегка провиснуть, а крепкой попке приподняться, то внизу живота, отвергая недавнюю сытость, опять поднимается голодное желание. И даже мысленный окрик: «— Фу, сидеть!», вызванный пониманием, что если дать себе волю, то на тренировку точно опоздаешь, не приносит полного облегчения.

И приходится Джо заглатывать обжигающе горячий кофе, чтоб только не грезить, как эти легкие пальчики побегут по его груди вниз, а потом эта самая спина, в еще более глубоком прогибе, откинется прямо сюда — на белый стол, позволяя стройным ногам, взлететь ему на плечи.

Эти воспоминания, даром, что им лет шестьдесят, накрывают мужчину, как вновь — живо, остро и почти непереносимо болезненно. Он встает с дивана, достает из холодильника воду и пьет ее большими глотками, за неимением обжигающе горячей, колко ледяную, чтоб заглушить навалившиеся на него чувства. А там, в воспоминаниях, все только предстоит.

Завтрак, с горем пополам, парень заканчивает. А девушка, толи, действительно не ведая по молодости лет, что творит, толи, уже вполне осознанно играя в своем новоявленном женском коварстве, целует его на прощание жарко, крепко, вжимаясь всем телом. И он, смеясь и уже предвкушая вечер, уходит из дома.

Его что-то гложет, но молодой мужчина все списывает на предстоящую тренировку, спарринг на которой он должен будет провести не с приятелем, а с тем, с кем давно не сошелся характерами. Но тренировка проходит, а напряжение внутри груди по-прежнему с ним — оно зудит и гонит его из зала.

И именно в этот момент воспоминаний на Джо всегда наваливается очередной навязчиво болезненный вопрос: «— Могло ли все быть по-другому, устремись он сразу домой?». Возможно…

Но парень хочет удивить любимую в день годовщины их брака и, игнорируя все еще тихий голос своей интуиции, он устремляется на верхний уровень.

Агент многословен и велеречив, квартиры просторны и светлы… время бежит неумолимо, и в какой-то момент Джо понимает, что радостное возбуждение от предвкушения порадовать жену давно переродилось в нервозность от тревоги и страха. И только тогда он срывается и летит домой…

Поздно. Когда от платформы аэроэкспресса лифт обрушивается вниз, Джо осознает, что самое страшное, что могло случиться в его жизни… уже произошло. Холодный жгут

неимоверной боли перетягивает внутренности, а ноги отказываются держать его вес. Он сам еще не хочет верить в свои ощущения, но его крепкое тренированное тело вдруг отказывается жить — сердце замирает, дыхание прерывается, а в глазах темнеет. И он падает… падает…

Приходит в себя от того, что его трясут нещадно и низкий грубоватый голос, приправленный перегаром, долбит прямо по лбу:

— Давай паря, не квёлся! Чё валишься как баба, мужик же, вроде, крепкий!

Ответить Джо ничего не успевает, двери лифта открываются, и люди из него устремляются на выход, подхватывая и его, и подвыпившего спасителя.

А там, снаружи, происходит что-то ужасное — все куда-то бегут и кричат. От лифтовой площадки с высоты своего роста Джо видит беснующуюся толпу где-то в районе ларька Оливера. Слышны женский визг, испуганные причитания и громогласная отборная брань.

Джо рванул туда, напролом через бегущую навстречу толпу, уже определенно зная, что его там точно ничего хорошего не ждет.

Люди, сквозь которых он продирается, охвачены ужасом и каждый шаг дается с трудом. Вдруг он обо что-то спотыкается и, стараясь это рассмотреть, отпихивает проносящихся мимо людей. У него под ногами оказывается… ребенок. Маленький еще, наверное, дошкольник, точнее его возраст Джо, как, в общем-то, любой мужчина, не имеющий своих детей, определить не может. Но вот вид малыша приводит его в такой ужас, что на какое-то время выбивает из головы даже мысли о собственной случившейся беде. В ножке ребенка торчит… арбалетный болт… и, видимо, из-за этого малыш угодил под ноги бегущим людям. Его действительно не увидели, или не захотели? Впрочем, сейчас это было не важно — мальчик похож на поломанную куклу, весь в крови и тяжело дышит, а из его приоткрытого рта вместе с красной пеной вырываются протяжные сипы.

Но Джо знает — ему нужно двигаться дальше… туда, где на уже опустевшей площадке возле ларька лежат несколько человек. Так что он быстро подхватывает маленькое изувеченное тельце, мимоходом отпихивает какого-то прущего на них мужика, и, стараясь локтями не допускать соприкосновения с другими людьми, продолжает свой путь. Но, в общем-то, волна паникующего народа уже схлынула и теперь, когда стало понятно, что то, что ее вызвало — уже закончилось, люди начинают тянуться обратно.

Но к тому месту, где прямо на тротуаре неподвижно лежат люди, никто близко так и не подходит. А вот Джо, не замечая никого вокруг, ступает на это открытое пространство.

Какой-то мужчина, уткнувшись лицом в плитку, как будто его подрубили в поясе, лежит, неловко подвернув ноги. Какая-то женщина откинулась на спину и разбросала широко руки, словно желая обнять небо, а ее остановившийся взгляд считает невидимые отсюда облака. Парнишка, еще моложе его, Джо, поджав ноги к самой груди, скавчит, как побитая собака на ринге, и возле него уже склоняется какая-то женщина. Прямо с краю открытого пространства двое подростков, почти детей, стоят, застыв в нелепых позах, а крепкие здоровые мужчины, заломив им руки, при этом тихо, но крайне зло, ругаются. Возле ног их еще один мальчик — острые коленки торчат над тротуаром, рука вывернута, и кровь из лопоухого уха стекает по бледной щеке.

Джо шел туда, куда несли его ноги — к самому ларьку Оливера, а глаза тем временем не желали смотреть по ходу движения, цепляясь за все окружающее и высматривая мельчайшие подробности. Но шагов через двадцать его путь завершился и хочешь не хочешь, смотреть на то, что оказалось у него под ногами — пришлось.

К стенке ларька, прижавшись спиной, сидела Мари — старшая из сестер Боис и лучшая подруга его жены. Она не плакала, а просто коротко вздрагивала, как будто пыталась вздохнуть и каждый раз воздуха ей не хватало. На своих коленях девушка держала голову Люси и поглаживала ее волосы. Глаза лежащей молодой женщины были прикрыты и на губах застыла полуулыбка, руки расслаблено вытянулись вдоль тела, а ноги, слегка согнутые в коленях, пристроились на земле в столь уютной позе, словно расположилась она на мягкой постели.

В первый момент, когда Джо увидел жену, его посетила мысль о том, что она просто спит. Да, в неподходящем месте, да, так не спят — на тротуаре, посреди толпы, используя колени подруги вместо подушки. Но, именно с такой мягкой улыбкой, и не далее, как сегодня, он спросонья увидел ее подле себя. И уж кому, как не ему знать, как спит его Люси!

Джо опустился возле девушек на колени. Аккуратно, но уже мимоходом — не глядя, положил рядом с собой на землю тельце раненого малыша. Оторвал взгляд от умиротворенного лица жены и посмотрел на Мари. Та в ответ подняла на него полные ужаса глаза и тихо протяжно завыла. Впрочем, слова, что она пыталась произносить разъезжающимися губами, Джо слышал отчетливо… но вот осознавал ли?

— Я ей глаза закрыла сама-а-а… прости-и-и… она сразу-у-у…

я это поняла-а-а… — меж тем, девушка стала вытаскивать из-под головы Люси ладонь и невзначай повернула ее лицо так, что стало видно, что в виске, которым та лежала на коленях … торчит арбалетный болт.

А уже через минуту сирены скорых и префектов перекрыли все звуки, а сами массивные машины заполнили собою всю узкую улицу. Народ, высыпавший из аэромобов лавиной, был активен и деловит. Любопытных разогнали, лежащих на тротуаре людей переложили на носилки и увезли, нескладных подростков отобрали у ругающихся мужиков и упрятали в аэрозак. Джо наблюдал за всем этим как-то отрешенно, не поднимаясь с коленей. После отключения сирен в голове наступила оглушительная тишина и такая же ошеломляющая пустота. Все окружающее выглядело как в кино, которое тебя не интересует. Да, в какой-то момент он вроде очнулся, когда его руки стали отрывать от жены, но стоило превозмочь его усилия, а ее скрыть с его глаз, упрятав тело в мешок, как он опять успокоился. И уже не возражал, когда его подняли и тоже куда-то повели.

Потом… да, что-то же было потом…

Джо, сегодняшний Джо, тяжело поднялся с дивана и, шаркая ногами, опять отправился к холодильнику за очередной бутылкой ледяной воды. В этом месте воспоминаний всегда было по-особенному тяжело и мысли как-то стопорились, не пуская память дальше.

Но, конечно же, оно было это «дальше», правда, застревало где-то в тумане и какой-то вязкой каше.

Урывками вспоминались префекты и врачи, первые пытались что-то вызнать, вторые наоборот, донести до него. Были родители Люси, которые не подходили к нему, а он не стремился приближаться к ним. Был Оливер и сестры, все как одна с такими опухшими красными лицами, что и веснушек видно не было. Был Серж Косой Кот — его менеджер, и Арчи Золотой Лев — лучший друг оттуда, где друзей вроде и не заводят, то есть с ринга.

Вслед за последними двумя пришла боль — сильная, всепоглощающая… потрясающая, дающая надежду, что все наконец-то закончиться и его отпустят к Люси.

Но нет. Были врачи.

И вот только после них, как потом окажется спустя почти месяц после произошедшего, все более или менее начинает помниться гладко. Как он, сидя на больничной койке, дает клятвенное обещание маме Мелли, что постарается пожить дальше. Как Оливер, постоянно заглядывая ему в глаза и отслеживая его реакцию, рассказывает, как все случилось в действительности: что мальчишки, которых за неимением денег

не пустили в игровой салон, где-то раздобыли автоматические арбалеты и вышли «поиграть» на улицу. У подростков было по шесть болтов на троих… итого: убитых четверо, раненых семеро, три явных промаха и одного их парней успели остановить. Да, убили… не рассчитал мужик с пьяных глаз, когда смог со спины к парням подобраться. Остальных двоих в психушке заперли — там, по ходу, с головой совсем не порядок! Они, похоже, даже не поняли, что сотворили…

Почувствовал ли он удовлетворение от того, что мальчишки понесли достойное наказание? Да вот как-то нет… жалость была, недоумение в начале и злость потом, но не на них, а на тех, кто подтолкнул, кто мозги детям набекрень поставил!

Позже, когда совсем пришел в себя, окунулся в эту проблему с головой. Да так, что однажды чуть карьерой не поплатился. Активистом движения «Против игры» стал, благо мордой по тем временам больно узнаваем был. Они тогда — ух, какой силищей были! Даже закон продвинули а Совет, который запретил полное погружение в вирт раньше шестнадцати лет.

Да, было время! Но потом, спустя лет пять, активность движения сошла на нет, одна болтовня осталась и пафосные призывы, да смутное подозрение, что все уже разыграно. Впрочем, позже и подозрение это нашло свое подтверждение — пара активистов вдруг должности высокие на своих производствах получили, еще у одного выигрыш в лотерею с какой-то неземной суммой случился, а еще пяток… канули в неизвестность. Куда пропали? А кто знает. Толи на дальние базы завербовались, толи из дела так категорично выйти решились, а возможно… что и помогли им уйти совсем.

Сам Джо тогда был на пике карьеры — в пятерке лидеров ММА числился, с членами Совета за ручку здоровался и на их частных виллах за куполом гостевал. Так что его, лицо медийное, трогать толи не стали, толи не смогли достать. Да, в общем-то, не очень и старались, как сам он об этом рассуждал. Но вот, не будь дураком, Джо из той компании тогда же и отчалил.

Но дело это — противостояние игровому монстру о́Грэди, так и не оставил. Затаился сначала, а потом как-то само собой сложилось, что компания единомышленников подобралась и Рафа в вирте Базилька отыскал.

А вот теперь и получается, что все это, конечно, печально… но очень символично. Что спустя почти шестьдесят лет после гибели Люси нашлась девочка, чем-то очень похожая на нее, чтоб он имел возможность отомстить. Но ничего удивительного не было и в том, что молодая соседка из простого средства достижения цели, давно уж стала для него близким человеком.

Вот только теперь, когда все стронулось с места, когда игра началась, а ставки в ней высоки настолько, что и помыслить сложно, у Джо за девочку болело сердце. И вместо того, что бы потирать руки и просчитывать, как отреагирует противник на их драфтового игрока, он, как самый настоящий любящий дядюшка, не мог уснуть, накручивая себя.

Он, в общем-то, и не стал бы все это начинать — боролись же они с Ксандером столько лет, пусть и с переменным успехом, но, ведь, вполне действенно.

3 (2)

Но, в том-то и дело, теперь полумеры не годились, надо было идти ва-банк — не далее, как месяц назад, Бэзил нашел-таки информацию по потерянной планете! Она действительно существует, и ее продолжают осваивать втайне от всего населения Земли. Хотя когда-то переселение на нее считалось главным решением проблем с надвигающейся экологической катастрофой, а постройка городов-монолитов только промежуточным вариантом, пока не будут проведены все подготовительные работы к массовой эвакуации.

В то время каждый человек был в курсе происходящего, все новостные программы начинались с отчетов и репортажей из штаба по освоению Новой Земли, и любая информация по этой теме была в свободном доступе.

В какое время произошел сбой, когда данные по этому вопросу стали «затираться», а потом и вовсе пропали с первых полос информагентств, Джо уже особенно не интересовался. Важным было то, что на сегодняшний день никто ничего не знал и даже не слышал об этом. А исходная информация, на которую они случайно наткнулись в сети, носила вид какой-то легенды и была отрывочной.

Но Бэзил действительно был гением, хоть и чокнутым, как небезосновательно полагал Оливер, которому в основном и доставалось его «пасти», чтоб случайно не помер от голода, холода, вшей, или еще какой напасти, которая могла случиться с ним по причине его полной жизненной неприспособленности. Так вот, он откопал всю старую инфу по планете, плюс кое-что важное по данной теме, происходящее в последнее время.

То, что в этом деле замешен Совет и идиоту было понятно, настолько тщательно все было шито-крыто. А вот присутствие в этой компании «Игровых систем», разработчика игр и основного владельца игрового пространства, у многих долго вызывало сомнение.

Впрочем, не у Джо. Он уже давно подозревал о совместных махинациях Ксандера с Советом. Разве без одобрения и поддержки властьимущих смог бы о'Грэди так развернуться?

И вот теперь нашлись прямые доказательства их близкого сотрудничества. И пусть сам Ксандер уже несколько лет, как мертв, но «рожденный» им спрут, запустил свои щупальца в каждый дом, в каждую семью, подобрался фактически к каждому человеку, независимо от его благосостояния, социального статуса и интересов.

Только немногие из людей, живущих в современном мире, не принимали это всеобщее стремление, как можно чаще находиться в вирте. Большинство же жило этим. Кто-то подкапливал денежек к отпуску и уходил в игру сразу дней на десять, кто-то предпочитал бывать в выходные, а некоторые забегали в салон на часик каждый день по дороге с работы домой. Тем более что время в вирте было совершенно несопоставимо с реальным. Кино, спортивные соревнования, клубы, кафе… да, все это посещалось, но было так — повседневной заменой, оттяжкой временидо главного.

В общем-то, Джо давно догадывался, что интерес к игре и желание погружаться, как можно чаще в тот мир, подогреваются искусственно. И думалось, что все дело, как всегда, в деньгах!

Но теперь! Каков размах — утаить целую планету! Нужно было раньше догадаться, что у этой сраной парочки, Совета и Ксандеровских систем, имеются общие интересы. И складывать два и два нужно было еще тогда, когда стало понятно, что внимание людей планомерно и целенаправленно отвлекается от того, что земли за пределами городов становятся все более пригодными для жизни. Когда кредиты, именно на покупку тура в игру, стали невероятно заманчивыми по условиям. Когда префектуры получили указания приглядывать за теми, кто там не бывает.

Сколько Джо вот так пролежал, ворочаясь и кряхтя, на общественном диване? Да, наверное, с час. Мысли наваливались и отступали, заставляя перемалывать события и последних дней, и давно ушедших в небытие десятилетий. Уснуть так и не удалось, так что когда в дверь настойчиво постучали, он, вроде, был уже и рад этому:

— Да?! Кто там? Заходи!

Но, вопреки его разрешению, заходить никто не стал — в чуть приоткрытую щель голову просунул один из официантов и торопливо проговорил:

— Господин Харман, в ресторан прибыла охрана гостей, что сняли на этот вечер зал. Требуют вашего присутствия. Господин Боис — уже там, — видно всего запала смелости у мальчишки только на то и хватило, что бы громко постучать, поэтому скороговоркой выдав то, что было необходимо, он тут же захлопнул дверь и, судя по удаляющимся шагам, быстро утрепал восвояси.

Ну, раз надо — значит надо, Джо поднялся с дивана и подошел к зеркалу. Пока он расправлял и одергивал помятую одежду, завязывал в хвост брейды, в голове кружилась, и уже не

первый раз, одна мысль:

«— Почему персонал их заведения его побаивается? Он на них не орет, как тот же Пирожок. За мелкие проколы по всему заведению не гоняет. Да он вообще почти к ним не обращается! Все из-за его размеров что ли, или его старые „успехи“ до сих пор на молодежь страх нагоняют?» — в очередной раз так ни до чего и не додумавшись, он мысленно махнул рукой на эту проблему и двинул в зал.

Уже выходя в основной коридор, который, по сути, был главной артерией их заведения и соединял между собой все помещения, включая и выход на Вторую линию, он увидел двух амбалов в черном, замерших перед дверями ресторана.

«— Это ж сколько они народу для охраны притащили, если только здесь двое? Это что за гости такие?» — промелькнула настораживающая и поэтому неприятная мысль. Вспомнилось не вполне хорошее интуитивное предупреждение, что пришло к нему в тот момент, когда Оливер сообщил об этих гостях. А когда его без вопросов пропустили, он еще больше заволновался — раз его знают, значит проверяли.

Зайдя в зал, Джо чуть не наткнулся на Оливера, который в образе Наполеона — подбородок вздернут, руки сцеплены за спиной, объемный живот — вперед, прищуренным глазом, следил за тремя личностями в черном, которые с какой-то аппаратурой в руках ходили по помещению.

— Что, все так серьезно?

— Более чем… — тихо, сквозь зубы ответил Пирожок: — Еще двое на улице перед входом и трое по кухне шуршат!

А вот это было действительно серьезно. К этому моменту Джо уже успел определить настроение приятеля — на грани бешенства. Кстати, совершенно не свойственное ему состояние. Но причина для подобного настроения была очевидна, что б в святая святых — в его кухне, кто-то что-то да без его личного присутствия?!.. Как бы теперь эти высокие и не в меру самоуверенные гости какого-нибудь слабительного в свои деликатесы не заполучили. М-да… Шутка, конечно. Но вот ему — Джо, следует быть повнимательнее и руку на пульсе беседы держать покрепче.

А в этот момент, видимо услышав их разговор, один из людей, тот который стоял к ним спиной и пристально разглядывал маленькую камеру в дальнем верхнем углу, мягким плавным движением развернулся и направился к ним.

Да… двигался этот тип по проходу между столами с грацией хищной кошки, готовой в любой момент к прыжку. И в элегантном интерьере ресторана, с его светлыми скатертями,

столь дорогими живыми цветами и теплым расслабляющим ненавязчивым светом, этот зверь, вышедший на охоту, был неуместен! Джо наблюдал за ним, и настороженность, посетившая его, когда он увидел охранников в коридоре, перерождалась в уверенность, что действительно происходит что-то по-настоящему нехорошее. Этот человек ему не нравился. И очень!

Оторвав внимание от завораживающе-гибких движений этого типа, Джо поднял взгляд к его лицу. В первый момент бросилось в глаза то, что оно было молодым, с правильными и весьма приятными чертами. В полном диссонансе с ним оказывалась прическа, которой в принципе-то и не было, так как волосы оказались пострижены очень коротко, настолько, что даже толком было не понятно какого они цвета, так, только намек, что, вроде бы, темные.

А потом они встретились глазами…

В ту же секунду Джо потерял слух, способность говорить, и даже, кажется дышать… от страха! И это был не тот страх, когда человек боится чего-то или кого-то конкретно. Это был страх-жуть — неподвластный разуму и осознанию, живущий в каждом из нас с начала времен, доставшийся нам от первобытного предка, который забивается в какую-нибудь дыру, готовый умереть, все лишь слыша вой ветра в скалах и не понимая природы происходящего.

Вот и Джо не понимал, что происходит. Он, проведший многие годы на ринге, участвовавший в схватках и с несколькими противниками, и с хищными животными, он, с его ростом, природной мощью и боевыми навыками, встречавший в своей жизни достойных соперников очень и очень не часто, теперь испугался мальчишку на пол головы ниже себя, и вполовину хлипче?! Волевым порывом, выдернув себя из непонятного и чуждого ему состояния, Джо попытался рассуждать логически и разобраться, что же все-таки происходит, и еще раз встретиться глазами с гостем.

Будучи уже готовым к той реакции, что оказывал на него этот странный человек, Джо сосредоточился. Сами глаза незнакомца, светло-карие, с длинными черными ресницами, красивой миндалевидной формы, могли бы быть лучшим украшением его молодого симпатичного лица, но вот взгляд… он одновременно и притягивал, завораживая, и давил, припечатывая холодной жесткой тяжестью. В нем виделся всеобъемлющий жизненный опыт, но не тот, который дается мудростью и пониманием, а пропитанный расчетливостью, презрением и безжалостностью ко всему окружающему.

Джо был в недоумении: все, о чем ему говорил его

собственный почти столетний опыт и знание людей, никак не вязалось с тем, что он сейчас видел. Если рассуждать логически, как он и собирался, то человек, имеющий такой взгляд, никак не может выглядеть на стандартные тридцать! Глаза с подобной тяжелой наполненностью могут принадлежать двухсотлетнему старику, не меньше, за плечами которого карьера киллера, длиною во всю его долгую жизнь. И убийца этот должен был быть настолько жесток и хитер, что к тому же ни разу не был пойман! Иначе откуда такое холодное пренебрежение ко всему и всем?

Мысли проносились в голове Джо, а опасный незнакомец тем временем пересек зал и, остановившись в нескольких шагах от них, стал что-то говорить. Но старавшийся до конца разобраться в странной ситуации Джо его просто не слышал:

«— Какую бы самую дорогущую и современнейшую омолаживающую терапию он не смог себе позволить, ему не может быть больше… ну… лет пятидесяти, максимум! Дальше, как не крути, все равно внешне человек меняется и к процедуре полной регенерации, которую обычно делают лет в сто, никто не приходит внешне моложе, чем на сорок стандартных лет. Все это очень странно, и настораживает…», — но додумать эту мысль Джо не успел, потому что слух его резанула фраза, произнесенная в этот момент опасным незнакомцем, и выдернула его из ступора, в котором он находился несколько последних минут.

— … начальник охраны компании «Игровые системы Ксандер», — видимо, решив выполнить хотя бы минимум положенных приличием норм в общении, представился незнакомец.

«— О, черт! — отозвался про себя Джо, пока Пирожок представлялся сам и представлял его. — Час от часу не легче!».

А этот начальник охраны, имени его Джо не расслышал, начал говорить, голос его был холоден и тверд, а тон приказным:

— Итак, господа хозяева ресторана… — он сделал паузу, бровь его слегка вздернулась вверх, а губы сложились в надменной усмешке, — предупреждаю сразу — если вы не отключите все оборудование, — он опять сделал многозначительную паузу, — еще раз повторяю, ВСЕ оборудование, то вы можете лишиться не только техники, но и самого заведения, — а сказав это, он отвернулся от них и, начав расхаживать, продолжил отдавать распоряжения, как будто они были его подчиненными:

— Как было сказано ранее, гостей будет четверо. Столы убрать, оставив один посередине, он должен быть накрыт полностью к прибытию посетителей. Через три часа начинаем. Ровно через час, как мы сядем, подать горячее. Десерт оставить на

дополнительном столе. Никакого персонала в зале. Господин Боис, — он развернулся к ним, изобразив еще одну улыбку, совершенно не затрагивающую глаз: — меню вам передали? Продукты все имеются в наличие? Думаю не нужно уточнять, что все должно быть натуральным, никакой «синтетики»? — он выжидающе посмотрел на Оливера.

Тот, еще выше вздернув подбородок, так как был чуть не на голову ниже собеседника, твердым голосом ответил:

— Естественно! Если бы наше заведение не соответствовало вашим запросам, я думаю, вас бы здесь не было, — это эмоциональное высказывание Пирожка явно позабавило неприятного гостя. Джо успел заметить, как под презрительной и равнодушной холодностью его глаз на мгновение промелькнули легкий интерес и насмешка. И, видимо, решив еще немного позабавиться, он, уперев взгляд в выпеченный вперед животик Оливера, с нажимом произнес:

— Вы, господин Боис, как я посмотрю, в спортзал не часто заглядываете. Не боитесь конфликтовать с законом? — услышав это, Джо испугался, что его приятель сейчас стушуется и начнет лопотать что-нибудь невразумительное, и приготовился «подхватить» разговор и перевести все внимание на себя, но не тут-то было:

— Знаете ли, господин начальник охраны, — вполне уверенно и даже вызывающе бойко, преднамеренно не называя собеседника по имени, продолжил разговор Пирожок: — я человек очень занятой, поэтому не всегда у меня находится свободное время. Но, штрафы мои уплачены своевременно и полностью! Поэтому проблем с законом я не имею!

«— Опаньки! — обалдело подумал Джо: — Похоже Пирожок зол как никогда! Не далее, как пару часов назад, я его этим же вопросом „выбил из колеи“ полностью. Надо последить за приятелем будет, а то, как бы чего не натворил сгоряча».

А их оппонент, видимо не посчитав нужным или достойным себя продолжать препирательства, махнул им рукой, как какой-нибудь прислуге, и сказал:

— Все, мы закончили, можете идти.

Дождавшись, пока они повернут к подсобным помещениям, и скроются с глаз охраны, стоящей в главном коридоре, Джо сбросил с себя показную сдержанность и подхватил под руку идущего впереди приятеля, открыл первую попавшуюся дверь, и запихнул его туда. Зайдя следом, он почувствовал, как их обдало сухим холодом. Оглянувшись и обнаружив, что они стоят посреди полок со свежими овощами, он успокоился — не морозилка, хорошо, при плюс четырех можно несколько минут и потерпеть, а

стены здесь с дополнительным уплотнением — значит, их точно слышно не будет, и обратил все свое внимание на приятеля.

Ухватив того за шиворот и прижав к ближайшей полке, Джо грозно заговорил:

— Друг мой, ты что творишь? Неужели не видишь, что это за человек?

Пирожок, машинально трепыхнувшись в его руках и поняв, что это бесполезно, с не ослабевшим еще гонором завопил:

— Ты че меня схватил?! Ты не на ринге, Медведище! Лучше бы там, в ресторане, этому хаму свою силушку показывал! Там-то ты молчал, как рыба, а он нам указывал!

Джо поняв, что достучаться до приятеля сейчас будет очень трудно, решил сменить тактику и в более спокойном тоне попытаться еще раз воззвать к нему:

— Оливер, поверь мне, этот человек настолько опасен, что никакой моей «силушки» не хватит, чтоб оградить нас от неприятностей, если что… — Джо понизил голос до шепота, — и дело уже не просто в нашем ресторане, мы рискуем всеми нашими людьми, которые нам доверяют. Не вздумай чего-нибудь выкинуть! — Пирожок на это поджал губы, одернул кителёк и… сделал вид, что все понял. Именно, что сделал вид!

— Иди, позаботься об оборудовании, а мне надо на кухню. У меня мало времени, — спокойным, как и не возмущался только что, голосом, сказал он и, развернувшись, вышел из рефрижератора.

Покидая холодильную камеру следом за ним, Джо мучился вопросом, что же все-таки задумал приятель? Он ни на минуту не обманулся его послушным и степенным видом, уж больно резок был переход от распаленных гневом эмоций к полному спокойствию в поведении Оливера.

Глава 4
Даниэль

4 (0)

Маленький, полностью законченный остров состоял практически из одних скалистых образований, и только тонкая полоска пляжа позволит в дальнейшем подступиться к нему с воды. Здесь, в изрытых пещерами горах, Даниель устроил для себя «личное пространство», что-то вроде кабинета. В будущем, в каменных лабиринтах будут скрыты клады, поселены ужасные чудовища, в прибрежных пещерах пираты станут хранить награбленное. А пока в одном из просторных помещений он создал обстановку по своему желанию, где уже скопилось множество вещей, в принципе не нужных ему, но «греющих душу».

Посреди комнаты, заполненной разномастными, присмотренными по локациям и воссозданными предметами, стояло удобное кресло, позволяющее с комфортом расположиться на нем. Что Даниэль и сделал. Сразу же засветился интерфейс, зависший перед ним в воздухе. Тот, который был ему выдан в Храме, он предусмотрительно всегда снимал с головы на входе в свое убежище. Он не был уверен, но подозревал, что через шлем его могут не только отслеживать, но и считывать образы в его голове, а то, чем он здесь занимался, явно не понравилось бы Мастерам и тем, кто стоял за ними в реале.

Даниэль улыбнулся, вспоминая, как будучи еще Младшим Братом, обнаружил паутину инета. В первый раз это, конечно же, получилось случайно.

Однажды, когда кто-то из наставников вдалбливал в него очередные положенные навыки, в собственной ограниченности уверенный, что ученик его плохо понимает, утомленный бесконечными повторениями одного и того же Даниэль, чтоб не раздражаться, слегка прикрыл глаза и расфокусировал взгляд, пытаясь абстрагироваться от ненавистной рожи маячившей перед ним. И тут, сбоку на границе зрения, он уловил красное свечение.

В следующий раз, когда он остался один, выполняя какое-то задание, решил рассмотреть в деталях заинтересовавшее его явление. На паутину, ловчую сеть паука, как назвали структуру передачи данных и общения в вирте еще в те времена, когда не была открыта возможность «входа» в него, свечение было не совсем похоже. Скорее, на бесконечное множество переплетающихся нитей всех оттенков красного цвета — от бледно-оранжевого почти кремового, до насыщенно-бордового. Особо тугие клубки, как он узнал позже, образовывались часто посещаемыми сайтами, блогами, форумами, простыми сетевыми

играми.

Сначала Даниэль пытался разглядеть эти нити, то приближаясь глазами чуть не вплотную к ним, то, наоборот, отодвигаясь и приглядываясь к ним боковым зрением. Потом он понял, что «нити» и «клубки» являются чисто визуальным эффектом, а на самом деле это след информационной частицы, движущейся с невообразимой скоростью. Так что, ему пришлось еще потрудиться и подумать, прежде чем догадаться, что он тоже как бы цифровое создание и ему всего лишь стоит «пропустить через себя» такую нить, что бы считать информацию с нее. И, как следствие — понять принцип работы личного интерфейса. Как он тогда догадался создать собственный, а не использовать тот, что выдали в Храме?! Даниэль по сей день не знал, что за наитие на него нашло и не позволило использовать тогда шлем, но до сих пор содрогался при мысли, что бы с ним сделали в том случае, если б открылась его осведомленность.

В первое время он следовал по «подхваченной» чужой нити, познавая неведомый ему реальный мир через чувства и восприятие другой личности. Затем нашел способ выходить в инет сам. Он выбирал интересующее его понятие или предмет, и вбирал в себя всю информацию о нем, а потом уходил в сторону по заинтересовавшей его ссылке, и дальше, и дальше… порой забредая в дебри уже ненужных и бесполезных ему, но таких интересных знаний.

Но на протяжении многих «лет», которые он потратил на изыскания, Даниэль так и не нашел даже краешка направляющей мысли, не ухватил ни разу того главного знания, которое его интересовало — кто или что он сам за перс такой, где существовал изначально, перед тем как его преобразовали.

Спустя отведенное для работы в Мире Пиратов время он перенесся в Игру, за которую отвечал, и которая числилась у него второй в плане мероприятий на эту рабочую смену. Но на самом деле, для него это был первый Мир и самый важный! Здесь находилось единственное в игровом пространстве существо, к которому он был привязан и к которому стремился.

Конечной точкой переноса, когда он отправлялся в домен Селин, всегда были красивые ажурной ковки ворота, обозначающие границу личных владений Принцессы. Переступить ее без разрешения не мог ни один Игрок, нянчивший свои амбиции в этом игровом пространстве. Конкретно эта территория не подлежала ни завоеванию, ни мирному освоению.

Пройдя через ворота, и привычно «скинув» с себя доспех и крылья, Даниель направился в замок. По этой дороге, пролегающей через сады, он всегда ходил пешком, как

обыкновенный Игрок. Да и другие свои способности старался проявлять как можно реже на этих «землях», чтоб не пугать людей из маленькой свиты Принцессы. Сейчас, конечно, они привыкли к нему, но сначала, «три года» назад, его приняли довольно настороженно и с опаской. И он это помнил.

Большая часть населения замка и его окрестностей была, как и везде в игровом пространстве, ботами. Но шесть человек, составляющих непосредственное окружение Принцессы, были, как и она, людьми в «теле» аватара.

В свое время, когда их биологические тела, изношенные болезнью или исковерканные в катастрофе, неподдающиеся лечению и восстановлению, не могли больше удерживать их души, этим людям было сделано предложение — возможность жить, но уже в другом Мире. Кто-то тогда отказался, не желая существовать «вдалеке» от близких ему людей, но те, кто по каким-то причинам не имел сильных привязанностей в той реальности или просто оказался более прагматичным, чем отказавшиеся, приняли предложение.

Три женщины — экономка, дама среднего возраста, на которой лежали обязанности «по хозяйству» в замке, и две молодые девушки, фрейлины Принцессы. Мужчины — мажордом, начальник охраны и менестрель.

Но должности эти давно стали условными — так долго они жили все вместе. С течением времени между собой у них образовались пары, и сколько романтического в их отношениях было, а сколько привычки и здравого смысла, не мог бы сказать никто. Но теперь они существовали одной семьей, как люди вынужденные долгое время жить вместе в ограниченном пространстве, в котором, в принципе, нечего делить. Разница в возрасте, которая была у них в реальной жизни, и та давно уже стала относительной, выражаясь только во внешнем виде их аватаров. Насколько Даниэль был осведомлен, вся эта маленькая компания существовала в игровом мире уже порядка двухсот лет по реальному летоисчислению, а по «местному» и того больше. Еще со времен Кубов.

Он не знал, кем была в реале сама Принцесса, кого оставила там и как оказалась здесь, но, что эти люди являются ее близкими, ее семьей на данный момент и очень дороги ей, он знал точно. Поэтому Даниэль весьма трепетно относился к их мироощущению, и старался не демонстрировать без нужды свое превосходство.

Подъездная каштановая аллея, по которой он шел, выводила к каменному мосту через канал, который омывал подножье замка. Само строение было выдержано в старофранцузском стиле и, в

общем-то, казалось небольшим, по сравнению с теми громадинами, которые наворотили некоторые Игроки в соответствии со своим представлением о величии. Не вполне симметричное смешение квадратных и круглых башен с коническими высокими крышами, большое количество флюгеров и каминных труб придавало ему вид сказочного замка. Его, местами каменная, местами кирпичная кладка, выгодно смотрелась на фоне высоких покрытых темно-зеленой растительностью гор, на склонах которых были видны черепичные крыши деревушки инебольшие водопады горной реки. Весь пейзаж в целом, конечно, выглядел не совсем по-французски, но был очень живописен.

Когда Даниэль переходил горбатый мостик, который вел в парадный двор, высокие створки дверей замка распахнулись, и в их проеме он увидел Петронеллу. Экономка Принцессы была высокой, статной, слегка дородной дамой, внешне лет сорока. При нем она всегда держалась с чувством собственного достоинства. Даниэль, видя ее, иногда задумывался, почему она за столько лет и неоднократное усовершенствование аватара не просила изменений для его внешнего вида, моложавости там, стройности. Даже если это был ее реальный облик, и изначальный договор требовал его сохранения для образа экономки, то ведь столько времени прошло…

Но мысли о внешности Петронеллы тут же вылетели у него из головы, когда он понял, что что-то случилось. Экономка, не придержав даже дверь, бросилась к нему бегом. Сегодня ни о какой величавости и собственном достоинстве и речи не шло, она бежала, подобрав высоко юбки и грузно переваливаясь.

— Господин Даниэль! Господин Даниэль! Господи, наконец-то вы пришли! — голосила она, и громкие крики гулко отдавались от каменной кладки стен замка и мощеного дворика, пугая его еще сильнее, чем непривычное поведение женщины.

В панике от всего этого и от мысли:

«— Что такого могло произойти, если в этом Мире в принципе ничего не может случиться?!» — Даниэль забыл собственные правила и перенесся к Петронелле.

— Что происходит?

Экономка, вцепившись в его руку, потащила к входу в замок и, всхлипывая, запричитала, даже не обратив внимания на его способ передвижения:

— Это Сэлли! Наша девочка! Это у нее что-то происходит! А мы не знаем… третий день уже… заперлась у себя в комнате и никого не пускает! Плачет… все время… Джером говорит, что если вы или господин Ксандер вскорости не придете, то он будет

дверь ломать!

— Ясно! — сказал Даниэль, хотя понятней ситуация для него не стала, а сбивчивый рассказ Петры только внес дополнительный сумбур в его и так напугано мечущиеся мысли.

Зная теперь, где находится Принцесса он, не слушая больше невразумительных причитаний экономки, перенесся в покои на второй этаж замка.

Все «семейство», конечно же, было в холле перед дверью в спальню Селины.

Манфред, мажордом, мужчина средних лет, осанистый и гордый, который обычно встречал Даниэля в дверях с надменным видом, по его же собственному мнению соответствовавшим исполняемой должности, теперь, понурив голову, сидел в кресле, безвольно уронив руки на колени. Две девушки были у двери в покои Принцессы. Светленькая Мари всхлипывала и нервно теребила в руках носовой платок. А черноволосая Аманда, более решительная из них двоих, приложив ухо к двери, рукой потихоньку скреблась в нее и приговаривала:

— Сэлл, открой, ну открой дверь! — а подождав чуть-чуть и не услышав ответа, тянула снова: — Сэлл, пожалуйста, открой!

Ее пара, Джером, тот самый, что грозился сломать дверь, стоял тут же, а от его обычного вида бравого офицера не осталось и следа — усы повисли, в глазах недоуменная растерянность человека, который впервые не может справиться с создавшейся ситуацией. Тибо, менестрель с внешностью семнадцатилетнего мальчика, сидел прямо на полу посреди холла, лицом к закрытой двери и спиной к возникшему в противоположном проеме Даниэлю. Но, даже не видя его хорошенькой мордашки, можно было догадаться, что всеобщее напряженно-тоскливое настроение распространяется и на него, и ожидать на той мордахе обычной открытой улыбки не приходиться.

Только успел Даниэль разглядеть всех участников этой горестной компании, как его заметили. И все разом заговорили, заплакали, запричитали, взывая к нему. Сразу и не понять, кто и что из них делал и говорил — такая сумятица поднялась в холле! И только когда в комнату вбежала запыхавшаяся после подъема по лестнице Петронелла, все стали понемногу успокаиваться. «Всеобщая мама» одной рукой приложила голову нежной Мари к своей объемной груди, другой, успокаивающе погладила по щеке Аманду. Мужчин она, кого по руке потрепала, кому обнадеживающе кивнула. Мягко приструнив разволновавшееся «семейство», тихо сказала Даниэлю:

— Идите к ней господин. Может хоть с вами она поговорит.

Кивнув, он подошел к двери и постучал:

— Селина, это я, Даниэль, — чуть подождав, добавил: — я захожу, — и больше не ожидая ответа, прошел сквозь двери.

Его Принцесса, да, в этой комнате он мог позволить себе так о ней думать, лежала в постели, завернувшись в покрывало. Все, что увидел Даниэль среди разворошенных простыней и подушек — это несколько прядей темных волос и лоскут какого-то яркого одеяния. Подойдя к кровати, он молча присел на край. Из беспорядочного вороха шелка и кружев послышались всхлипы. Также, не произнося ни слова, он потянулся и погладил обтянутое блестящим атласом, и от этого казавшееся еще более острым и худеньким в своей беззащитности, плечико, ожидая, что она сама обратиться к нему, когда будет готова.

Так и случилось спустя несколько «минут». Порывисто поднявшись с кровати и безуспешно попытавшись пригладить взъерошенные волосы, Селина уселась перед ним. Причем так близко, что растрепанные пряди коснулись его лица. Заглянув в синие глаза, которые оказались прямо перед его, Даниэль увидел там злость. Море злости! Но как-то сразу он понял, что она направлена не на него. А еще злость была приправлена тоской и разочарованием, а вот им был нужен он — его понимание и забота.

— Ты знал, кто я для него? — спросила Селина, и во взгляде ее теперь нервно запульсировало напряженное ожидание.

— Для кого? Кого ты имеешь в виду? — заданный ему Сэл вопрос, не только не приблизил Даниэля к пониманию сложившейся ситуации, но и еще больше озадачил его.

— Вашего драгоценного Мастера — Создателя! — злость и напряжение девушки видимо были так сильны, что последнюю фразу она просто с силой пропихнула сквозь стиснутые зубы.

— Нет, не знаю, — как можно спокойнее произнес Даниэль, пытаясь хотя бы своим тоном немного притушить ее раздражение. — Никто в Храме, ни Создатель, ни Наставники не посчитали нужным меня просветить, когда отправляли сюда в первый раз. Мне объяснили обязанности и все. Главной моей задачей является твое благополучие. А заодно, я несу ответственность и за весь домен. Ты же знаешь. И ты так же помнишь, я надеюсь, что сама мне ничего не рассказывала о своей жизни, ни в реале, ни о первых годах здесь, а я не спрашивал.

— Почему? Тебе все равно, что было со мной? Я потому и не рассказывала, что ты не спрашивал, — с этими словами злость ушла и из ее глаз, и из голоса, теперь в них отражалась только тоска.

— Нет, что ты! — постарался успокоить ее Даниэль, боясь

этой тоски больше, чем гнева. — Сначала, в первое время, это было недопустимо — ты была Принцессой, которой прислали новую прислугу…

— Неправда! Я никогда не относилась к тебе, как к слуге! — не дала ему закончить фразу Сэлл.

— Согласен, — улыбнулся в ответ Даниэль, радуясь уже тому, что она так ярко отреагировала на что-то еще помимо своего, так до сих пор и неизвестного ему несчастья. — Но суть ситуации была именно такой, и расспрашивать тебя, о чем либо, мне было не по рангу. А потом, когда мы ближе познакомились, и наши отношения приобрели другой, более доверительный характер, я не спрашивал потому, что не хотел тебя расстраивать, лишний раз беспокоить, а может быть и ранить. Я же не знал, да и сейчас не знаю, что было, и какие воспоминания это бы за собой повлекло. А ты, еще раз напоминаю, сама на эту тему не заговаривала.

— Да. Понимаю. Прости. Просто это так давно не является моей жизнью… я «годами» не вспоминаю о том времени. Это и понятно. Там, в реале, мое время ограничилось двадцатью годами, а в этом мире я живу уже более ста пятидесяти! И это по реальному времяисчислению. А здешнее его течение воспринимается гораздо объемней, ты знаешь…

Произнесены эти слова были уже и не гневным, и даже не жалостливым тоном, а каким-то отстраненным, как будто девушка, проговаривая их по инерции, думала уже совсем о другом.

Как оказалось, так оно и было — задумчиво помолчав пару «минут», Селена резким стремительным движением поднялась и, глядя на него теперь сверху вниз, произнесла совершенно неожидаемую по смыслу фразу:

— Он мой отец. В смысле, настоящий биологический отец.

4 (1)

Даниэль замер, в голове в одно мгновение все смешалась в какую-то кашу. В следующую «секунду» его посетила нелепейшая мысль — как, интересно, со стороны в этот момент выглядит его лицо, созданное в лучших традициях мужественной красоты, с выпученными глазами и открытым ртом… и не смог.

Сэлл, в своем нервозно-напряженном настроении, вообще не заметила его состояния, и даже не хихикнув ни разу, что не преминула бы сделать в обычное время, глядя на подобное выражение его лица, ждала более осмысленной реакции на свои слова:

— Ну?! Дэн, ты вообще понимаешь, о чем я говорю? — совершенно точно определила она его состояние.

— Сэлли, я, конечно, всегда знал, что ты ему очень дорога. Но вот почему? Все это… биологическое по своей сути, настолько далеко от меня и чуждо для моего восприятия, что я даже не задумывался никогда на подобные темы. И я, конечно, знаю, кто такой отец… но теоретическое знание и осознание с привязкой к конкретному объекту… понимаешь ли, это разные вещи, заставляющие сознание немного… мда, подвиснуть.

— Ясно все с тобой, — сказала Селина.

В ожидании пока он придет в себя, она, сложив на груди руки, стала расхаживать по комнате. И вид при этом девушка имела довольно задумчивый. А размеренное и сосредоточенное хождение по кругу создавало впечатление, будто этот процесс в чем-то мог помочь ее раздумьям.

— До-оро-ога-а! — остановившись, вдруг протянула она, видимо передразнивая начало фразы, сказанной Даниэлем. — Я тоже привыкла думать, что дорога ему, но, как говориться, все течет, все меняется, и со временем даже отцовские чувства претерпевают изменения. Я расскажу тебе, как все было. Все, с самого начала. Может, тогда ты поймешь смысл моей злости и моего разочарования. Слушай, — судорожно и глубоко вздохнув-выдохнув, как будто приготовилась нырнуть в холодную воду, Селина начала свой рассказ:

— Ну…начну я пожалуй со своего отца, чтоб ты понял каким он был человеком там, в реале, до того как стал всемогущим Мастером-Создателем этого Мира. У меня есть подозрение, что по настоящему он в жизни любил только себя, а все остальные чувства, которые он испытывал, и которые принято называть любовью, к женщине там, к ребенку, были обусловлены всего лишь элементарными инстинктами и его желаниями. К этому

мнению я пришла после долгих раздумий и сопоставлений известных мне фактов из его жизни. Он всегда был немного… странным, погруженным в себя человеком. Нянчился с каждой свой идеей, даже в ущерб отношениям с близкими людьми и важным повседневным делам. И он всегда добивался своего, даже там, где, казалось бы, достижение поставленной задачи в принципе было невозможно! Я думаю, он обладает… ну, гипнозом, что ли, умением внушать людям свои мысли, навязывать свою волю. Вот, например, моя мать. Она была потрясающе красива. Говорят, я на нее немного похожа, глаза там, нос, овал лица. Но не волосы… вместо моих, темно-русых, представь золотые локоны, — Сэл усмехнулась и как бы про себя очень тихо произнесла:

— Вот только их, эти ее золотые волосы я и помню… — затем, чуть помолчав, продолжила уже обычным голосом:

— К тому же она была из очень состоятельной семьи с верхнего уровня, а отец в те времена жил на нижнем. Где уж они умудрились встретиться, я не знаю. Но, ты пойми главное — все, что произошло потом с ними, в реале практически невозможно! — Селина всплеснула руками и снова начала свое движение по кругу, видимо, пытаясь успокоится и, подбирая слова для дальнейшего рассказа.

— Да, это невозможно, что бы красавица из высшего общества, к тому же я знаю, что она была не милой и доброй, а взбалмошной и капризной, ушла из семьи к не очень-то привлекательному внешне мужчине с нижнего уровня! Но вопреки всем законам общественного мнения, и даже здравого смысла, он ее заполучил. Вот! Это первая странность в жизни отца. Следующая странность — в его стремительной карьере. Ты, наверное, не знаешь, но люди десятилетия своей жизни кладут, что бы чего-то добиться. И только самые талантливые из них, самые трудолюбивые, самые упорные в результате могут позволить себе переселиться на более высокий уровень. На один! А вот мой папаша всего за два года умудрился перебраться с низа на самый верх! При этом, будучи совершенно никому не известным программистом, он за такое краткое время стал ведущим специалистом одной из крупных корпораций, которая производила летательные аппараты — аэромобы там, межгородские лайнеры, что-то космическое. Ну, и третья странность. После такого невероятного взлета, добившись всего, чего только можно добиться в жизни, он все бросает. Скучно ему стало, что ли? И ставит перед собой, казалось бы, совсем невыполнимую задачу. Но и ее он выполняет. До его открытия, все общение, сбор, хранение информации в инете шло через

комп, то есть через посредника, а отец нашел возможность выводить сознание напрямую в вирт, притом полностью сохраняя личность входящего, — немного помолчав, Сэл добавила:

— Да, могу еще назвать одну странность, правда, по сравнению с предыдущей гениальной, эта кажется незначительной, но мы, в какой бы дыре не жили, никогда особо не нуждались в деньгах. Хотя отец, как уволился из судостроительной корпорации, нигде больше не работал. Ну, все, хватит о нем. Теперь о моем коротком пребывании в той жизни, — и, посмотрев на Даниэля, как будто пытаясь понять все ли ему ясно из рассказанного ею, продолжила дальше:

— Родилась я на одной из улиц среднего уровня, но это время почти не помню. Мои первые более-менее осмысленные воспоминания начинаются лет с четырех, а тогда уже мы жили на самом верху. Помню просторные комнаты, по которым я бегала, с большим количеством мягкой мебели. Уж не знаю, конечно, сколько ее там было на самом деле, но пружинистую поверхность, чтобы попрыгать, я находила везде. Родителей в той обстановке я почти и не запомнила. Отец редко бывал дома, он тогда, как раз, работал на корпорацию. Мама… ее тоже не было рядом, занятие, которому предавалась она, называлось — светской жизнью. Что это такое и, чем она занималась конкретно, я так и не поняла. Но почти все свое время я проводила с няней и ждала родителей, редкое общение с которыми всегда превращалось в праздник — много игрушек и сладостей. Но эта наша жизнь длилась не долго. Уже к моим семи годам мы с отцом оказались одни, мама нас бросила после того, как папа оставил престижную и хорошо оплачиваемую работу ради собственного проекта. И не было ни скандалов, ни шумного выяснения отношений — он ее просто отпустил, она тогда уже стала ему не интересна. У него на тот момент были совсем другие приоритеты.

В результате мы оказались на нижнем уровне, в убогой квартирке в одну комнату, где он отгородил куском пластика угол для меня. С того времени я фактически была предоставлена сама себе. Нет, конечно, отец меня по-своему любил и заботился обо мне. Пока я была маленькая, он даже выкраивал минут пятнадцать, перед тем как уложить меня спать, что бы почитать книжку или посмотреть мультики вместе, а потом обязательно целовал в лоб или щеку. И даже баловал иногда, покупая сладости или какие-нибудь приятные мелочи.

Но я росла, а он все больше погружался в свои дела, и со временем наши короткие посиделки перед сном прекратились. Отец все чаще, проверив с утра наличие еды в холодильнике и быстренько решив насущные проблемы, забивался в свою часть

комнаты к компу и больше не обращал внимания ни на что. Я уходила в школу, приходила обратно, отправлялась гулять, ела, читала, ложилась спать — он не обращал внимания. До сих пор помню его пустой взгляд, если я не успевала решить с утра какие-то возникшие у меня проблемы, вклинившись где-то между счетами на воду и набором заказа еды в супермаркете, а обращалась к нему в течение дня! «— А? Что?» — все, что я слышала от него, притом сопровождалось это хлопаньем глаз, будто только что проснувшегося или тяжелобольного человека, — на этих словах Селина всхлипнула и порывисто провела ладонями по щекам, вытирая пробежавшие слезы.

Видимо утверждение, что все эти события происходили давно и уже не очень-то ее волнуют, было не совсем верным. Но пересилив себя, она продолжила свой рассказ:

— Мне еще повезло. Моя компания на улице, в которую я попала, когда мы переехали, состояла из ребят, мечтающих вырваться с нижнего уровня. И мы, по крайней мере, неплохо учились. У нас не принято было грубо выражаться и увлекаться выпивкой или наркотой, как в других уличных компаниях. Где-то в это время… нет, чуть раньше, в нашем доме стали появляться папины друзья. Я помню их лет с десяти. Сначала они мне жутко мешали. Я, к тому моменту, уже не была маленьким ребенком, и в наличии имелся полный комплект качеств положенным мировоззрению подростка — мнительность, раздражительность, комплексы неполноценности. И два чужих мужика, которые прижились в нашей единственной комнате, меня, естественно, просто бесили. Мне неловко было ходить мимо них в туалетный отсек, зная, что мое журчание будет слышно. Спать ложилась в самой закрытой пижаме, страшась, что когда усну, высуну из-под одеяла голые руки или ноги. Да даже переодеваясь, мостилась так, чтоб меня точно не было видно из-за пластиковой перегородки, и залезала на стол, который стоял в самом углу моего закутка! — после этих слов девушка невесело рассмеялась.

— Впрочем, со временем я привыкла к ним, причем настолько, что перестала обращать на них какое-либо внимание, тем более что и вели они себя так же, как и отец. Просто стала воспринимать их — как три приставки к компу. Один из них, правда, симпатичный такой был, подвижный, всегда возился с какими-то детальками, кажется, его звали Эндрю. Он, видимо, жалел меня. Я слышала несколько раз, как он потихоньку выговаривает отцу, что тот не интересуется моей учебой. Да, еще когда я была помладше, он роботов движущихся из всего подряд для меня собирал. Второго, Джеда, я, пока не перестала обращать на них внимание, боялась, хотя ничего плохого он мне не делал,

и даже не разговаривал толком со мной. Но у него были настолько жуткие черные глаза, а их взгляд холодный и колючий, что они даже снились мне в кошмарах. Да и лицо у него было… — Селина подняла ладони и резко поводила ими вдоль своих щек и лба, пытаясь, видимо, показать каким оно было:

— Как будто рубленое — резкими углами. А сам он был очень крупный, хоть ростом и не выше отца, но такой… квадратный, с толстой шеей, с мощными плечами. Этот Джед бывал у нас чуть реже того первого, иногда приходил с синяками и ссадинами. За компом сидел мало, чаще к нему что-то прикрепляли, какие-то пластины и проводки. И в своем полудетском воображении его чертами я наделяла монстра Франкенштейна, про которого тогда читала, — глубоко вздохнув, и как бы переключившись с одной мысли на другую, девушка продолжила:

— Вот таким было мое детство, а в восемнадцать я влюбилась. На тот момент я окончила школу, и поступила в экстернат универа, собственно, как и вся наша компания. Мы были воодушевлены первыми успехами во «взрослой» жизни, строили планы. Вот в такое радостное для нас время к нам в компанию попал новенький мальчик. И живя на позитиве тех дней я, конечно же, не могла в него не влюбиться. Не буду рассказывать тебе подробно о дальнейших двух годах, скажу только, что возлюбленный мой, — Сэлл досадливо усмехнулась, — оказался полным уродом! Но это я сейчас так говорю, а тогда просто… умирала изо дня в день, мучаясь сначала, от горячей любви к нему, затем от ревности, а потом от злости и разочарования. Я до сих пор не могу понять, как человек говорящий о любви, может так поступать! — при этих словах в голос девушки опять вернулась злость.

— За то время, что мы были вместе, он трахнул, наверное, каждую девчонку, которая ему не отказала, и в нашей компании и со стороны. А я, дурочка, изводила себя придирками, что это во мне что-то не так, что это я делаю что-то неправильно… — злость в тоне опять преобразилась в грусть, видно в воспоминаниях Сэлл сейчас жалела ту себя — молоденькую, глупую и беззаветно влюбленную.

— И вот, настал тот злосчастный день, когда он заявил мне, что устал от моих истерик и ревности и, что он бросает меня. Он, видишь ли, встретил другую, более ласковую и, конечно же, более красивую. После его ухода я почувствовала сначала слабость, потом головокружение и боль в левом плече от которой онемела рука. Я решила, что просто перенервничала и легла в постель. И вот именно с того момента я уже помню дальнейшее плохо —

звуки пробивались, как сквозь вату, зрение стало расплывчатым, а сознание медлительным. Обнаружил тогда меня Эндрю. Это я, в общем-то, помню. Но вот когда прилетела скорая, и как меня забирали в больницу — уже нет. Следующее воспоминание — это уже ночь там… последняя в реале. Как отец плачет и просит прощения, гладит и целует мне руки. А у меня не было сил ответить ему, успокоить. Я не понимала тогда, почему он винит себя. Затем опять провал и уже Джед несет меня на руках аккуратно и бережно, а я, в своем бредовом состоянии, все не могу вспомнить, почему в детстве так его боялась. А потом, наша комната. Перед глазами только потолок, видимо от слабости я даже не могла повернуть голову. Меня положили прямо на пол, и я увидела склоненные ко мне озабоченные лица отца и его приятелей. Они спешно, порой неловко переругиваясь, стали прикреплять ко мне те пластинки с проводами, которые раньше крепили к Джеду. К голове, к рукам, к ногам, по всему телу, в общем. Очнулась я в красивой комнате на кровати. Но все вокруг было каким-то ненастоящим, нарисованным, что ли — плоским. Да и я сама была такая же — вся в профиль и передвигающаяся как краб — бочком, — под эти слова Селина рассмеялась и попыталась изобразить, какими чудными были ее движения.

— Правда, после болезненного измененного сознания, я и тут — этой окружающей меня неправильности, испугаться сильно не успела, а потом появился отец и все мне объяснил. У меня, оказывается, с рождения, что-то было не так с сердцем, но никто об этом даже не подозревал. Я росла, в общем-то, здоровым ребенком, а проводить, как казалось ненужное обследование — кто же будет? А когда стресс из-за урода спровоцировал приступ и все выявилось, сделать уже ничего было нельзя — врачи могли гарантировать считанные часы для меня, а потом только полную неопределенность, весьма зависимую от любой случайности. Тогда отец, не желая полагаться на такой неуверенный случай, вычистил Куб от первой созданной им на тот момент игры, «нарисовал» моего аватара и перенес меня в него. Вот так я появилась здесь. И все время, почти двести лет, отец твердил, что он что-нибудь придумает и вытащит меня в реальный мир. Сама я, уже вполне привыкла к здешней жизни, и если бы не он со своими уверениями, может быть, давно оставила бы мысли о возвращении туда.

А лет пятьдесят назад, случилось такое… он вдруг, стал приходить ко мне почти каждый день, озабоченный, возбужденный. И все говорил, говорил, что скоро я опять буду с ним, всего-то и нужно несколько лет подождать. А пока шли эти несколько лет… как-то так стало получаться… что речи его о

моем возвращении становились все более обтекаемыми и размытыми, а сроки перехода принялись меняться и отодвигаться. А потом и вовсе отец начал избегать разговоров на эту тему, посещения его случались все реже и реже… пока три года назад он не прислал тебя. Теперь отец появляется здесь от силы раза два в год.

— Из-за этого ты так расстроилась? Скучаешь по отцу? — спросил Даниэль, когда Селина остановила свой рассказ, а заодно и нервную ходьбу, казалось, по протоптанной уже на ковре дорожке.

— Да нет. Я по нему, конечно, скучаю, но за последние годы мы сильно отдалилисьдруг от друга. Тем более что теперь у меня есть ты. Да и та компания, — она, улыбнувшись, кивнула головой на дверь, — давно уже мне ближе него и родней. Вы моя семья. Так что нет, по отцу я давно так отчаянно не скучаю, чтоб три дня реветь из-за разлуки с ним. Но вот из-за того, что он сделал, я, боюсь, могу растерять и оставшиеся чувства к нему. Дэн, ты помнишь, какой подарок сделал мне месяц назад? — вдруг неожиданно перескочила Селина на другую тему.

— Ты говоришь о доступе в инет? — не понимая, к чему она клонит, вопросом на вопрос ответил Даниэль.

— Именно. У меня были постоянно пополняющиеся подборки фильмов и музыки, целые циклы разных программ, но инета, при всем этом, не было. Мне всегда говорили, что линия доступа в действующей Игре — это невозможно. Сломается, рухнет, заглючит и все такое! А потом появляешься ты и оказывается, что все можно, доступно, и никаких проблем. А раз так, то мне стало ясно, что от меня, видимо, что-то скрывают. Я тогда смолчала, не стала об этом говорить тебе, и просто приняла подарок. Дэн, не смотри на меня так! Знаю, не хорошо поступила, каюсь, больше не буду… — Селина, виновато улыбнувшись, опустила глаза.

Было ли Даниэлю обидно, что им так воспользовались? Немного — да. Но вот его представление о Селине, как о птичке в золотой клетке, которое появилось у него с первой их встречи, почему-то теперь еще больше добавило смысла подобному его видению жизни девушки. Меж тем, она продолжала свой рассказ:

— Но, похоже, я была права, а подобный обман был моей единственной возможностью узнать правду. Я начала познавать тот мир вновь. Кстати, он почти не изменился за время моего отсутствия — те же ценности у людей, те же взгляды на жизнь. Но к главной, интересующей меня теме я подошла только дня три назад. Как-то страшновато было. И вот, я собираю свою волю в кулак, отодвигаю страх и набираю в поисковой строке свое имя: «Селина о'Грэди», и знаешь, что он мне выдает? «Селина о′ Грэди

— светская львица, была на приеме в честь… кого-то там, со своим кузеном Алексом, и произвела фурор, как обычно, своими нарядом и драгоценностями». Я, обалдевшая такая, полезла смотреть голофото и съемки с мероприятия. И, что ты думаешь, я там увидела?! Мой папаша под ручку… с моей точной копией! — всплеснув руками и остановившись прямо перед Даниэлем, воскликнула Селина.

— Подожди, может быть, какие-то ваши родственники. Я читал, что при близком родстве люди могут быть похожи…

Прервав Дэна на полуслове, Сэлл воскликнула:

— У нас не было близких родственников! Ты не дослушал меня. Я полезла копаться по инету и нашла ее биографию, и много чего еще. Ей всего сорок три, и она действительно дочь моего отца, а сам он… как оказывается, умер уже около двадцати лет назад! А этот Алекс, якобы племянник папаши, теперь глава компании и ведет все дела. Но, я повторяю, у отца не было никаких близких родственников, а этот Алекс слишком на него похож, чтобы быть даже племянником. И потом, отец ведь постоянно, пусть реже в последние годы, но приходит сюда. Я бы поняла, если бы его аватаром воспользовался чужой мне человек! — доказывая ему то, с чем, в общем-то, он и не спорил, девушка опять заметно разозлилась.

— Я долго думала… даже в какой-то момент допустила мысль о клонировании, но оно по-прежнему строжайше запрещено законом. В результате, вот что пришло мне в голову. Может сложно очень, но это единственное, что все объясняет. Я так понимаю, отец каким-то малоизвестным и малодоступным образом омолодился и устроил «свою кончину», выступая теперь в образе собственного племянника. И эта Лина… ее, кстати, так везде называют, что она такое? Возможно… его дочь от какой-то случайной женщины, чей облик с помощью новых медицинских технологий изменили, достигнув абсолютного сходства с моим? Момент ее рождения примерно совпадает с той повышенной активностью отца по поводу моего возвращения в реальный мир. Он, видимо, хотел нас подменить, но привязался к ней маленькой и не смог сделать задуманное. Я проверила, кстати, росла она, как обычный ребенок. Упоминания о ней, как о любимой маленькой принцессе великого создателя игр, начинаются где-то с ее пятилетнего возраста. Возраст, кстати, близкий к тому, когда мы с папой остались одни, и он вынужден был прочувствовать свое отцовство, — сказав это, Сэл присела рядом с Даниелем на кровать, безвольно опустила руки и снова заплакала.

— А когда я его позвала, впервые за долгие годы позвала сама, и все ему выложила — он просто виновато промолчал. И ни

словечка мне так и не сказав, ушел… Да, про меня — настоящую, кстати, тоже упоминается, но вскользь — была и померла, все, — уже тихо, без эмоций, закончила она.

4 (2)

Даниель привлек девушку к себе. Он плохо понимал суть отношений отца и дочери именно с биологической точки зрения, но вся эта история отдавала предательством между близкими людьми. Между теми, кто многие годы строил свои отношения на безоговорочном доверии и, как казалось, понимании. А вот это он мог понять, и причину ее боли, ее разочарования. В порыве защитить девушку от всех бед, он прижимал Сэлли к себе и гладил ее мягкими, спокойными движениями, чувствуя, как под его руками, спина девушки расслабляется. Ее всхлипы стали реже, а на его влажной от слез шее щекотным движением затрепетали ресницы. Успокоение Сэлл стало передаваться и ему.

Но вдруг, одна фраза из ее рассказа, крутившегося у Даниэля в голове, зацепила его сознание каким-то углом. Уловив смысл сказанного, он похолодел.

— Сэлли, ты сказала Создателю Ксандеру, что у тебя теперь есть инет? Мне же запретят здесь появляться, — тихо, чтоб не выдать голосом свою панику, сказал он.

Селина резко отпрянула от него. В ее широко распахнутых глазах отразились растерянность и страх. Через мгновение они сузились от злости:

— Но ты же сегодня здесь?! И дальше не посмеет! Он не решиться лишить меня того, чего я хочу больше всего! А я хочу тебя в моей жизни! — жестко сказала она и, помолчав, обдумывая что-то, добавила: — Из всего произошедшего, из того, что узнала о его жизни в реале, я сделала один вывод — главная движущая сила в поступках моего отца, это чувство вины! Да, больно это осознавать, но отцовской любви там, видимо, было не много. С самого начала им руководило чувство вины. Он и этой Лине нормальной жизни не дал, испортил, избаловал из тех же побуждений. Ты знаешь, у нее ужасная репутация! Настолько, что в прессе о ней говорят только с насмешкой, выпячивая недостатки. С пятнадцати лет она славиться безобразными выходками и скандалами: драками с журналистами и пьяными дебошами в клубах, ей приписывают множество краткосрочных романов со многими мало-мальски известными мужчинами, и она поднимает руку на прислуживающих ей людей. Он дал ей все, что, по его мнению, недодал мне в том мире, но, видимо, опять забыл самое главное — любовь, ежедневное внимание и родительскую теплоту, — выкладывая Даниэлю свои рассуждения, Селина говорила теперь спокойно и даже как-то отстраненно. — А, самое главное, что убило меня во всей этой

истории, не то, что кто-то там живет за меня моей жизнью, она у меня давно уже не там, а вся эта куча лжи и умалчивания! И его чувство вины вместо отцовской любви и заботы, которых и не было, а я так ими дорожила! — проговорила она, улыбаясь и одновременно поджимая губы, видимо, стараясь не заплакать снова.

— Сэлл, раз уж мы сегодня разговариваем столь откровенно, на такие болезненные для тебя темы, что даже все тайны прошлого открылись, позволь мне уточнить еще раз… — пока Даниэль подбирал слова, которые бы меньше ранили девушку, сама Селина, не выдержав паузы, порывисто воскликнула:

— Говори уже, как есть!

И он решился:

— Ты уверена, что все-таки не утрата надежды попасть в ту реальность и занять положенное тебе место рядом с отцом, так тебя расстроило? Ты столько лет жила в ожидании оказаться там. Ты пойми, мне очень важно знать, что ты действительно не чувствуешь своей ущемленности находясь здесь. Для меня такой альтернативы и не было никогда, а если бы была? Я не знаю, что бы я чувствовал…

И теперь уже в его глазах отразилась тоска и напряженное ожидание, и уже Селина привлекла его к себе, обнимая и нежно поглаживая по щеке, успокаивая:

— Милый! Милый, любимый мой Даниэль! Я действительно не хочу там находиться. Моя жизнь здесь с тобой и моими близкими. А все остальное, что имеет… моя сестра, давно уже есть у меня. И папаше нашему, кстати, это не стоило ни копейки! Прекрасный замок, в котором я живу сейчас, собственные покои во всех лучших гостиницах курортных Миров, драгоценности, дизайнерские наряды… у меня даже есть преимущество! Мое тело-аватар не болеет и не стареет, но усовершенствовано настолько, что в восприятии ощущений оно подобно тому, биологическому, — но видя, что Даниэль по-прежнему расстроен, Селина решила поменять тему разговора и перевести все внимание на него:

— Дэн, вот скажи мне честно и ты! Почему говоря, что любишь меня, ты никогда при этом не делаешь первый шаг в мою сторону? Когда мы целуемся, а тебе это нравится — я знаю, ты отстраняешься всегда первым. Боишься моего отца? Ведь в эмоциональном плане мы очень близки уже давно, но дальше наши отношения не развиваются! — начав говорить, Сэлл хотела, всего лишь отвлечь Даниэля от мрачных раздумий, но быстро осознала, что эта тема весьма болезненная и для нее.

— Сэлли, я не совсем понимаю, что ты хочешь сказать мне!

Почему я должен бояться Создателя Ксандера? Куда наши отношения должны развиваться? Я не понимаю! Ты для меня самое ценное, что есть в моем существовании. Этот Мир был пуст и холоден до нашего знакомства. Мне было все равно на паузе я или в Игре. Мне было все равно, наступит ли следующий день, потому что каждый из них был похож на предыдущий, и не нес ничего хорошего… да и плохого тоже. Ничего! Ровно, бесцветно, никак! — уловка со сменой темы разговора помогла — Даниэль, отодвинув свой горестно-расстроенный тон, отреагировал весьма эмоционально:

— А ты, понимаешь, как это было? Живя в безветренном сумраке увидеть свет и почувствовать дуновение свежего бриза? Живя годами среди созданий, которых ты не хочешь ни видеть, ни слышать, к которым ты равнодушен, а некоторых, вообще, ненавидишь? Чтобы хоть чем-то заполнить свою жизнь, чтобы разум твой от ощущенья всеобъемлющей пустоты не потух в безразличие, ищешь отвлечения в чужих отношениях и интересах, отслеживая их в инете? Когда самыми близкими являются люди, которые живут в недоступном для тебя мире и, вообще, даже не знают о твоем существовании! А потом является человек, который тебе приятен и интересен, а со временем становятся и дорог. Появляются свои отношения! Да, в конце концов, просто появляется завтрашний день, которого теперь ждешь! А теперь ты говоришь, что-то не так, чего-то не хватает нашим отношениям. Объясни, пожалуйста! Хватит намеков!

— Я говорю об отношениях между мужчиной и женщиной. Видишь ли, когда мужчина говорит женщине «Люблю!» и находит отклик в ее чувствах, то, как правило, их близкие в эмоциональном плане отношения переходят в близкие физически… ты, вообще-то, знаешь, что такое секс? — немного напряженным от смущения голосом спросила Селина.

— Да… — как-то неуверенно ответил Дэн. А потом, видимо что-то вспомнив, как заученный урок, более бодрым тоном продолжил: — В реале, люди, как, собственно, и подавляющее число других живых существ, разнополы, а совокупление двух разнополых особей дает жизнь потомству — это-то и называют сексом. Но, так как при самом процессе происходит невероятный выброс эндорфинов в кровь, то между людьми он чаще случается из-за желания получить удовольствие, а не продлить свой род. В этом Мире он, как и такой физиологический акт — в обязательном порядке потреблять белки, жиры и углеводы для восполнения жизненной энергии, не нужны. Но сами эти процессы, как было уже сказано, являются для людей очень приятными, и отказаться от них они не могут и здесь. Поэтому,

программы аватаров, начиная с третьего поколения, усовершенствованы в соответствии с пожеланиями Игроков и допускает воспроизведение, как сексуального акта, так и потребление пищи, — отбарабанив это, Даниэль в уже более спокойном тоне продолжил:

— И потом, я имел возможность наблюдать данный процесс, и не раз. Когда я был еще Младшим братом, какое-то время моей зоной ответственности был домен-курорт, а там гостиницы, бары, клубы, дома свиданий. Люди настолько часто занимались этим самым сексом и между собой и с ботами, что не захочешь, а наглядишься. Кстати, в этом процессе, почему-то, иногда, участников было несколько, иногда, аватары и боты были одного пола иногда…

— Так, все, стоп! И так-то у тебя в голове не пойми, что твориться! А это… ну, все последнее — это вообще не наша тема. Я женщина, ты — мужчина… — Сэлл вопросительно посмотрела на Даниэля, на что тот неуверенно пожав плечами, все-таки кивнул:

— По внешним данным — да, но, я же говорил, вся эта физиология для меня непонятна.

— С этим разберемся. Главное ты должен знать, если в этом… процессе, как ты это называешь, участвуют двое любящих друг друга людей, то это уже не какой-то дополнительный аттракцион для разнообразия курортной жизни, а нечто очень важное для этих двоих. Разница в том, что после даже очень сильной, но спонтанной страсти, всегда приходит момент отчуждения, а двое уже «сцепленных» эмоционально между собой людей, наоборот, только сближаются. Этот… процесс позволяет получить не просто физическое удовольствие, он позволяет слиться в одно целое двум желающим этого объединения людям. Полная близость, полное обладание друг другом, — произнося это, Селина не спускала своего взгляда с лица Даниэля, стараясь понять, что он думает и все ли воспринимает верно.

А Дэн… он сидел пораженный ее словами. То, что Сэлл говорила сейчас, было просто невероятным! Да, он очень многого не понимал в действиях Игроков, но он никогда и не пытался разбираться, какими желаниями и порывами мотивированы их поступки. Все, что было доступно для аватара в Игре, было прописано в его программе, и значит допустимо. А если все в норме, то и его внимания это не требовало. И он никогда до данного момента не мог даже помыслить, чтобы применить что-то подобно к себе! А вот сейчас ее слова «— близость… слияние… обладание!»… вызывали у него почти неуправляемые желания действовать и познавать. Он хотел и обладания, и слияния с ней!

И понимая, что от него ждут ответа, он, ставшим вдруг непослушным хриплым голосом, сказал:

— Я очень люблю твои прикосновения и поцелуи, и я, наверное… действительно хочу большего! — кажется, надо было сказать что-то еще, но он не знал, что именно.

— Вот и хорошо… а то я стала думать, что не привлекаю тебя, как женщина, — смущенная и своей маленькой, но пылкой речью, и последним откровением, Селина покраснела и отстранилась.

А в голове Дэна тем временем заметалось что-то непонятное, сумбурно и пугающее. И вызван этот хаос был ее последними словами:

«— Что значит ее привлекательность, как женщины?! Вот, что это такое?!»

То, что он именно любит эту девушку, Даниэль знал точно. Переписка в сети, обсуждения на форумах, литературные произведения и художественные фильмы — все, что успел увидеть и осмыслить он, до появления в его жизни Селины, говорило в пользу этого чувства. Он мечтал о лишних минутах, которые мог бы провести в ее обществе. От одной мысли, что может сделать что-то приятное для девушки и вызвать ее улыбку, его охватывала радость. А уж поставить ее интересы выше своих? Да только этим и жил!

Но вот, что такое хотеть, как женщину?! Нет, поцелуи, которыми они иногда обменивались, были приятны. А ощущать в этот момент девушку на своих коленях, для него было и того лучше. Но вот чем? Тем, что он успокаивался, убежденный, что в таком положении с ней ничего не может случиться. Тем, что подсознательно понимал, что в эти моменты он тоже для нее — все в этом мире. И не существует сейчас, ни Создателя Ксандера, ни людей из замка, ничего вообще, кроме них двоих.

Привлекает ли она его, как женщина?! Что? Что это значит?! Привлекательна ли она вообще? Безусловно — да. Он, как один из самых сильных саппортов системы, который способен сам создать домен, конечно же, имел полное представление о таком понятии, как прекрасное. И он мог с полной уверенностью сказать, что девушка чрезвычайно привлекательна. И стройная фигура ее, с красивыми гладкими формами, и волосы крупной волны, и лицо, прорисованное четкими правильными линиями. И уж точно он мог оценить бесподобно подобранную для ее аватара цветовую гамму: темно-русые волосы, ярко-синие глаза, розовато-кремовая кожа и малиново-сочные губы.

Но, опять же, в самом начале их знакомства его привлекли к Сэлл не идеально выверенная эстетичность внешнего вида, а

свойственные ей простота в обращении, смешливость и искренняя заинтересованность в конкретном собеседнике, даже когда он… никто.

Как сильно успел бы накрутить себя Даниэль, мечась в попытках придать непонятному термину знакомые «очертания» — неизвестно, но вот девушка, успокоенная и удовлетворенная его ответом, принялась действовать, перетягивая этим, его внимание и мысли на себя. Селина включила музыку — нежную, с легким томным звучанием, задернула плотно шторы на окнах, погрузив комнату в загадочный полумрак, и зажгла свечи, отчего образовавшиеся тени приобрели теплую интимную мягкость.

Сама она, отринув резкость движений недавней злости, двигалась теперь плавно и гладко. А Дэн сидел, молча наблюдая за ней, без какого-либо движения — в какой-то прострации. Все, что в этот момент осталось в его мыслях от недавних метаний, это четкое понимание, что в их добрых и простых отношениях близких людей, что-то неуловимо меняется, с каждой «минутой» приближаясь к рубежу, после которого ничего и никогда уже не будет как прежде.

От этого вновь пришедшего знания на душе, позволяя надеяться, что она есть у саппорта, становилось тревожно, лицо горело, разум млел в радостном предвкушении, а в груди все сжималось от ожидания чего-то чудесного и… подспудного страха неизвестности.

А движения Сэлл, за которой он продолжал наблюдать, не отрывая глаз, стали еще более текучими, все сильнее подчиняющимися томному ритму звучащей музыки. Матово блестящая ткань халата скорее подчеркивала, чем укрывала линии тела девушки — обтягивая плавно раскачивающиеся бедра, слегка провисая меж расставленных в танце ног, струясь и служа фоном для темных, подрагивающих в движении локонов.

С каждым тактом мелодии движения девушки становились все более вольными и раскрепощенными, не давая вниманию Дэна отвлечься, а мыслям придти хоть к какому-то порядку — они завораживали и заставляли следовать неотрывно за каждым жестом.

…Селина откидывает голову назад, а рукой, едва касаясь подушечками пальцев, проводит по напряженной выгнутой шее. Завершается это движение, когда пальцы, скользнув за низкий ворот, обводят верхушечку левой груди, отчего та вызывающе вздергивается, натягивая гладкий шелк…

…веки девушки прикрыты и поэтому глаза, ни на «секунду» не отпускающие взгляд Дэна, сквозь вздрагивающие ресницы кажутся практически черными, затягивающими в неведомую

пучину. Губы же, наоборот, как будто застыли на полуслове открытыми, блестя влажной внутренностью…

…яркий халат, тянущимся вальяжным движением спущен с плеч, а потом резким жестом, созвучным вскрику высокой ноты, отброшен прочь. И пока он подобно гигантской яркой бабочке опускается на пол, изящные руки, в едином порыве встрепенувшись, толи пытаются спрятать, толи привлечь внимание к едва прикрытым кружевом соскам и темнеющему треугольнику лона…

Даниэль смотрел и не мог оторваться — все в Сэлл было прекрасно: и матовый цвет ее кожи, и изгибы плавно движущегося тела, и тонкое лицо, расслабленное в мягкой неге. Возникла привычная мысль, оценивающая прекрасную работу над аватаром. И тут же увяла под напором пульсирующего и тугого, как сжатая пружина, порыва, который воспринял не просто видимое совершенство, а прямо вот так — на расстоянии, ощутил плоть — трепещущую, жаркую, податливую.

И когда эта пружина расправилась незнакомой ему жаждой, Даниэль, перестав искать понимания происходящему, протянул руки к девушке и позвал ее, опять ставшим непослушным и хриплым голосом:

— Иди ко мне!

А Сэлл только и ждала этой просьбы. Стремительно сделав несколько шагов, она уже в следующее мгновение оказалась сидящей верхом на его коленях.

Губы, которые почувствовал Даниэль на своих, были горячими, чуть вздрагивающими и… требовательными. Не в силах отказать им, он приоткрыл рот, запуская внутрь такой же голодный, жаркий и бархатный язычок.

Поцелуй, последовавший за этим требованием, был терпким, обжигающим — умопомрачительным, и совершенно не напоминал те ласковые и нежные слияния губ, которые они дарили друг другу, когда уединялись с Сэлл в беседке в парке. Тогда Дэну было достаточно понимания, что девушка рядом, что она не отталкивает его, а поцелуи являлись лишь подтверждением того, что он для нее важен. Он сравнивал эти прикосновения с легким теплым ветерком или каплями летнего дождя — тем, с чем имел дело и мог сопоставить ощущения.

В этом же поцелуе, который они делили теперь, не было ни нежности, ни ласковости — он вызывал совсем другое, какое-то непонятное, требовательное само по себе, оголтелое чувство. Оно велело хватать, подавлять, обладать… впиться, стиснуть, подмять!

От действия Даниэля отделял только… вопрос: «Как?!»

А Селина, видимо, горела тем же желанием — она, вжавшись в Дэна, и не насытившись губами, горячей дорожкой колких поцелуев стала прокладывать себе путь к его шее.

Там, где начинался ворот туники, прижатый к телу кольчугой, она вынуждена была остановиться.

— Сними… — сбиваясь с дыхания, попросила она, дергая за металлический край.

Даниэль, с трудом выныривая из горячечного тумана, «растворил» кольчугу, как обычно избавлялся от крыльев и лат.

— И это тоже… все убирай… — нетерпеливым тоном потребовала Сэлл, и попыталась, как и с кольчатым полотном, подцепить край ворота туники.

В следующее мгновение Дэн осознал, что девушка замерла в его руках. Причем, не просто остановилась в своих движениях, а застыла каждой мышцей, как будто превратившись в каменную статую.

— Это… что такое? — тихим, каким-то чужим голосом спросила она.

— Где… что? — не поняв ее, но так же настороженно переспросил Дэн.

— ЭТО… — еще тише повторила Селина и поскребла его по шее, там, где начинался вырез шелковой белой рубахи.

— Я не знаю… мне не видно, что там… — ответил ей Дэн, сам при этом, замирая от того, что было в глазах девушки, которые он, в отличие от собственно шеи, видел отлично.

А было в них нечто такое, что в другой ситуации Даниэль определил бы, как… ужас. Такой — всепоглощающий!

А тем временем Селина пыталась разжать его непослушные руки, которыми он обнимал ее и которые до сих пор не хотели выпускать то, что держали.

— Идем к зеркалу… убери руки… пожалуйста… — попросила она, при этом выгнув напряженную спину так, что бы как можно меньше касаться его тела своим.

Дэн, наконец-то, смог совладать со своими конечностями. Причем, решающим фактором была не жалостливая просьба девушки, а все тот же ее взгляд, который, теперь полнился не только страхом, но и тоской, и обреченностью.

Впрочем, к зеркалу Дэн не пошел, а сотворил новое, которое так и зависло перед ним, продолжающим сидеть на кровати Селины. Что он в нем увидел? Да как вам сказать… ничего особенного…

Растрепанные волосы, бледное лицо, да взгляд испуганного человека, ожидающего невесть чего… и ничего настолько страшного, чтобы подобный страх оправдать.

— Что не так? — оторвал он глаза от зеркала и посмотрел недоуменно на девушку.

Та, молча взявшись за ткань туники возле ворота, потянула за нее. Вышитый серебром край послушно потянулся за рукой… прихватив с собой и кожу шеи, как если б был с ней единым полотном.

— Ты, вообще, что такое? — настороженно спросила она, отпуская рубаху и отступая от него с опаской.

— Не знаю, — честно сказал Дэн, — никто из нас не знает. Спроси Создателя Ксандера… может тебе он и ответит.

— Я его ненавижу-у-у! — отчаянно и как-то даже безнадежно воскликнула Сэлл. Глаза ее наполнились слезами, и она повалилась на пол там, где стояла, как изломанная кукла, не устоявшая на ногах.

Глава 5
Кэтрин

5 (0)

«— Кэти! Тебя ожидает такси, носильщик уже за дверью!» — пропела задорным голоском девочки подростка домашняя система.

— Спасибо Аня, — машинально ответила ей Кэтрин, берясь за ручку чемодана и направляясь к выходу из квартиры.

Стоило открыть дверь, как маленький робот с плоской «головой» пробубнил:

— Госпожа или господин, дрон двадцать сорок шесть к вашим услугам, заказанное такси за тем же номером ожидает вас на ближайшей стоянке, — и, не дожидаясь ответа, подхватил чемодан, взгромоздил на платформу, которая была у него вместо головы, и, обхватив его гибкими манипуляторами, направился к лифту.

Едва успев к тому моменту, как дрон отбарабанит свою запрограммированную речь, сдернуть с вешалки в прихожей сумочку и закрыть за собой дверь, Кэти поспешила за ним.

Аэромоб-беспилотник действительно стоял на стоянке-платформе напротив подъезда. Пока девушка проходила в открывшуюся при ее приближении дверь и устраивалась в салоне, дрон двадцать сорок шесть заложил ее чемодан в багажник и забрался туда сам. Стоило и боковой, и задней дверям закрыться, как аэромоб стронулся с места. А когда отзвучала информация о предстоящем маршруте, они уже ныряли в вертикальную шахту, чтобы спуститься вниз — в аэропорт.

Как известно, основание каждого города, уходящее вглубь планеты на несколько километров, располагает на своих этажах всю промышленность, призванную обслуживать потребности горожан, пищевые комбинаты и порты, как межгородской, так и межпланетный.

Такси, как и было указано в заказе, доставило Кэти в первый из них. Правда туда, где располагались терминалы больших межгородских лайнеров, и где девушка не раз бывала, ее не повезли. Стоило из магистральной шахты перейти в подлетную, как такси свернуло со знакомого пути и устремилось в противоположном направлении. Промелькнувшая надпись дала пояснение — к ВИП терминалу стартовых площадок частного транспорта. А там ее уже ожидал компактный и гладенький, как игрушечка, персональный кар.

Аэромоб для полетов за куполом неожиданно оказался меньше, чем Кэтрин ожидала. Почему-то она считала, что машины, предназначенные продираться сквозь грозовые фронты и

противостоять ураганам, должны быть мощнее и, соответственно, гораздо крупнее. Но, нет. Аэромоб, к которому ее подвезли, был практически таким же, как и те, что летали внутри города. Лишь более вытянутые и обтекаемые формы говорили о том, что он предназначен для б**о**льших скоростей.

Стоило кару остановиться, а его носильщику отделиться от механизма и начать копошиться в багажнике, как из аэромоба вышел молодой мужчина и направился к ним.

— Здравствуйте госпожа Блайк, пилот Грегори Кардин к вашим услугам, — склонил голову в коротком приветствии тот и подал Кэти руку, помогая выйти из кара.

Да, первое впечатление о пилоте было верным, мужчина действительно был очень молод, скорее всего, не старше самой Кэтрин. Во-первых, внешне он едва ли дотягивал до тридцати, а это значит, что он просто не достиг того возраста, когда большинство людей начинает прибегать к омолаживающим процедурам. Ведь, стоило мужчине выглядеть немного старше, и уже определить реальный возраст было бы практически невозможно.

Ну, а во-вторых, об этом говорило ее чутье. Как хромой привык опираться на трость, так и Кэти предпочитала знакомиться с новыми людьми, предварительно коснувшись их даром. Так что догадаться, что на уме у пилота, ей, понятно, труда не составило.

А первая мысль мужчины вырвалась на свободу, не спрашиваясь, и горячим липким «языком» с явным удовольствием мазнула по стройным ножкам, обтянутых брюками, и едва видимой в неглубоком вырезе кардигана груди Кэтрин. Конечно, эта обнаглевшая нахалка тут же была подхвачена жесткими «руками» профессиональной чести и строгого воспитания, и засунута куда подальше. Но вот само ее наличие, такой буйной и неуправляемой, и говорило яснее ясного, что мужчина, находящийся сейчас возле Кэти, еще очень молод.

Впрочем, он, конечно, мог, не подозревая о способностях девушки, оставить волнительно-щекочущую мысль при себе, поскольку выполнять профессиональные обязанности она не мешала, а приятности моменту, да и предстоящей дальней дороге, добавить однозначно могла. Собственно, по опыту Кэти, так и поступали многие мужчины — можно сказать, большинство. Так что то, как новый знакомый управился с вполне естественным для его возраста порывом, в отличие от тех самых многих, девушке очень понравилось, и она с вполне искренней улыбкой ответила на его приветствие:

— Добрый вечер, пилот Кардин. Мое имя Кэтрин, можете ко

мне так и обращаться в дальнейшем.

— Спасибо. Тогда и вы зовите меня просто по имени, — улыбнулся в ответ мужчина, и, продолжая поддерживать ее под локоть, другой рукой указал на аэромоб, из которого только что вышел, — пройдемте в машину.

Салон аэромоба, в котором оказалась Кэти на этот раз, был именно таким, о котором говорят: «роскошно» и «великолепно». Большой и удобный диван, который здесь числился за сидение, был обит толи дорогущим мягким пластиком «под кожу», толи… действительно той самой настоящей кожей, и тогда стоимость того, на чем сейчас сидела Кэти, равнялось цене неплохой квартирки на ее уровне. Панели на боковых стенках, похоже, были с деревянными вставками, а закуски и напитки, предложенные ей Грегори, и находящиеся во встроенном маленьком холодильнике, явно натуральными.

За осмотром и мысленными ахами и охами Кэти упустила момент, когда они стартовали. Только и мелькнули сбоку поля зрения огни, ставшие из красных, зелеными, а аэромоб уже разгонялся по черной трубе с едва видимыми светящимися линиями — стартовой шахте.

И уж совсем стало обидно, когда девушка поняла, что вырвавшись со взлетки и оказавшись, наконец-то, в небе, она совершенно ничего не увидела. Большие окна, в которые она, было, приготовилась смотреть, оказались затемнены полностью. И даже барьер, отделяющий ее от впередисидящего пилота, почернел настолько, что Грегори виделся ей едва различимым силуэтом. А уж, что там была за открывающаяся панорама в лобовом стекле перед ним, тем более скрывалось во тьме.

— Грег, а почему вы затемнили окна?! Я так мечтала увидеть купол снаружи! В лайнерах, на которых я только и летала, вообще окон нет! — Кэти почувствовала себя ребенком, у которого отобрали давно обещанную и только что подаренную игрушку.

— Так положено по технике безопасности. По статистике девяноста восемь процентов горожан имеют очень сильно развитую агорафобию, — голос молодого человека был спокоен, но вот в его эмоциональном фоне Кэти почувствовала смех. Видно своими несдержанными высказываниями она ему тоже напомнила обиженного ребенка.

— Вам смешно?! А я, может, о том, чтоб увидеть настоящий мир с высоты, мечтала много лет! В играх же никто от открытого простора с ума не сходит, а почему тогда в реальности это должно произойти? — все еще обиженно, но все же уже с большой заинтересованностью в теме, спросила его девушка.

— Что вы, Кэтрин! Мне совсем не смешно. Просто ваша

реакция на темные окна была очень предсказуема. Почти каждый из тех моих пассажиров, кто летит впервые, также обижается на это. А с виртом, насколько я знаю, сравнивать в данном случае нельзя. Там каким-то образом ведь оцифровывается сознание, так, что и восприятие действительности идет совсем по другому, — вполне доброжелательно стал объяснять Грегори. Его эмоции, растеряв насмешливость, вторили этой доброжелательности и излучали в сторону девушки довольно сильную симпатию. Так что Кэти решила, что пора заканчивать с обидой полностью.

— А если приоткрыть совсем немного? — попробовала она воспользоваться расположением мужчины.

В эмоциях его опять шевельнулся смех, но на просительный тон он все-таки повелся:

— Ладно. Только сначала пробуйте выглянуть очень аккуратно. И если почувствуете, что вам становится плохо, сразу говорите.

Следующую минуту, затаив дыхание, Кэти наблюдала, как посередине окна, что было от нее справа, чернота растворяется, открывая светлый пятачок, размером не больше ее же ладони. Так и не вспомнив по ходу, что можно уже дышать, Кэтрин припала глазами к просвету.

И что? Да, в общем-то, ничего… нужда в дыхании отпала полностью, сердце, зато, погнало вскачь, а волосы на голове зажили своей жизнью.

— Кэтрин, вы как?! — привел ее в чувство взволнованный и озабоченный голос пилота. А взгляд уловил затягивающийся голубой пятачок на черном стекле.

— Нет! Грегори, прошу вас, не убирайте! Во второй раз у меня точно получится! — взмолилась девушка, и, уловив в эмоциях мужчины колебание, продолжила уговоры еще более жарко и просительно:

— Ну, пожалуйста, пожалуйста! Я очень аккуратненько! Вот увидите — все будет хорошо!

А когда светлое пятно увеличилось до прежних размеров, действительно очень осторожно приблизила к нему свои глаза. И преодолевая тошноту, периодически зажмуриваясь, стала разглядывать то, что было за стеклом. Впрочем, не переставая себя еще и убеждать, что она просто в вирте.

Уж неизвестно, что ей помогло — самовнушение или то, что она прикрывала каждый раз глаза, стоило ей почувствовать надвигающееся головокружение, но через несколько минут Кэтрин почти притерпелась к новым для нее ощущениям.

А за окном тем временем проплывала громада города. Конечно, серый цвет монолитов и грязно-желтые клубы

воздушных нечистот, плавающие между ними, красивыми не выглядели. Но вот вся картина в целом со стороны, однозначно, смотрелась грандиозно: чередование прямых граней гигантских строений, укрытые бликующим на солнце стеклом оранжерей по их верху и «мыльный пузырь» прозрачного переливающегося купола. И уж тем более захватило дух, когда стало понятно, что малюсенькая движущаяся точка, отражающаяся на отзеркаливающей защитной глади, это тень их аэромоба.

— Я специально приблизился к городу так близко, насколько это дозволяется правилами. Мы сейчас где-то в километре от него. Это очень близко и только благодаря нашим весьма незначительным габаритам! — стал объяснять Грегори девушке, когда та восторженно объявила, что просто потрясена увиденным.

А когда громада города сдвинулась к ним за спину, и глазам открылся воистину величественный простор, Кэти, видимо, совсем притерпевшись, на него почти никак и не отреагировала. В смысле — никак, это значит без тошноты и головокружения, а вот подавивший все остальные чувства неимоверный восторг от увиденного, накрыл ее с головой. И даже опять забурливший смех в чувствах Грегори, который, слушая ее восклицания и междометия, похоже, едва задерживался, чтоб не рассмеяться в голос, Кэти совсем не задевал. Поскольку, как было сказано выше, места для каких-то еще переживаний и чувствований в ее разуме не осталось — все захватил вид, открывшийся ей из окна.

Оказывается, никаких болот сразу за куполом и нет. Да и дальше, насколько хватало глаз, ничего похожего на них Кэти так и не увидела. Простор, раскинувшийся до горизонта, был укрыт яркой зеленью сплошных лесов. Впрочем, кое-где виднелись и синие нити вполне определенно прочерченных рек, и гладкие зеркала таких же четко обозначенных краями озер. И над всем этим небо — синие-синие, с плывущими по нему пышными подсвеченными вечерним солнцем облаками.

— А вы, Грегори, быстро привыкли к открытому простору? — поинтересовалась Кэтрин, когда, наконец-таки, смогла оторваться от той картины, что была за окном.

— Да я как-то и не боялся его. Я родился и вырос не в городе, — после небольшой паузы настороженно, но честно, ответил мужчина.

Понятно, почему настороженно — в современном обществе принято считать, что вне куполов живут только дикари, полностью деградировавшие за столетия жизни вне цивилизации. А тут — аэромоб, современная техника, опасные полеты… Так что неизвестно было мужчине, как отнесется городская девица к тому, что пилот, которому она доверила себя, из тех самых диких

поселенцев. Что предпримет от страха? Заистерит? Оскорблять начнет? В обморок повалится?

Но Кэти давно уже не придерживалась подобной точки зрения. Так что, едва почувствовав, как мужчина напрягается в ожидании ее негативной реакции на свои слова, девушка заговорила дальше, стараясь, что бы тон ее был легок и нейтрален:

— Но находиться на земле, это же не то, что сверху вот так, как сейчас, на все смотреть?! — как будто и не было напряженных недомолвок, недоуменно спросила она пилота, просто продолжая начатый разговор.

Тот тоже недоумевал, только по другому поводу, как поняла Кэти — по поводу ее непонятного поведения. Было приятно ощущать, как эмоции мужчины, едва очистившись от скованности, начинают светиться симпатией к ней.

— Да не было у меня как-то проблем с этим. Но даже те, кто при поступлении в Академию испытывает страх высоты, со временем тоже к ней привыкает. Ведь профессия пилота, одна из немногих, которые преподаются не экстернатом, а при очной форме обучения. Хотя… конечно, были и такие, которым пришлось оставлять учебу, не справившись с фобией, — приняв предложенный девушкой тон — как и не было мимолетного отчуждения, мужчина полно и обстоятельно ответил на заданный вопрос.

Так и полетели дальше — под легкую, обоюдно приятную беседу и периодическое посматривание вниз из окна.

Хотя… надо сказать честно, что уже вскоре после того, как город перестал быть частью пейзажа, Кэти стало понятно, что открывающиеся просторы весьма однообразны. И Грэг, пользуясь этим, поднял аэромоб над облаками. А там, сходу впечатлившись необычными видами, не более чем через пять минут пришлось признать, что ничего особо интересного нет и здесь.

Впрочем, один раз кое-что было! Гроза! Буря! Ураган! Страшно! Ужасно! Но… в какой-то мере действительно интересно и даже красиво!

Облака, еще несколько минут назад легко-кружевные и гористо-пышные, сбились в непроглядную, «плотную», комковатую массу и утеряли свои нежные краски. Теперь это были уже и не облака вовсе, а настоящие тучи — они пучились иссиня-чернильным и периодически вспыхивали изнутри резкими всполохами молний. Вся эта жуть клубилась, затягиваясь в воронку, и постоянно вздрагивала, как будто из того страшного омута что-то пыталось вырваться. Завершенность этой пугающей картине придавало небо, которое на такой большой удаленности

от поверхности планеты, было, не ясно синим, а уже практически черным.

Но все быстро закончилось. Когда они проходили над грозовой зоной, Грегори забрался повыше и миновал бушующий фронт, обогнув его по краю, лишив этим маневром Кэти возможности что-то рассмотреть в подробностях. А девушка так и не успела понять, чего она больше хотела — увидеть и ужаснуться или все-таки никогда не знать, как выглядит «глаз» бури при близком рассматривании.

Ну, а за исключением этих нескольких минут треволнений и страхов весь остальной путь до Пшехи был вполне приемлемым.

И вот, по прошествии часа, Грег начал снижаться и сбрасывать скорость, при этом слегка укладывая машину на правый борт.

— Теперь, на подлете к поселку, я постараюсь идти как можно медленней — вам будет интересно посмотреть на все с высоты, — пояснил он свои намерения.

Сначала Кэти увидела ряды прозрачных длинных строений.

— Это тепличное хозяйство. Сейчас парники пустые стоят — дожидаются первых осенних холодов, — продолжал свои не вполне понятные, но от этого не менее интересные объяснения мужчина.

Дальше под ними поплыли поля, заполненные чем-то весело зеленеющим, и сады, где кроны некоторых деревьев имели странный красноватый окрас.

— Вишневые сады. А дальше — это уже, кажется… черешня поздняя поспела. Сегодня попробуете. По мне так ничего ягодка, а вот ранняя водянистая сильно.

А потом, почти под самым брюхом аэромоба, потянулись дома. Они стояли довольно редко, окруженные деревьями, какими-то цветущими растениями и похожими на поля своей зеленой полосатостью, но маленькими, открытыми площадками. Строения сами по себе были низкими, с чуть скошенными крышами. И создавалось впечатление, что их придавили к земле, не дав возможность расправить формы.

— Дома со времен катаклизмов традиционно строятся в основном одноэтажные. Здесь, на горе, затоплений не было, но вот трясло изрядно.

После этих слов Грега, Кэти оторвала глаза от того, что проплывало под ними, и постаралась окинуть взглядом весь пейзаж в общем. Улица, вдоль которой они летели, одним своим концом убегала в оставленные позади сады, и далее устремлялась к горам. Едва видимая зубчатая гряда, казалось, таяла, сливаясь с небом в отдалении. И только одна красавица, с белеющим

снежным покровом на вершине, четко и явно обрывала с той стороны горизонт, не позволяя отвлекать внимание от своих изумительных линий. От увиденной грандиозной картины захватило дух.

Но стоило перевести взгляд в противоположном направлении, с усилием оторвав глаза от горы, как Кэти опять задохнулась от открывшегося ей вида.

Другим своим концом сельская улица, как и еще несколько таких же, выходила на небольшую площадь, с одной стороны которой возвышался громадный особняк. Хотя, конечно, сказать, что возвышался… это только в сравнении с другими строениями, а так два этажа — не больше. А громоздким он выглядел чисто за счет общей своей площади. Но это так, промелькнуло в мыслях и вылетело. Потому как за особняком… насколько хватало глаз… простиралось море!

Синее? И синее тоже! И зеленое, и нежно голубое, и белое, мелкими барашками, и золотисто-розовое — отблесками заходящего солнца!

— А почему Черное-то? Никогда не задавалась таким вопросом, пока не увидела вживую… — спросила недоуменно Кэти, перебирая тем временем видимые на воде цвета и не находя среди них ни одного близкого к черному оттенка.

— Да вроде древние греки, те, что еще до нашей эпохи на этих землях Боспорское царство заложили, в страшный шторм попали вначале. Ну, и соответственно, море потом негостеприимным посчитали и Черным обозвали. Вот там, — мужчина махнул рукой вправо, туда, где вдалеке, за линией поселка и еще каких-то зеленеющих территорий, виднелись буро-серые просторы, — раньше бухта была, в которой их город находился. Впрочем, до этого еще какой-то народ здесь столицу имел… и после них турки этот берег завоевывали. Да и перед самыми катаклизмами мелкий курортный городок в той бухте располагался. Там широкая коса с песочными пляжами была.

— А теперь там что?

5 (1)

— Лиманы сплошные. Это заболоченные озера, в нашей местности понятно, что с соленой водой. Море очень сильно поднялось тогда, так что и бухту, и земли все прилегающие затопило. Здесь, у нас, говорят, в старые времена высота обрыва над морем до трехсот метров доходила, а теперь вот — не более сотни, и то в самых-самых местах. Раньше, если знаешь, Азов с Черным не сливались в одно море. Это сейчас чисто условная граница между ними, а тогда пролив узенький их соединял, который вполне мостом перекрывался. А Крым не островом был, как теперь, а частью континента, да и раз в пять крупнее… кажется, — рассказывал тем временем мужчина, поводя рукой и указывая направление, где располагались объекты его рассказа.

Только вот бодрый тон его голоса никак не вязался с сожалением… или даже тоской, звучащей в испытываемых эмоциях.

— Вы сильно привязаны к этим местам… выросли здесь? — спросила Кэти. И почувствовала как та тоска, ощущающаяся скребущим сквозняком, быстро меняется на теплый приятный бриз радости.

— Да! Удивительно, что вы поняли это! Я действительно родился в Пшехе и очень люблю все здесь. И, конечно же, как все местные жалею о том, что когда-то произошло. Все постепенно успокаивается, но от этого еще более жалко того рая, который здесь когда-то был. Если захотите, я мог бы пригласить вас и к себе в гости. Вон мой дом, пятый от площади по крайней восточной улице…

Кэти напряглась. Чувства мужчины были для нее как на ладони. Она привлекла его физически, что, в общем-то, было ясно еще в первую минуту знакомства. Затем, в процессе беседы Грэг осознал, что она совсем не похожа на тот образ гипотетической стервозной городской девицы, который сложился толи в его собственном воображении, толи так вообще принято было считать о городских на диких территориях. И вот теперь его вдруг осенило, что она способна понять даже его затаенные чувства и стремления. Так, что в результате всего этого сейчас молодой мужчина явно находился в пол шаге от влюбленности в нее.

А что Кэти?

Ага, понимала и чувства заветные, и стремления. Но это не потому, что она как-то по-особенному добра, понятлива и умеет сопереживать, а просто в силу имеющегося дара, раскладывающего перед ней все по полочкам, хочет она того или

нет.

И ведь, как правило, чаще не хочет. Устала она от этого, а сюда приехала отдыхать!

Хотя… этот конкретный мужчина ей был симпатичен. Поэтому решив пока оставить все как есть, Кэти не стала его разубеждать в своей неидеальности. А там дальше видно будет, как все повернется. И ответив на приглашение неопределенным: «— Посмотрим», приправила это дело милой улыбкой и как бы стеснительным пожатием плеч, а потом опять развернулась к морю.

А вот долгожданное чистое и открытое небо Кэтрин так толком до сих пор и не увидела. Ну, ничего, сейчас выйдет из машины…

В это время аэромоб, до этого зависший высоко над площадью, стал тихо снижаться. Было похоже, что Грэгори собирается приземляться прямо на площади, ближе к тому ее краю, где располагался особняк. Когда машина была на высоте чердачных окон, двустворчатые двери дома распахнулись и из него вышли темноволосая женщина, одетая в яркую клетчатую рубаху, мужчина, почему-то в комбинезоне медработника и маленький пузатый дрон, несший на «голове» какой-то короб.

Разглядеть эту троицу получше Кэтрин не удалось, потому, что аэромоб с легким толчком коснулся земли и… погрузился в пучину какого-то дыма.

— Сейчас Кэт, пару минут подождем, чтобы пыль осела, — сказал Грэг, когда она на него испуганно воззрилась.

«— Ага, пыль… а я-то уж думала, что горим!»

Но вот, дымная пелена за окном спала, и стопоры в дверях с тихим шуршанием отщелкнулись, а дверь поехала в сторону.

Грэгори еще что-то говорил, кажется, прося подождать, пока он подаст руку и поможет… возможно, что-то еще. Но Кэти, отмахнувшись, вышла из салона наружу сама, глубоко вдохнула показавшийся густым и каким-то многовкусовым, как дорогой коктейль, воздух и, наконец-то, откинув голову, распахнула глаза навстречу долгожданному небу. И… полетела!

А может, и нет… и это небо, наоборот, кинулось навстречу столь спешащей к нему гостье.

Глаза открылись едва-едва и только после приложенного усилия. Итог — полумрак вокруг и только яркое пятно от направленной лампы, высвечивающее ту темноволосую женщину, которую Кэти увидела в дверях особняка, когда так опрометчиво выскочила из аэромоба. К слову, несмотря на испытываемую физическую слабость, только и позволяющую, что держать глаза

открытыми, девушка прекрасно все помнила. И эту даму в клетчатой рубашке, которая, скорее всего, и есть та самая госпожа Разумовская, что ее пригласила, и небо, которое так неожиданно «рухнуло», стоило на него посмотреть, и даже крик Грега, пытавшегося о чем-то ее предупредить, прозвучавший в последний момент перед тем, как ее «придавило».

Не имея возможности из-за слабости даже пошевелиться, Кэти лежала и просто рассматривала доступную ей картинку. Альберта Яновна, сидевшая в большом и уютном кресле чуть в стороне от кровати, была видна хорошо. Темно-русые коротко подстриженные волосы, симпатичное, но уже немолодое лицо и явно худощавая немного нескладная фигура. Фланелевая красно-черная рубашка, которую только и успела увидеть в тот первый момент Кэти, и потертые светло-синие джинсы, рассмотренные уже сейчас, отчетливо подчеркивали и немного сутулящуюся спину, и длинные, как-то неловко сложенные ноги. Во что обута была пожилая дама, разглядеть не удавалось, так как вытянутые ноги ее выходили за тот круг, что ярко высвечивала стоящая рядом напольная лампа.

Так и не находя в себе сил двинуть даже головой, Кэтрин одним лишь взглядом окинула комнату. Кровать, на которой она лежала, судя по изножью, была довольно широка. Противоположная стена едва виднелась в потемках, но ее явная отдаленность довольно явно обозначала, что помещение, в общем-то, не маленькое. Плотные шторы на окне были сдвинуты, не давая понять от чего так темно в комнате, и вызывало закономерные вопросы: сколько она уже здесь лежит и как долго была в обмороке? Что в свою очередь вопрошало: а что это такое вообще с ней приключилось?

Видимо Кэти все-таки пошевелилась, потому что женщина в кресле встрепенулась, отложила вязание и, сделав свет поярче, поспешила подойти к ней. Теплая ладонь ее опустилась на голову девушки, а сама она мягко произнесла:

— Пришла в себя, милая? Ну, ничего-ничего, теперь все будет хорошо, — и погладила Кэтрин по волосам, как маленькую.

Этот жест незнакомой в общем-то женщины мог и обидеть, и показаться неприятным, но — нет, ничего подобного девушка не испытала, а наоборот, вдруг почувствовала себя уютно и спокойно. А главным было то, что эмоции бабушкиной приятельницы почему-то совершенно не давили, не пытались вклиниться в ее разум, и даже, казалось, не бежали своим чередом мимо, а лишь шуршали далеко-далеко — едва на приделе слышимости.

Комфортно. Спокойно.

— А что со мной произошло? — спросила Кэти у женщины.

— Да как тебе сказать? Слава Богу, ничего страшного не случилось. Это, конечно, не настоящая гипероксия, но все же, твоему организму, привыкшему к кондиционированному воздуху, было явно многовато кислорода. А ты, мало того, что вздохнула полной грудью — от души, но еще и в открытое, ничем неограниченное небо посмотрела, что и спровоцировало первое головокружение. Ну, а потом, как следствие, обморок. Все же, вы — городские, очень изнеженны. Такое часто с вами бывает, — со смешком, но как-то мягко и необидно, ответила госпожа Разумовская:

— Грэг должен был тебя предупредить о подобной возможности! Ох, и влетело же ему от Самвэла Сергеевича, после того, как он стабилизировал тебя, и ты уснула. Самвэл — он наш врач, и встречал тебя вместе со мной, как раз вот на такой случай. Но мы очень надеялись все-таки избежать подобной ситуации. Ну, ничего, через пару дней твой организм адаптируется и мы тогда уже без всякого риска для здоровья начнем знакомство и с небом, и с морем, и с открытыми просторами, — также улыбаясь, продолжила говорить дама. — Да, можешь звать меня просто Альбертой, как принято у вас в городах. Ты же вроде близкий мне человек, почти родственница — внучка моей дорого подруги. Согласна?

Кэти едва мотнула головой, больше показывая глазами, что вполне — не против:

— И вы тогда зовите меня как бабушка — Кэти.

— Тогда уж может лучше — Катя? Мне так привычней будет уменьшать твое имя. Мы здесь почти все из местных. Большинство семей живет на этих землях еще со времен, когда возможность катастроф никто и не предвидел. Так что по привычке часто старый язык используем. Ты, я знаю, тоже русские корни имеешь?

— Угу, и Катей меня вторая моя бабушка называет…

На том и порешили.

Последующие два дня прошли так, как и обещала Альберта Яновна, которую у Кэти, при всей городской привычки общения, пока не всегда получалось называть просто по имени. То есть, эту самую адаптацию, девушка прочувствовала на себе полностью — никогда Кэтрин за собой не подозревала, что способна быть настолько слабой, хрупкой и… сонливой.

День складывался для нее примитивно просто: завтрак — и поспать, обед, а потом опять покемарить чуть-чуть, ну, и соответственно, ужин, сразу по завершении, укладывал ее

слабенькую в постель. Конечно, она пыталась бороться с этим! Но… засыпала там, где успевала присесть — в кресле в гостиной, в шезлонге на террасе и даже как-то на ступенях лестницы, что вела вниз к морю. Раздражало это Кэтрин неимоверно. Но поделать она ничего не могла. Альберта с улыбкой вздыхала, глядя на нее, и успокаивала:

— Это все свежий воздух, милая. Ничего, привыкнешь.

А пока Кэти оставалась только одна радость — поесть. О, да! Это было нечто!

Не то, что бы она никогда не ела продуктов, выращенных в естественной среде… бывало, конечно. У той же бабушки Лизы в гостях, которая, являясь одним из лучших специалистов по реабилитации после комплексного омоложения, естественно не бедствовала и кроме немаленькой квартиры на верхнем уровне, личного аэромоба и других доступных роскошеств, могла себе позволить и натуральное питание. Но бабуля все-таки жила в городе и, если честно, никогда совсем уж предвзято не относилась к тому, что могли предложить пищевые комбинаты. То есть, на ее столе вполне мог появиться салат из завозных, натурально выращенных, редиски с зеленью и яйцами, выгнанными в питательном растворе.

А здесь… каша на молоке, только что из под коровы, и клубника с грядки, которую едва успели помыть перед подачей на стол. Какова разница? Да огромная! Один запах такой, что кажется, только им наесться можно! Ну, а к этому стоит добавить, что, оказывается, в природе существуют продукты, которые Кэти в принципе не видела и никогда не пробовала. Те же черешня или вишня, про которые Грэг рассказывал, когда они летели над садами. Нет, сами названия, вроде слышала — джем черешневый, к примеру, или сок вишневый. И даже картинки видела. Кстати до ужаса похожие одна на другую ягодки.

Аха, похожие. Так вон и у людей — нос, рот и два глаза на лице, а, поди ж ты, на двоих таких раз посмотришь и не перепутаешь.

И тут, одна сладкая, немного водянистая, но сочная такая, что полный рот сока! С виду не сильно округлая, как будто из граней сглаженных, и блестящая — аж глянцевая! А другая чуть мельче, цвета однотонного, без оттенков и кожица — тоненькая, чуть шероховатая. На вкус же — терпкая, с резковатым запахом, легкой кислинкой и более плотной мякотью. Мда, и косточки… вот потому городские комбинаты таких ягод и не производили. На небольшом кусте, на гидропонных грядах, как ту же клубнику или даже голубику, не вырастишь, а создавать в питательном растворе продукт, внутри которого несъедобная кость, уже

нецелесообразно. Вот и гнали пюре, пригодное для джема и сока, а для правдоподобности картинку… похоже, одну и ту же, лепили.

Вот… из-за тех же костей у нее и рыбу отобрали, когда девушка с непривычки ими давиться надумала. Кто ж знал, что она такой бывает, а не только порционными полностью съедобными кусками? На тарелке она лежала целиком, как на картинках в учебнике — вместе с башкой и хвостом. Форелькой называлась, выглядела чудно — золотясь аппетитной зажаренной корочкой, да и пахла тоже. Длиной была чуть больше ладони Самвэла Сергеевича, который, сначала за одним с ними столом сидел, а потом Кэти от костей спасал… она по незнанию их пережевать пыталась.

Ах, да! Еще одним потрясением в те дни для Кэтрин стали собаки. Такие большие, что голова, положенная ей на колени, казалась непреподъемной, а поданная лапа, едва умещалась в ладони. Два здоровенных, почти полностью белых алабая, с именами греческих богов Арес и Афина, и, наверное, с не меньшими, чем у тех достоинством и высокомерием, практически неотрывно следовали за хозяйкой дома повсюду.

До этого момента весь опыт отношений с животными для Кэти ограничивался парой походов в зоопарк, да редким наблюдением за каким-нибудь котом или мелкой собачкой на руках клиенток конторы с верхнего уровня, так как только его жителям разрешалось содержать в жилых блоках некрупную живность. Хотя, возможно, сюда же, в смысле в опыт общения, можно занести и бабушкиного попугая, довольно голосистое, наглое и неприятное создание, которое временами можно было заткнуть, только накрыв его клетку темной тканью. Но Елизавета Андреевна данного скандалиста почему-то очень любила, и Кэтрин, как понимающая внучка, с ней не спорила, впрочем, всегда помня, что заветное покрывало — вот оно, рядом.

Так что сначала девушка была в ужасе, затаив дыхание, наблюдая, как огромные тяжеловесные животные свободно разгуливают по дому. И видя, как гостья впадает в полуобморочную оторопь только от того, что жесткий хвост, проходящего мимо пса, задел ее, Альберта Яновна выдворила собак на улицу. Но те, выйдя послушно из дома, далеко не уходили и, оставаясь возле особняка, заглядывали в окна столовой, встав лапами на низкий подоконник, или садились сразу за стеклом, составляющим стену обширного холла и грустными, чуть не слезящимися глазами заглядывали внутрь. А то и вовсе пытались завести хриплыми голосами тоскливую руладу. Кэти уже ровно через день такого концерта не выдержала

и клятвенно пообещала, что постарается в обморок не падать. И постепенно, видя с какой легкой простатой все в доме, включая и постоянных служащих, и приходящих составить им с Альбертой компанию за едой Грега и Самвэла Сергеевича, относятся к собакам, Кэти и сама постаралась посмотреть на них по-другому.

А потом оказалось, что она может и их эмоциональный фон ощущать. То, что испытывали животные, не складывалось в многослойные букеты, было более примитивным, не таким «резвым» и стремительно меняющимся, как у людей. И, соответственно, «читать» их было ощутимо легче, и их переживания не несли в себе такого тяжелого отката, как людские.

Лично к ней собаки были практически равнодушны и никакой агрессии совершенно не испытывали. Но когда она в первый раз отважилась погладить одну из них, ту, что была поменьше, то почувствовала к себе нечто покровительственное и легко читаемое, типа: «— Давай, потрогай меня уже, и заканчивай фонить адреналином!», что и было озвучено смеющейся Альбертой. Вот с того момента, собственно, ей, то есть непосредственно самой Кэти, и начали голову на колени класть и лапу подавать. А сама она ловила очередные новые ощущения — жесткость, но и приятную шелковистость шерсти, скользящей между пальцами, влажность прохладного носа, тычущегося в ладонь и… терпкий, мускусный, довольно специфический, но, в общем-то, не сильный и не отталкивающий запах.

5 (2)

И вот, на третий день, после очередного вкусного и опять сумевшего поразить своей необычностью обеда, Кэтрин поняла, что прилечь ей сейчас уже и не хочется. На радостях было решено идти к морю.

Если фасадом особняк выходил на центральную площадь поселка, то вот задней своей частью он оказывался как раз на самом краю кручи, которая нависала над бесконечной водной гладью. Стеклянные двери холла вели на террасу, которая заканчивалась лестницей вниз.

Довольно большое пространство, за автоматически открывающимися створками, было выложено камнем «дикарем», обсажено по кругу цветами и укрыто решеткой перголы с недозревшим еще виноградом на ней. Легкий ветерок, ненавязчиво проскальзывая под тяжелую лозу, дарил прохладу и вплетал солоноватые нотки морского бриза в терпкую сладость, источаемую нагретыми солнцем розами. Именно здесь, в ажурной тени от листьев, и засыпалось Кэти так сладко в послеобеденное время в предыдущие дни. Но сегодня, почувствовав прилив бодрости, а не сонливости, девушка решительно пересекла уютную террасу и направилась к спуску, ведущему на пляж.

Зная по опыту, что стоит только бросить взгляд на открывающиеся просторы с того места, где начинаются ступени вниз, то на нее вновь «нападет» головокружение, а ноги откажутся идти, Кэти сосредоточилась на самом процессе спуска — не поднимая головы она принялась считать шаги.

«— Раз, два, три… семьдесят восемь…» — на этой цифре под ногами образовалась площадка, а возле ее бортика скамейка. Уже немного запыхавшаяся девушка, с облегченьем вздохнув, присела на нее.

— Ох, вы и нежные, городские! — рассмеялась Альберта Яновна, которая, несмотря на возраст, даже не сбилась с дыхания и так и осталась стоять, не пытаясь примоститься рядом с гостьей.

Впрочем, произнесено это было, как обычно — легким и совсем необидным тоном, да и само замечание было верным по сути, так что Кэти с улыбкой согласно кивнула:

— Я даже и не ожидала от себя такой изнеженности! Никогда, ведь, не пропускала положенных законом занятий в спортзале!

— Это все закрытое пространство, в котором вы живете, и кондиционированный воздух, — ответила женщина, на ее в

какой-то мере недоуменные восклицания.

Пляж, до которого они все-таки добрались спустя почти полчаса и четыре площадки, уютно расположился в неглубокой бухточке, ограниченной с обеих сторон сползающими прямо в воду все теми же косыми плитами, из которых и состоял крутой прибрежный склон. Мелкокаменистый и неширокий берег полого убегал вглубь прозрачной воды. Волны, накатывающие на него, едва колыхались, почти не создавая пены, и лишь лениво шуршали перекатывающимися в них камешками.

Слева, на небольшом отдалении от того места, где они спустились, на пляж выходило ущелье. Казалось, гора треснула и между скошенными коричнево-серыми пластами выпустила зеленую полосу леса, который не только «победил» и «разорвал» каменный склон, но еще и «выплеснулся» кустами и едва видимой речушкой до самой кромки прибоя.

— А там спуска нет? — поинтересовалась Кэти у Альберты, кивнув подбородком на расщелину.

— Есть, конечно. Но вот удобной лестницы там действительно нет. А спуск — это обрывистая тропа, которая кроме камней на самой дороге еще и заплетена корнями. Дело в том, что флора этого места уникальна — там сплошь реликтовые сосны и можжевельники. Мало того, что эти деревья и кустарники пережили экологические катаклизмы недавних веков, но и в целом растут здесь со времен плиоцена. То есть, без видимых изменений существуют на этом месте более двух миллионов лет. И мы, местные жители, посчитали себя не вправе мостить там какой-то искусственный спуск, — и увидев заинтересованный блеск в глазах своей собеседницы, старшая женщина с улыбкой добавила: — Мы обязательно пройдемся там, но тогда, когда ты полностью адаптируешься.

Тем временем, пока они осматривались и разговаривали, андроиды раскинули два шезлонга, установили над ними зонты, а между — маленький столик, на котором расположили фрукты и воду в контейнере со льдом.

Купаться, конечно же, Кэти не пошла. Ее, еще не привыкшую к открытым пространствам в принципе, уходящая вдаль волнующаяся и блекующая на солнце гладь ужасно пугала. Казалось, стоит ступить чуть поглубже и какое-нибудь морское чудовище ухватит тебя за ногу и утащит под воду. И никакие уверения Альберты, что на их дронах установлены самые современные и лучшие низкочастотные биперы, на девушку не действовали. Какими-то ненадежными смотрелись в роли грозных охранников маленькие «пузаны», что выполняли при них обязанности носильщиков и официантов. Да и собаки, в обычной

жизни казавшиеся громадными и тяжеленными, на фоне этого безграничного простора вдруг увиделись не такими уж и значимыми.

Тем более что перед приездом сюда Кэти специально разузнала все, что касалось местной живности. И по результатам этого ознакомления выходило, что именно море как раз и населено всякими постапокалипсическими монстрами. Целые полчища чудовищ, которых изначально в Черном море и не было, теперь заполняло его. Акулы всех размеров, гигантские спруты, поднявшиеся с глубин от землетрясений и подводных выплесков лавы, и какие-то мелкие зубастые рыбешки, нападающие стаями, которых и не существовало в природе до произошедших несколько веков назад экологических катаклизмов. Впрочем, без подобных подселенцев не остался ни один внутренний водоем, имеющий проливы, соединяющие его с мировым океаном.

Тем не менее, сама госпожа Разумовская купаться, естественно, пошла. Так что, несмотря на то, что один из дронов, отстегнув «голову» и запустив ее в воздух, неотрывно следил за женщиной, да и собаки полезли за ней в воду, но побеспокоиться Кэти все-таки пришлось.

И как оказалось, не напрасно! А ужас, который пережила она, когда в отдалении над волнами замелькали острые плавники, можно было назвать всепоглощающим!

Дыхание перехватило и голос, который был ей нужен, чтоб дать знать Альберте о приближающейся опасности, застрял где-то в перекрытом спазмом горле. Сердце подскочило и зависло там же, а ноги и подавно забыли, что они имеются в наличие. И уже через мгновение, как Катрин заметила в воде приближающихся чудовищ, сама она лежала ничком на гальке и лишь краем глаза могла отслеживать их продвижение. А когда черные треугольники плавников замелькали вокруг едва видимых в волнах голов Альберты и собак, девушка уже сама закрыла глаза, не желая смотреть на тот ужас, что должен был сейчас развернуться перед ней. И даже пронзительная сирена, которой взвыл склонившийся над ней робот, не помешала Кэти впасть в блаженное забытье.

В себя она пришла от резкого запаха, ввинтившегося в нос, и капающих на разгоряченное лицо холодных капель. Дрон, которого девушка видела в последний момент перед обмороком, так и стоял рядом. Но теперь он имел «лицо», вернее, с выдвинувшегося экрана на нее смотрел обеспокоенным взглядом Самвэл Сергеевич. А вода, которая холодила и щекотала щеки, стекала с мокрых волос Альберты Яновны. Собственно, нашатырь, шибающий прямо в мозг и приведший ее в чувства, тоже был заслугой женщины, так как именно она держала под самым носом

Кэтрин раздавленную ампулу с этой гадостью.

Афина с Аресом, чувствуя испытываемую хозяйкой панику, настороженно топтались рядом и уже, похоже, начинали обсыхать, отчего аммиачная вонь еще и дополнялась острым запахом псины.

— Катенька, пришла в себя?! Что ж ты так? На солнышке перегрелась с непривычки? Ты ж, вроде, все время в шляпке и под зонтиком была! — меж тем причитала бабушкина подруга, и эмоции ее ввинчивались в сознание Кэти не менее резким штырем, чем букет из сильно пахнущего лекарства и сырой собачьей шести. В них едкой горечью сквозил испуг, кислотной резкостью раздражало чувство вины и последней неприятной составляющей этого комплекта, была растерянность. Вроде бы и легкое чувство — почти воздушное, почти необременительное, но вкупе с двумя другими и оно представлялось ядовитым туманом.

«Хлебнув» этого эмоционального коктейля, Кэтрин по привычке постаралась сначала «разогнать» горько-кислое марево, а потом, чтоб не попасть под следующий всплеск, «закрыться» от переживаний женщины.

Как всегда ее помощь оказалась действенной — сразу же, как мягкое влияние «погладило» взбудораженные эмоции, резкие морщины на лбу Альберты разгладились, из глаз ушел испуг, а горестные складки, кривящие губы, преобразились и растянули их в улыбке:

— Тебе лучше? Да? Вот и румянец на щечки возвращается. Ох, и напугала ты меня, малышка! Вроде неплохо себя чувствовала, а тут вдруг сразу — бух и в обморок!

— Да мне неплохо было, я за вас испугалась! На вас же акулы напали! Это от страха я сознание потеряла! От того, что сама сделать ничего не могла, а дроны, почему-то, бездействовали! — воскликнула в ответ Кэти, тоже не сдержав эмоций, при этих словах лихорадочно ощупывая фигуру женщины глазами.

— Катенька, ты подумала, что на меня напали акулы?!! Да это ж дельфины!

— Но они такие большие, и плавники у них высокие и темные!

— Так, то афалины, они и раньше-то до трех метров вырастали, а после того, как воды нашего моря стали теплее, то теперь часто и до четырех дотягивают. Но они как были очень дружелюбными животными, так такими же и остались. А эта стая, вообще, в нашу бухту постоянно заходит. Наша молодежь, да и детвора тоже, их прикармливают, а потом играют. Дельфины — это же очень хорошо, значит, всяких монстров поблизости нет!

«— Понятно… конечно, но кто ж знал?» — думалось Кэти,

пока она осторожно поднималась с камней. Как, оказалось, упала она довольно аккуратно, так что никаких заметных повреждений в своем теле девушка не обнаружила. Присела пару раз, согнулась — разогнулась, покрутила головой.

— Ну что, девочки? Вижу, у вас все хорошо, — пробасил меж тем с экрана Самвэл Сергеевич, — пойду я тогда, дел много. Зовите, если что, — после этих его слов монитор померк и втянулся в «голову» дрона, а они с Альбертой Яновной опять остались одни. Не считая, конечно, собак и роботов.

— Выпей зеленого сладкого чаю со льдом, после обморока не помешает, — предложила женщина, заботливо устраивая Кэтрин на шезлонге, — и посмотри на дельфинов — занимательное и очень расслабляющее зрелище. Они теперь еще с час в бухте резвиться станут.

И действительно, афалины никуда не уплыли, а так и продолжили плескаться на небольшом отдалении от берега. «Оторванная башка» дрона, которая раньше следила за купающейся женщиной, теперь кружила над расшалившейся стаей и переодически скидывала в воду по нескольку рыбешек. По всей видимости, угощение было захвачено еще из дома и общение с дельфинами предполагалось заранее, возможно даже, в качестве приятного сюрприза для нее. Просто никому даже в голову не могло придти, что гостья, поднабравшись всякой жути из инета и головизора, так воспримет их появление.

Холодный чай, как и ожидалось, взбодрил, а представление, которое устроили афалины, было по-настоящему увлекательным, но вот расслабиться Кэти как-то не удавалось. Какая-то неявная мысль на периферии сознания не давало покоя, намекая мерзким зудом, что она упускает что-то важное.

Сосредоточившись, девушка стала вспоминать последние дни и события, составившие их. Перебирая слова и поступки, сказанные и сделанные ими с Альбертой, Кэтрин пыталась докопаться до того действия или фразы, что засело занозой в ее подсознании.

Все, вроде, шло хорошо. Бабушкина подруга оказалась очень приятной женщиной. Ее забота была весьма предупредительной, но в тоже время ненавязчивой. Отношение пожилой дамы к ней, молодой гостье, очень напоминало мягкую и всестороннюю поддержку бабушки Лизы. Внимание той также выглядело, как нечто само собой разумеющееся, она также ласково на русский манер называла девушку Катенькой, и практически также никогда не давила эмоциями, зная о ее слабом месте. Мда… также не давила… потому, что знала…

Ага. Заноза нашлась… и оказалась таким бревнищем, что

напугала Кэтрин похлеще давешних акул! Опять перехватило горло, мысли спутались, а по рукам и ногам пробежала холодная дрожь.

А едва с нее слетела первая жуть, и наладилось дыхание, девушка сняла блок со своего восприятия и открыла его для эмоций Альберты.

Та… опять совершенно не фонила, едва-едва отображая нечто радужно-радостное, и была полностью занята дроном, который под ее управлением скидывал рыбки дельфинам поштучно, отчего животные, разойдясь в игре не на шутку, выпрыгивали из воды на несколько метров вверх, делая перевороты.

— Видела, как наша ребятня их натренировала?! — восторженно воскликнула женщина. Но, не дождавшись ответа, с усилием оторвала глаза от афалинов и посмотрела на молчавшую гостью. — Катенька, что случилось?! Тебе опять плохо?! — озаботилась она ее состоянием, увидев побледневшее лицо. Но вот эмоции свои в этот раз Альберта смогла удержать, чем только поддержала в Кэти испуг.

— Девочка, что с тобой происходит?! Ты почему так на меня смотришь? Что случилось? — уже не на шутку разволновалась женщина и, забыв о дельфинах совсем, направилась к шезлонгу, на котором, поджав ноги, скрючилась, незнающая, что делать, Кэтрин.

— Вы что-то знаете обо мне?! — воскликнула она, глядя на идущую к ней женщину, как на приближающегося хищника.

Это было настолько необычно и… страшно осознавать, что твою тайну знает совершенно чужой тебе человек. И девушка просто не понимала, как себя ощущать в этом новом для нее осознании. Кроме родных о ее способностях знали только друг Филька и Джо… ну, и, возможно, Оливер. Кэти подозревала, но доподлинно не знала, а сам миляга-толстяк так, ни разу, это подозрение и не подтвердил, постоянно транслируя лишь искреннюю симпатию.

И вот — пожалуйста, практически незнакомая ей женщина, вполне умело скрывает от нее свои эмоции, а она, как дура, еще и радуется, что с ней рядом так комфортно! А сообразила, что дело нечисто, только когда та на испуге не смогла сдержать барьер. Но, раз сорвалась… тогда получается, что испуг был вполне искренним и женщина заботиться о ней от души. А значит… зная ее тайну, в общем-то, вреда ей причинить не хочет.

Кэтрин тряхнула головой, пытаясь собрать мысли в кучу и быстро решить, как теперь себя вести в новых обстоятельствах.

Альберта тем временем, видя испуг девушки, приостановилась и присела, стараясь стать меньше ростом — так

делают обычно, когда хотят подманить насторожившегося котенка или щенка:

— Да, я знаю о тебе, девочка. Знаю, что ты особенная. Мысли читаешь, — не стала скрывать своей осведомленности женщина. — Прости меня, пожалуйста — все это выглядит не очень красиво, но я хотела поговорить с тобой об этом позже, когда мы познакомились бы поближе. Но, видимо придется поговорить сейчас, иначе ничего у нас не сложиться — ни добрых отношений, ни отдыха для тебя, ни малой надежды для меня.

— Чего вы хотите?! И с чего вы взяли, что рассказав мне что-то, вы завоюете мое доверие? Мне, например, сейчас очень хочется, вообще, уехать отсюда побыстрей! — воскликнула Кэтрин, продолжая настороженно смотреть на сидящую в двух шагах от нее женщину.

— Что ж, если ты доверяешь только своему дару, то… читай, — с этими словами женщина поднялась с коленей, отступила к своему шезлонгу и легла, откинула голову и закрыла глаза.

Кэти тут же ощутила, как барьер, которым та довольно успешно отгораживалась от нее, растворяется, выпуская наружу чувства. Эмоции, что хлынули через него, были очень яркими и состояли из отдающего гарью разочарования, едкой досады и немного дрожащей, как подтаявшее желе, грусти, при этом, направлены они были внутрь. То есть, женщина переживала их сию секунду и недовольство, которое она испытывала, было направлено на саму себя.

Убедившись, что в данную минуту лично к ней пожилая дама никаких негативных чувств не испытывает, Кэтрин отважилась «поднырнуть» под то, что лежало в ее мыслях на поверхности. А там… было много всего: нечто густое и вязкое, мрачно-черное и «пахнущее» застоявшейся горечью. «Подкравшись» к этому «нечто», Кэти постаралась «разглядеть» отдающий прелью сгусток и понять из каких отдельных чувств он состоит. Что там было? Тоска, безнадежность, привычно-ноющая боль, как в застарелой ране, и та самая замеченная в первый момент горечь, возникновение которой было не совсем ясно. Кэти «присмотрелась» к ней и ахнула — то, что имело такой едкий привкус, оказалось… надеждой! Просто от долгого соприкосновения со всем остальным она давно растеряла положенную ей сладость.

— Как вы с этим живете?! — пораженно воскликнула Кэти, уже забыв собственные страхи и обиды, настолько тяжелым грузом показались ей чувства Альберты, которые та носила в себе.

— Как-то живу… если честно, то не очень… — невесело

усмехнувшись и неопределенно пожав плечами, ответила женщина.

— И какое отношение это все имеет ко мне? — тихо спросила девушка, уже понимая, что «это» так просто и для нее не пройдет стороной.

Тяжело вздохнув и «пахнув» обреченностью, пожилая дама сказала:

— Я тебе сейчас поведаю историю своей жизни, а ты сама решишь потом, захочешь ли иметь отношение ко всему «этому». Потому как, без твоего искреннего согласия все равно ничего не получится.

Прошло несколько часов, а они с Альбертой все также оставались на пляже. Женщина давно уж замолчала, но продолжала сидеть на своем шезлонге, задумчиво вглядываясь в розовеющую полосу над морем — все, что на данный момент осталось от роскошного заката, под яркие всполохи которого она и завершила свой трагический рассказ. Да и Кэтрин впала в какое-то настороженное забытье, пережив те же эмоции, которые испытала и Альберта, озвучивая свою историю.

Собаки, во время их разговора носившиеся где-то в районе речки, теперь, набегавшись, лежали рядом, спокойно положив крупные головы на лапы и жмуря глаза.

Один из дронов выдал им по пледу и «уселся» между ними, включив инфракрасный обогреватель, а остальные рассредоточились по пляжу, застыв в отдалении.

Несмотря на еще розовеющий закат и довольно светлый запад, темнота уже наползала из-за каменных осыпей, ограничивающих визуально пляж, а с лощины потянуло туманом. Откуда-то, возможно, из той же лесистой расщелины, слышались переливчатые птичьи трели, которые, то вплетались в тихий шорох волн, то взвивались ввысь, и подхваченные легким бризом, уносились куда-то вдаль. А небо, все более наливающееся ночной тяжестью, заполнялось сияющими звездами.

Все вокруг дышало покоем. Мягкие пледы и тепло, излучаемое дроном, не давали замерзнуть от вечерней свежести телу, а горячий травяной чай согревал изнутри. Но вот женщины, и молодая, и пожилая, чувства комфорта и довольства явно не испытывали. Старшая из них, как и было сказано выше, уже минут десять, не меняя позы и напряженно стиснув руки, сидела и смотрела на закат. Но и поза ее, и мерное покачивание, и остановившийся взгляд, говорили о том, что, похоже, нежных вечерних красок она и не видела, а настойчиво разглядывала что-то внутри себя, что всколыхнула ее память. Кэти же, пыталась

отрешиться от тех ужасных переживаний, что столь наглядно показала ей Альберта, и решить, как быть дальше.

От нее ждали помощи, при этом, в положительный ответ практически не веря, но, тем не менее, предлагая свехдостойную благодарность, и этим самым питая горчащую от того неверия собственную надежду. Конечно, кто-то другой обозначил бы данное предложение более прозаическими терминами: услуга и оплата. Но Кэти, пережив все эмоции параллельно с Альбертой и ощутив их искренность и горячность, была склонна воспринимать все именно в том благородном ключе и трепетных формулировках, в каких это и было изложено ей — мольба о помощи и безмерная благодарность за оказанную поддержку.

5 (3)

Прошло несколько часов, а они с Альбертой все также оставались на пляже. Женщина давно уж замолчала, но продолжала сидеть на своем шезлонге, задумчиво вглядываясь в розовеющую полосу над морем — все, что на данный момент осталось от роскошного заката, под яркие всполохи которого она и завершила свой трагический рассказ. Да и Кэтрин впала в какое-то настороженное забытье, пережив те же эмоции, которые испытала и Альберта, озвучивая свою историю.

Собаки, во время их разговора носившиеся где-то в районе речки, теперь, набегавшись, лежали рядом, спокойно положив крупные головы на лапы и жмуря глаза.

Один из дронов выдал им по пледу и «уселся» между ними, включив инфракрасный обогреватель, а остальные рассредоточились по пляжу, застыв в отдалении.

Несмотря на еще розовеющий закат и довольно светлый запад, темнота уже наползала из-за каменных осыпей, ограничивающих визуально пляж, а с лощины потянуло туманом. Откуда-то, возможно, из той же лесистой расщелины, слышались переливчатые птичьи трели, которые, то вплетались в тихий шорох волн, то взвивались ввысь, и подхваченные легким бризом, уносились куда-то вдаль. А небо, все более наливающееся ночной тяжестью, заполнялось сияющими звездами.

Все вокруг дышало покоем. Мягкие пледы и тепло, излучаемое дроном, не давали замерзнуть от вечерней свежести телу, а горячий травяной чай согревал изнутри. Но вот женщины, и молодая, и пожилая, чувства комфорта и довольства явно не испытывали. Старшая из них, как и было сказано выше, уже минут десять, не меняя позы и напряженно стиснув руки, сидела и смотрела на закат. Но и поза ее, и мерное покачивание, и остановившийся взгляд, говорили о том, что, похоже, нежных вечерних красок она и не видела, а настойчиво разглядывала что-то внутри себя, что всколыхнула ее память. Кэти же, пыталась отрешиться от тех ужасных переживаний, что столь наглядно показала ей Альберта, и решить, как быть дальше.

От нее ждали помощи, при этом, в положительный ответ практически не веря, но, тем не менее, предлагая свехдостойную благодарность, и этим самым питая горчащую от того неверия собственную надежду. Конечно, кто-то другой обозначил бы данное предложение более прозаическими терминами: услуга и оплата. Но Кэти, пережив все эмоции параллельно с Альбертой и ощутив их искренность и горячность, была склонна воспринимать

все именно в том благородном ключе и трепетных формулировках, в каких это и было изложено ей — мольба о помощи и безмерная благодарность за оказанную поддержку.

А вот последующая за этим вечером ночь далась Кэти тяжело. Толи она просто выспалась за последние дни, толи вздернутые рассказом Альберты нервы так расшалились, толи все это вместе, вкупе с необходимостью поутру дать ответ, так накрыло ее своей тяжестью. Но вот теперь, вместо того чтоб как и в предыдущие дни крепко уснуть под убаюкивающий стрекот каких-то громкоголосых насекомых, девушка сидела в кресле возле открытой балконной двери и изводилась нежелающими стихать переживаниями.

История, что была ей рассказана, и начавшаяся, как светлая сказка об эдакой современной Золушке, в результате пришла к такому мрачному завершению, что даже не будь Кэтрин столь чутким эмпатом, то и тогда, наверное, не смогла бы так просто отринуть то горькое «послевкусие», что застряло после нее в чувствах. Оно наползало своей давящей беспросветностью, не давая мыслям вырваться из замкнувшегося круга, и продолжала скользить вновь и вновь, перебирая события чужой жизни.

Родилась и росла Альберта, как оказалось, тоже на диких территориях. Да и училась, в отличие от большинства молодых людей современного мира, тоже. Только не на землях какого-то богатого собственника, а в так называемом городище.

Что это такое? Вот и Кэтрин до момента беседы с бабушкиной подругой о подобных поселениях, расположенных вне стен Городов, даже не слышала. А потому начало рассказа, озвученное Альбертой, как нечто отвлеченное и почти не окрашенное какими-то яркими эмоциями, воспринялось Кэти легко и даже вызвало немалый интерес.

Родной поселок, как и Пшеха, был не крупным, насчитывающим пару-тройку сотен домов и, соответственно, не более тысячи, проживающего там народа. Впрочем, поселения на диких землях в принципе редко бывали большими. Как тогда, лет сто тридцать назад — в детство и юность Али, так и сейчас — в наши дни, люди вне куполов жили небольшими общинами.

Их поселок, образованный возле поместья одного из членов семьи Азуле, был небольшим, но довольно богатым. Народ, населяющий его, жил в полном благополучии и конфликтов с собственниками земель давно не имел. Так что дома поселян были с большими приусадебными наделами и передавались по наследству, в распределении работ присутствовала клановость, а нажитая собственность была немаленькой. Люди зарабатывали

хорошо и имели возможность, живя на земле, иногда радовать себя и поездками в города, со всеми их доступными развлечениями. А детям давать образование, по крайней мере, не хуже, чем жители средних уровней мегаполисов.

К этим же годам успело образоваться и множество мелких городков на диких территориях, которые и стали называться Городищами. Дело в том, что пока не были приняты законы о «Майоратном праве» и «Минимальных долях», составленное любящим папочкой завещание… или наоборот — его отсутствие, иногда дробило оставляемые наследникам земли на очень маленькие осколки. И в итоге, оставшийся в наследство земельный лоскут мог составлять не более десятка гектаров, и, соответственно, «прокормить» своего хозяина был не способен. Что-то из этих «огрызков», конечно, покупалось более крупными землевладельцами, что-то соединялось в один приемлемый по размерам участок с помощью договорного брака или просто при объединении в товарищество, но кое-что так и оставалось само по себе — именно в таком виде, в каком и досталось собственнику.

Таким образом, на стыках частных территорий и стали образовываться городища. Да, такое наименование маленьких по площади, но емких по застройке и заселению участков, может и звучало насмешкой, но другие их названия как-то не прижились. Но, собственно, по своей сути они таковыми и были. Тесные нагромождения многоэтажных домов вдоль узких кривых улочек и единственное открытое пространство в центре, совмещающее в себе рынок и посадочную площадку для аэромобов. И все это с видимым усилием втиснуто в границы малой собственности Хозяина, как в древние времена предками своих теремов и поклонного места в кольцо защитного частокола.

Экономически такие городища выживали за счет разных торговых представительств, имеющих здесь офисы, более-менее крупных, по стандартам диких земель конечно, медклиник, и стихийно образовавшихся контор «общественного транспорта», которые содержали по паре-тройке аэромобов большой вместимости — мест на десять, курсирующих между соседними городищами и ближайшим Городом. Так же здесь размещались кое-какие объекты призванные, так сказать, отвечать понятию «развитая инфраструктура». Химчистки там, заведения досуга и развлечений, какие-то совсем уж мелкие предприятия, типа ремонтных мастерских. В общем, все то, чего не было в большинстве поселков, расположенных при поместьях.

А со временем в городищах стали открываться и филиалы некоторых университетов, учеба которых проходилась в очном режиме. Особенно нуждались в аудиториях непосредственно

«близ земли» такие заведения, в которых учили работе с животными и растениями.

Вот в одно из них и поступила в свое время юная Аля. Училась она, конечно же, на ветеринара — специальность, считай, семейную и понятную ей с детства. А по окончании учебы, как и многие из тех, кто поступал на спонсируемое Советом отделение, она уехала работать туда, откуда был сделан запрос на специалиста ее профессии.

Вот так Альберта в свое время и оказалась в Пшехе. Да-да, именно здесь, в поместье, объединившем в себе обширное многопрофильное хозяйство, деревню при нем, сотни на три домов, и массивный особняк, «зацепившийся» за гору и зависший над маленькой бухтой.

Основными направлениями и тогда, и сейчас, для предприятия Пшехи, были садоводчество, виноделие и парниковое хозяйство. Так что штат зоотехников был весьма невелик. На момент прибытия Альберты — это она, молоденькая выпускница, да седоусый Николай Иванович, собирающийся со временем предать ей дела и отправиться на заслуженный отдых, денежки на который, в общем-то, уже давно были им припасены.

Впрочем, хоть деятельность предприятия и не была напрямую связана с разведением какой-либо живности, но вот эта самая живность и в самом поселке, и на маленькой ферме, имеющейся для нужд хозяйского поместья, и уж тем более на конюшне, где содержались лошади для работ в поле, наличествовала в довольно немалом количестве. Так что «погружение» Али в жизнь Пшехи было быстрым и содержательным. Пришлось ей за короткий срок познакомиться не только с непосредственными подопечными, но и с их хозяевами. И в итоге, не прошло и пары месяцев, как и она сама, и люди, окружающие ее, уже считали, что она тут давно и точно надолго.

Альберте все нравилось. Ей выделили домик на окраине поселка и малюсенький двухместный аэромоб. Работа ее, как и мечталось, не была привязана к одному месту, а пользуемая живность не ограничивалась одними коровами или свинками, как было бы, если б ее распредели на животноводческое предприятие. И бонусом ко всему было то, что это столь чудесное место находилось не так далеко от того, где она выросла. То есть, родители и друзья оказывались всего в неполном часе лета на ее аэромобе-малютке.

К этому моменту своего рассказа Альберта даже оттаяла и Кэтрин просто «купалась» в тех бестревожных радостных чувствах, что всколыхнули в женщине воспоминания о юности и самом начале ее жизни в Пшехе. Они даже немного посмеялись,

когда бабушкина подруга, отвлекшись от чего-то горького, но пока неизвестного Кэти, рассказывала о первом своем пациенте здесь, о том, как завела друзей на новом месте и впервые же посетила особняк, который казался ей тогда неимоверно большим и роскошным.

Конечно же, в хозяйский дом она попала в связи со своими прямыми обязанностями. Да, казалось бы, какие животные могут быть в доме, где хозяева не бывают годами? А вот были! И как любым живым существам им иногда требовался доктор.

Хотя в самый первый раз, когда Альберту вызвали в особняк, она, как к своему, так и к общему сожалению, ничем помочь болящему не смогла. И дело было не в ее какой-то профессиональной ошибке, а в том, что пациент был стар, толст и малоподвижен. А его обидчики — сильны, ловки и в самом расцвете их кошачьих лет.

Как уж эти два кота сумели достать подвешенную клетку с той несчастной канарейкой — неизвестно, но они это сделали!

В момент, когда Аля примчалась в особняк, ее глазам предстала картина полного погрома — с разрушенным домом, в виде погнутой проволочной клетки с висящей на одной петле дверкой, пострадавшим, находящимся присмерти — в лице потрепанной канарейки, и горюющими «родственниками», роли которых весьма убедительно исполняли две горничные — Алёна и Оксанка. В дальнейшем ее задушевные подружки.

Как оказалось, нежно оглаживаемая птичка помирала совсем не от когтей агрессоров, а потому что… сильно долбанулась о каменные плиты, которыми был выстлан пол в зимнем саду особняка. Канарейка мало того, что оказалась по всем физическим показателям преклонного возраста, так еще и страдала сильнейшим ожирением, отчего и не смогла улететь, когда кот каким-то образом открыл дверку ее домика.

В общем, в тот раз, как только погоревать вместе с девушками, Аля ничего сделать и не смогла. А вот котов, тех самых птичьих убивцев, она в дальнейшем пользовала регулярно. Поскольку кроме силы и ловкости, как и положено им в расцвете кошачьих лет, они имели еще и такие свойства характера, как наглость и упертость, и практически постоянно участвовали в боях за территории.

Звали котов Тиша и Вася.

Первый, как рассказали Альберте, приблудился сам, лет за восемь до означенных событий, еще подростком. Он был полосат, страшно худ и ужасно голоден, но уже тогда проявил те самые — завидные наглость и упертость. Чем, собственно, и покорил повара, что заправлял на кухне особняка в обычное — не

гостевое, время.

Второй же кот был породист и в оригинальной версии звался, конечно же, не Васей, а Вальдемаром Азалеем Брутом Третьим, как и вычитала в его паспорте Аля. Морду он имел плоскую, ушки маленькие и совершенно непрочесываемую нежно-персикового оттенка шерсть, которую ему просто сбривали почти под ноль, когда котище сильно закашлативался. Все эти чисто внешние атрибуты четко соответствовали его породе, но вот флегматизм и некоторая заторможенность, долженствующие проявляться в его характере, отсутствовали полностью, похоже, только увеличив тем самым долю все тех же наглости и упертости. Когда-то, на заре его кошачьей юности, он был подарен хозяйской матушке — госпоже Зинаиде Михайловне. Но сия уважаемая во всех отношениях дама, будучи тогда уже в очень преклонном возрасте, не вынесла возле себя этого проявляющего не по породе активность кота, и отослала его в деревню. В особняке он появился примерно в том же возрасте, и в то же время, что и Тихон.

Что самое интересное — в драках между собой коты замечены небыли, да и вонючих пометок в доме не оставляли, что послужило поводом для повара Андрюши проявить чисто мужскую солидарность и отвоевать для них сохранность причиндалов. Но именно поэтому с другими котами Вася с Тишей бились смертным боем и, соответственно, в услугах Али нуждались почти круглый год.

Впрочем, хулиганы были биты не только собратьями. Периодически они выхватывали, заслуженно надо сказать, от еще одного условного пациента Али — какаду Арчибальда. Почему условного пациента? Да потому, что вот ему-то как раз ни разу помощь ветеринара и не понадобилась.

Альберте, вот, вообще казалось иногда, что попугай создание вполне разумное. И если затаиться где-нибудь в кустах, то можно будет услышать не только его обычное: «— Дайте Аррчи орррехов!» и «— Дурррни! Дурррни!», в сторону котов, забредших на его личную территорию, каковой он считал зимний сад особняка. Такое отношение девушки к попугаю сложилось не случайно. После его обследования, которое он перенес с достоинством аристократа, она выявила, что возраст какаду превосходит не только ее собственный, но даже по совокупности вместе с кошачьим.

Но вот глупые «дурррни» в зимний сад периодически заглядывали, за что и были биты не раз. Только Але за пару первых лет, что она прожила в Пшехе, пришлось зашивать голову Тише и лапу Васе, раскроенные крепким и острым клювом

Арчибальда. А сколько раз они выхватывали от попугая до нее… и не пересчитать!

А сойдясь с девчонками поближе, Аля стала и в особняке бывать не только по случаю вызова, но и просто так, что называется — пробегая мимо. Тем более что Андрюшка был любителем баловать вкусненьким не только котов, но и симпатичных девушек. И несмотря на то, что свой глаз он явно положил на Оксану, но и Алёнку, и Альберту, он на своей кухне привечать не переставал.

Так и полетели первые годы жизни Али в Пшехе — в полном удовлетворении собой, своей работой и окружающими ее людьми. Палисадник перед домом был засажен розами, привезенными от мамы, казенный аэромоб вскоре и почти полностью стал игнорироваться в пользу тоже казенной, но гораздо более милой лошадки Зарушки, а одиночество симпатичной девушки скрашивалось… нет, не влюбленным в нее парнем, а лохматой и рыжей алабайечкой по кличке Багуль! Да, тоже считай — роза, а на деле — лучшая подружка. И поговорить с ней можно, и прогуляться, да и вкусного чего сготовить, однозначно — на пару!

Впрочем, ухажеров у Альберты тоже хватало. Но вот только не складывалось как-то не с кем…

А спустя года три, как девушка поселилась в Пшехе, в поместье нагрянул и хозяин этих мест — Алексей Разумовский.

На этом месте Альберта Яновна сделала паузу, а Кэти даже пришлось эмоционально отстраниться, настолько трепетные и нежные чувства всколыхнулись в женщине при этих воспоминаниях. А потому рассказ о последующих после приезда Алексея событиях девушка прослушала, как внимательный, но обычный собеседник, просто воспринимая перечисляемые факты. История та, в общем-то, складывалась, что называется, в лучших традициях романтического жанра. Дело не обошлось без красивой высокомерной соперницы, мнящей себя женщиной жизни «главного героя», неприятием высшего общества милой, но слишком простой для столичной жизни девушки, соответствующих сложившимся обстоятельствам коварных интриг и победы настоящей любви над всем этим.

Собственно, и дальнейший рассказ о двадцати счастливых годах, совместно прожитых с хозяином Пшехи, озвучивался женщиной с такой затаенной нежностью в голосе, что и его Кэтрин не стала «пропускать» сквозь дар, не желая нарушать личное пространство собеседницы. Впрочем, перечисленных событий, случившихся за эти годы, было достаточно, чтоб и без приложения способностей стало понятно, что это были лучшие годы в жизни Альберты. Чувства, искренние и обоюдные,

рождение детей, а потом и общее дело, связавшее пару.

К чувствам Кэти близко «не приближалась», а вот про детей и дело слушала внимательно, понимая, что именно эти темы в результате и приведут всю историю к ее ужасному окончанию. Почему девушка это смогла почувствовать, раз не применяла свой дар? Да потому, что именно в моменты упоминания об этом в голосе собеседницы и стали проскакивать… нет, пока не горькие, но уже тоскливые нотки.

Сын Николай родился спустя всего два года после знакомства его родителей, что даже в те годы считалось неимоверно скорым событием и говорило о тех самых безмерно нежных и трепетных чувствах, связывающих пару, и теперь отчасти переживаемые рассказчицей. А всего через пять лет родилась и дочь Аделина.

Ну, а Алексей, на тот момент возглавлявший одну из фракций в Совете Городов, занимался разработкой, а потом и продвижением закона «О легализации населения, проживающего на частных территориях».

Что это за закон такой? Все, что знала о нем Кэтрин из университетского курса новейшей истории, это то, что он был принят в несколько этапов, из которых последний — завершающий, послужил причиной почти для полного роспуска того состава Совета, что принимал его, и случилось это событие… где-то лет сто назад. Точнее сейчас девушка вспомнить дату не смогла, поскольку в учебной программе этот вопрос освещался довольно сжато, можно даже сказать, практически информационно. И, что было замечено студентами многих выпусков и даже обсуждалось как-то на форуме в сети, никогда не попадался в виде вопроса ни на зачетах, ни на экзаменах. А потому и вся тема, понятно, не изучалась никем более пристально.

Так что теперь, когда этот вопрос был затронут Альбертой, для Кэти он прозвучал, как вновь.

Все земли, что остались не разрушенными и не затопленными в период катастроф, как оказывалось на практике, давно кому-нибудь да принадлежали. Сотня — другая семей, что поделили между собой пригодные для жизни территории, распоряжались ими как хотели: делили между своими детьми, отдавали в приданое по брачным контрактам, продавали и покупали, дарили и завещали, но главное — практически ничто и никогда за определенный круг не уходило. Так что люди, хоть и живущие здесь испокон веков и не ушедшие в города даже во времена самых страшных катаклизмов, оказались обитающими на чужой земле.

Благо на той чужой земле приходилось кому-то работать, а

робототехника пока не была столь универсальна, чтобы без помощи человека определять зрелость фруктов, выхаживать заболевших поросят и при этом еще и не ломаться каждый раз, когда ее накроет непогодой. А со временем, когда — то, что было выращено в натуральной среде, стало приносить немалый доход, обогащая собственников земель, то, соответственно, и конфликт между ними и людьми, продолжающими жить вне куполов, сошел на нет. Люди стали более безбоязненно селиться вблизи особняков и наниматься для работы в садах, полях и фермах. Но вот их правовой статус оставался таким же, каким и был — БОМЖ. Так, как во все времена и называли людей, не имеющих своего жилья, закрепленного за ними правом собственности или хотя бы правом на проживание.

Вот именно создавшееся положение дел и пытался изменить Алексей Разумовский с соратниками, разрабатывая закон «О легализации населения, проживающего на частных территориях».

Кэтрин вспомнилось, как Альберта горько усмехнулась в этом месте своего рассказа, видя ее недоуменное лицо. А что Кэти? Она действительно не совсем поняла, что такого ужасного было в создавшейся ситуации, если не далее, как пару минут назад, женщина сама сказала, что без людей, живущих на земле, не смогли бы нормально функционировать ни фермы, ни растениеводческие хозяйства, ни какие-то другие предприятия на диких территориях.

— Эх, девочка, — покачала тогда головой собеседница, — что я хочу от тебя, когда ты об этой проблеме и не слышала, и с рождения имеешь гражданство Союза Городов? Если сама, до встречи с Алексом прожившая вне куполов двадцать семь лет, об этом даже не задумывалась!

А все было действительно плохо, а где-то даже страшно! Если на благодатных землях людей, умеющих жить и работать на земле, действительно ценили, и отношения между простыми поселенцами и собственниками складывались вполне неплохо, то вот там, где климат был не так мягок, или границы территорий граничили с теми, что пострадали от катаклизмов, ситуация была совсем другой. И там, где людей просто сгоняли с обжитых мест за ненадобностью, то это могло считаться еще и не худшим вариантом. А вот там, где и климатические условия были отвратные, и разработка земель под сельское хозяйство не пригодна, а основная ценность территорий была в имеющихся на их просторах каких-то ценных ископаемых, что требовало огромных вложений для получения дохода, то вот там народу приходилось туго.

Бесправные, не имеющие ни жилья, ни возможности

заработать как-то легально — фактически, люди там оказывались на положении рабов. А значит бунты, убийства собственников, последующие наказания и казни уже бунтующих.

Жестко. Кэтрин примо скрутило, когда она попыталась подпустить к себе эмоции переживаемые Альбертой во время этого рассказа. Собственно, та знала, о чем говорила. Поскольку после того, как дети вышли из младенческого возраста и перестали нуждаться в ее ежеминутном внимании, она тоже постепенно погрузилась в это дело, став ассистентом мужа. А иначе — никак. Ему требовался человек рядом, которому бы он безоговорочно доверял.

Ну, а дети? Дети росли. В положенный срок пошли учиться. Старались, добиваясь столь незаурядных результатов, что заставляли родителей не только радоваться их успехам, но и гордиться ими. В положенный срок, сначала Ник, а потом и Дели, закончив школу, поступили и высшие учебные заведения. И если сын пошел по стопам отца, то есть предпочел юридическое образование, а чуть позже присоединил к нему и экономическое, то дочь оказалась человеком творческим, и поступила в единственную во всем современном мире Академию Искусств.

— Вот в те года и случилось мое знакомство с твоей бабушкой, — подвела тогда черту этой части своего повествования Альберта таким голосом, что Кэтрин сразу стало ясно, что все хорошее, что могла она поведать, теперь точно подошло к концу.

Да, именно с этого момента все в жизни женщины пошло под откос. А началом конца послужило в общем-то вполне неплохое событие — Алексей лег в клинику для проведения полного комплекса процедур по регенеративному омоложению. Ведь на момент знакомства Альберты с мужем тому уже исполнилось восемьдесят два, и как бы ни хороши были методы поддержания здоровья до изобретения данной методики, но такого эффекта они все-таки не давали.

На сегодняшний день эти медицинские манипуляции, как знала Кэтрин, вполне доступны по стоимости даже людям со средних уровней мегаполисов. Но вот тогда, почти сто лет назад, это было невероятным новшеством — прорывом в медицине, позволившим увеличить срок полноценной жизни почти вдвое. И, естественно, как все и всегда на начальном этапе, стоило невероятных денег.

Впрочем, Разумовские могли это себе позволить. А сами процедуры и период реабилитации прошли для них в радостном предвкушении долгой совместной жизни и в построении долгосрочных планов.

Но… что-то пошло не так. Сначала думалось, что это временно, все ж методика процедуры являлась новой, и больших наработок по ней пока не имелось. Думалось, что все наладится и организм перестроится со временем. Потом, когда прошло несколько месяцев, а Алексею становилось только хуже и уже сами врачи начали сомневаться в благополучном исходе, была якобы выявлена ошибка при проведении процедуры. Проводились консилиумы, принимались срочные решения, совершались беспрецедентные действия.

И все же… муж уходил. Тихо, постепенно, но неотвратимо. Как будто те десятилетия, вырванные у природы современной медициной, все же взяли свое и наверстали отобранное, превратив цветущего сильного мужчину в древнего старца за короткий срок.

Да, было проведено расследование, выявлены ошибки, а методика отправлена на доработку. И даже вроде кто-то понес наказание за это. А как иначе? Погиб один из виднейших политических деятелей того времени.

Впрочем, как и тогда, так и сейчас, для Альберты это было не важно — так, констатация фактов.

Ей на тот момент не было и пятидесяти. Для нее жизнь на несколько лет превратилась в один затяжной сон с непрекращающимися кошмарами. Слишком дорого женщине обошлись те несколько месяцев, что далинадежду на долгое светлое будущие и такое неожиданное крушение всего, считай, в один миг.

Как постепенно и порой несуразно уходили из жизни соратники мужа по фракции, как оставшиеся из них вдруг неожиданно принимали решение завершить политическую карьеру, а друзья, в общем-то, достойные и серьезные люди, отдалились от нее под разными предлогами, она и не заметила. Аля «заперлась» в Пшехе, сама не желая никого видеть. Только-то и отрады, что дети, приезжающие на каникулы.

А вместе с дочерь в поместье стала приезжать и Амалия… еще не Блайк, а Моретти — сокурсница Дели.

5 (4)

— Девочкой она была удивительно милой и непосредственной, — вспоминала Альберта, рассказывая Кэти о ее бабушке. И даже немного расслабляясь от воспоминаний, которые были ей приятны. — Я тогда еще поражалась, как этот ребенок умудрился сохранять такую жизнерадостность в той странной семье, в которой рос.

Да, слышала Кэтрин о том семействе. Хоть и маленькая тогда была, но то, что рассказывал отец о семье своей матери, ее настолько впечатлило, что запало в память, отложилось на будущее, а осмыслилось уже потом взрослым восприятием. Прадеда называли медиамагнатом и внимание к фамилии Маретти, как к любой не просто богатой, но и знаменитой семье, было постоянным и пристальным. Но на виду всегда оказывался приятный и достойный пожилой господин, любимец не только подконтрольных, но и сторонних СМИ. А вот в семье это был тиран — жесткий, требовательный отец для своих детей. Как уж себя чувствовали его сыновья при таком воспитании, в семье Кэтрин этого не знали, но вот единственной девочке, воспитанной без материнской заботы и таким жестким отцом, там было плохо — это было известно точно.

А потому ничего удивительного в том, что очень юная девочка принимала приглашения подруги погостить у нее, а домой не стремилась, Кэти не видела.

— Твоя бабушка была удивительно талантлива, — говорила про нее Альберта, с удовольствием отвлекаясь от прямого рассказа, в котором все горести, похоже, смертью мужа не заканчивались. — Если моя Дели рисовала хорошо, то вот Ами уже тогда не только художничала, но и писала стихи, пробовала себя в музыке и, вообще, интересовалась любым делом, которое требовало, хоть небольшого творческого подхода. Девчонки жили у меня здесь по два, а то по три месяца, даря и мне своим присутствием радость и успокоение.

А вот Николай приезжал редко, стараясь все свое время отдавать учебе. Каникулы у него были заняты практикой и дополнительными занятиями. Так что было совершенно естественно, что со временем сын отдалился от матери и их общение сошло почти на нет, обозначаясь лишь редкими разговорами по головизору, и то, в основном по случаю праздников.

Время шло, но для Альберты почти ничего не менялось. На получение диплома Ника она в Гренланд не полетела. Нет, не

потому что не захотела, а по той причине, что сын особо и не звал. А несколько последних лет, проведенных в деревне, и замкнутая жизнь почти без общения, тоже сделали свое дело, добавив в характер некогда энергичной женщины несвойственных ей качеств — неуверенности в себе, боязнь встречи с незнакомыми людьми, да и, что уж греха таить, обидчивости.

Впрочем, через несколько лет к дочери и ее подруге на выпуск она ездила. Хотя эти самые, вновь приобретенные качества, большого удовольствия от поездки ей получить не дали. Так что, проведя в городе дня три, Альберта вернулась тогда в Пшеху.

А не прошло и месяца, как туда прилетела Дели и привезла с собой Амелию. Вернее, это Ами устремилась в места, где свободно и хорошо себя чувствовала, а дорогая подруга только согласилась ее сопровождать. Оказывается, девочку выдавали замуж. При этом выдавали за мужчину намного старше ее, совершенно незнакомого, ну и, конечно, согласием невесты тоже никто не озаботился.

Кэтрин, как прадеда, так и деда, никогда не знала, но вот наслышана была об обоих. Эти мужчины друг друга стоили. Потом, значительно позже, когда младший сын, впоследствии отец Кэти, пойдет против воли своего отца, стремясь учиться тому, к чему лежала его душа, был отринут им и просто забыт. А потому свою бабушку, попытавшуюся сбежать от такого брака, она, в общем-то, понимала.

А тогда юная Амалия несколько дней рыдала на руках Альберты, жалея себя, ругая судьбу и отца, и страшась будущего. Но, наревевшись и нажаловавшись вволю, она все-таки вернулась в столицу и, соответственно, пошла под венец — перечить воле отца тогда, в юности, она не смогла. Впрочем, как было известно, спустя двадцать с небольшим лет и став уверенной в себе, сильной и независимой женщиной, она это все-таки сделала.

Хотя и тогда это ей далось не без труда. Нет, господин Блайк жену в ее стремлениях останавливать не стал — у него, видишь ли, на женские капризы времени не было, а именно так он отнесся к желанию Амелии получить развод. Но вот к детям он ее больше не подпустил. И если старшему Томасу на тот момент было уже двадцать лет, и он во много мог и сам решать, как ему вести себя с матерью, то вот младшему Джерому, впоследствии ставшим отцом Кэти, было всего пять. И у него, понятно, свободы выбора не было.

И у самой Ами той свободы выбора тоже не было. А потому, попытавшись сразиться с ненавистным мужем, как и положено — в суде, и поняв, что в любом случае проиграет, поскольку на

стороне зятя решил выступить и такой же ненавистный папочка, она в расстройстве сбежала из столицы. Куда? Понятно — в Пшеху. Где и прожила пару лет, пока не смогла смириться со сложившимся положением дел, а ее неугомонная натура не потянула из глуши.

— Вот тогда наши отношения с Амелией и переросли те, что были хоть и доверительными, но все же больше отвечающими понятию «дочки-матери», и стали равноценными — дружескими, — пояснила Альберта этот момент в своем рассказе.

А потому, вскоре после того, как Ами утвердилась в высшем обществе, как поэтесса, законодательница мод и светская львица, то есть заставила себя уважать, как самостоятельную личность, а не дочь медиамагната или жену промышленника, она потянула в Гренланд и Алю.

Надо сказать, что исполнение этой задумки далось Амелии нелегко. Привыкшая к тишине деревенской жизни подруга долго отказывалась настолько кардинально что-то менять в своей жизни. Но, все же, поругавшись несколько раз, и столько же раз помирившись, старшая женщина здалась на уговоры приятельницы и перебралась в столицу.

А все оказалось не таким страшным, как казалось издалека. Уверенная в себе, и не допускающая ни малейшего осуждения или даже косого взгляда в сторону подруги, Амелия бойко втянула Альберту в круговерть светской жизни столицы. И не прошло и месяца, как Аля оказалась в Гренланде, а ее жизнь переполнилась событиями, встречами и завязывающимися отношениями. Впрочем, отношения не только завязывались, но и возрождались прежние. Те, кто когда-то малодушно предпочли не замечать, что молодая вдова Разумовская вдруг пропала из столицы, теперь, видя ее постоянно с такой яркой звездой, как Амелия Блайк, захотели возобновить общение.

Хотя, нужно отдать должное некоторым из этих новых-старых знакомых, кое-кто из них вынуждены были отстраниться от Альберты не из-за того, что влиятельная жена политика в миг утеряла это самое влияние по смерти мужа. Вот тогда Аля и узнала, что возможно… да-да, только возможно, что Алексей умер не из-за ошибки в методики по регенеративному омоложению. Вернее, ошибка возможно… опять-таки — возможно, и была допущена, но была она преднамеренной. Тогда же женщина узнала и о других, казалось бы невозможных сбоях в технике, несчастных случаях и невероятных проблем со здоровьем, унесших жизни еще восьми соратников Алексея по его работе над законом «О легализации населения, проживающего на частных территориях». А те, что не попали под эти «случайности»

вынуждены были сами отойти от дел.

А закон? Закон был все же принят силами тех, кто все-таки не отступил от задуманного, но успел понять, что происходит что-то неладное и обезопасить себя. Или все же это оказалось ценой за то, чтобы эти люди не противодействовали тому, что впоследствии с ним стало. То есть, закон приняли, но «навесили» на него столько уточнений и дополнений, что он утерял почти половину своей значимости. К тому же, что называется, в широкие массы он не вышел. И в итоге — закон как бы существовал, но основное население, жившее в городах, о нем ничего не знало. А значит все, что касалось диких земель и людей, населяющих их, так и осталось для большинства тайной за семью печатями.

А вот это Кэтрин знала, как никто другой. Сразу вспомнились ее мытарства по сбору информации о территориях за куполами, и тех крохах, что она умудрилась найти. Действительно, народ в мегаполисах ничего не знал об этом… да, собственно, и знать не хотел.

Да и Альберту тогда эта информации просто «убила»! Дело жизни ее Алексея, да и ее самой, считай, кануло в небытие. Единственная польза от него оказалась в том, что теперь те, кто жил на земле, имели хоть какое-то подобие реальных, а не липовых документов. По каким, кстати, в свое время Аля и поступала в университет.

Немного сгладило «убойный» эффект этой информации потепление отношений с сыном. Он, оказывается, был в курсе такого сложившегося положения дел, да и то, что отец… хм, возможно ушел из жизни раньше времени не просто из-за врачебной ошибки, тоже догадывался, но оставить учебу и, как мать, удалиться в отдаленное поместье, чтоб «не мозолить глаза» тем людям, которые в угоду своей цели и творили все это, Николай не захотел. А то, что мать будет настаивать на этом, он предполагал.

Да, Альберта тогда была вынуждена согласиться с сыном. Она, хоть и не знала об этих обстоятельствах, сложившихся уже после ее отъезда из столицы, поскольку ни с кем, ни видится, ни просто общаться, тогда не хотела, но вот если б Ник озвучил их, то его бы она услышала. И действительно постаралась бы запретить ему находиться в том осином гнезде, каким стал, оказывается, в то время для их семьи Гренланд.

Но теперь, спустя пару десятилетий, здесь, в столице, уже многое изменилось. Включая и нынешнюю власть — из тех делегатов, кто во времена Алексея Разумовского входил в Совет Городов, остались единицы. Да и те теперь были заняты совсем

другими делами, а проблема с законом «О легализации населения, проживающего на частных территориях», перетряхнувшая в свое время состав Совета, давно канула в лету. Так что, даже те, кто там до сих пор заседал, и возможно когда-то участвовал в том конфликте, теперь пусть лицемерно и наигранно, но вполне открыто приветствовал возвращение Альберты в столицу.

А времени действительно прошло много с тех пор. Это поняла и сама Аля, когда вдруг, неожиданно и как-то легко… увлеклась мужчиной. Нет, с первой минуты того знакомства разумом она понимала, что скорее всего этот мужчина не испытывает к ней, женщине более, чем вдвое старше него, тех горячих чувств, которые демонстрирует. Но вот взбудораженные гормоны цветущего, по всем показанием еще молодого организма, и вдруг проснувшаяся женственность, с ее желанием нравиться, ей выбора не оставили. Роман случился бурный и яркий, а закончился неожиданно… случившейся беременностью.

Что и привело Альберту в чувства. Пометавшись пару ночей, поистерив немного на плече подруги, она приняла решение… ребенка все-таки оставить. Хотя новоявленного папашу, вдруг рьяно изъявившего желание не просто жениться, но и принять на себя управление всем немалым имуществом вдовы известного человека, пришлось отправить в отставку.

И опять Пшеха. Размеренная жизнь, долгие прогулки по берегу моря и четко выверенный диетологом рацион.

Как ни странно, но Ник с Дели известие о беременности матери от какого-то альфонса, вскружившего ей голову, восприняли неплохо. Можно даже сказать, что и желать лучшего было нельзя — приезжали, смеялись над сложившейся ситуацией, но неприятия ею не высказывали. А скорее даже одобряли, что мать вышла из «коматозного» состояния последних десятилетий. Да, лихо получилось, но сам этот факт их радовал.

А потом и Джемма появилась на свет, привнеся в жизнь Альберты новые хлопоты и заботы, и окончательно излечив от многолетней хандры.

А что еще нужно матери, когда ее дети здоровы и успешны? Да, ничего! Хотя… может быть еще и личного счастья им очень хотелось.

Но, ни Николай, ни Аделина к семейной жизни не стремились. Первый усиленно строил карьеру, прорываясь в Совет Городов, как когда-то и его отец. А вторая, будучи личностью творческой и увлекающейся, и достигнув определенной известности, как один из самых молодых и талантливых пейзажистов, постоянно была в поездках, как по

всей Земле, так и по ближнему космосу, в поисках яркой и необычной натуры. Так что, какие уж тут семьи… дети…

А вот Джемма, на радость матери, пошла другим путем. И, не успев закончить университет, на последнем курсе выскочила замуж. А едва успев получить диплом, объявила, что в положении.

После этих слов Кэти напряглась, поскольку, несмотря на то, что рассказ шел о вполне… нет, о по-настоящему счастливых событиях в жизни Альберты, голос и эмоции собеседницы, пропитывались постепенно той горечью, что и была полна душа женщины. Стало понятно, что грядет нечто ужасное.

Да, ужасное свершилось. И тем страшнее было понимание, что, все то счастье, которым жила Аля последние годы, вдруг в одночасье полетело куда-то в тартарары.

Но, по порядку. Как было уже сказано, лет пятнадцать жизнь баловала Алю постоянными радостными событиями и насыщала ими ее жизнь в полной мере. А после рождения внука ее и подавно закружило — то торжественный банкет в столице по случаю вступления Ника в должность главы одной фракции Совета, то вернисаж картин Аделины, проходящий в одной из престижнейших галерей столицы, то годовщина свадьбы Джеммы и Рональда. А то и подготовка особняка в Пшехи к приезду всего большого семейства на ее собственный юбилей.

Но, в одночасье все закончилось. Сначала как-то незаметно за общением с другими родственниками опять отдалился от семьи Николай. Потом вдруг случился вызов в столичный суд по делу о разделе имущества между самой Альбертой и детьми, которое было инициировано по заявлению того же Ника. И нет бы, женщине задуматься уже тогда, что здесь что-то нечисто, что на сына это не похоже, а раздел, предложенный его адвокатом, какой-то странный.

Но о плохом как-то не думалось. Тем более что Николай, хоть и не захотел встретиться с матерью лично, отговорившись занятостью, по галовизору все же ответил, что собственность и деньги любят порядок, а потому следует все оформить законным путем. А она-то действительно, так и не нашла времени заняться этим вопросом после смерти мужа. Так что все выглядело естественно, и на первый взгляд придраться было не к чему.

Но вот результат этого раздела поразил Альберту. Мало того, что Джемма оставалась совсем ни с чем, и хотя Альберта такого не ожидала, но хотя бы могла понять, но вот сама она, почему-то, вдруг оказывалась всего лишь собственницей Пшехи. А вот к остальным активам, после подписания документов, доверенность на которое она дала Нику, она теперь никакого отношения не

имела.

Но, не успела она толком осмыслить такой странный итог судебного разбирательства, и тем более, что-то предпринять, как… пришло известие о пропаже группы художников, в которой была и Дели. Да, дочь много ездила, и не всегда те места, где она оказывалась, были так уж безопасны. Но никогда члены той арт-студии, куда входила дочь, не выезжали на пленэр без должной подготовки и отряда охраны.

А потом были месяцы ожидания, и изматывающих переживаний. Несколько раз организовывались спасательные миссии, в прессе и по головизору то и дело велись репортажи из тех мест, где пропала группа. Но в кадр постоянно попадали такие страшные картины, то истекающего лавой вулкана на горизонте, то засыпанных пеплом равнин, так что еще до официального объявления о гибели, народное мнение похоронило и самих художников, и людей сопровождавших их.

Сердце матери было разбито. А потому, известие о том, что та часть наследства, что принадлежала дочери, теперь якобы по ее, еще прижизненному заявлению, отошла брату, Альбертой было воспринято не сразу. И донесла это до нее Амелия. Она приехала почти сразу, и впасть в очередную апатичную тоскливость, грозящуюся затянуться на годы, подруге не дала. Она разговаривала с ней, доказывала, требовала критически посмотреть на ситуацию. Да, все это, может, было и не ко времени, и, может быть, раздражало, а вернее, даже бесило, но дело свое сделало. Аля разозлилась и решила лететь к сыну. Нужно было поговорить. А что ей оставалось? Возникшее сейчас недопонимание могло привести и к «потере» сына. Благо, Ник в тот момент находился совсем недалеко — в поместье Хотенцай, что было немногим южнее Пшехи.

Но…

— А вы что хотели, матушка? — спросил ее человек с внешностью сына, с чужой интонации в родном голосе и несвойственным Нику жестким взглядом. — Джемму вы родили неизвестно от кого, и к фамилии Разумовских она никакого отношения не имеет. А вы сами когда-то пришли к отцу с чем? Да, для семьи потомственных аристократов ваш по-деревенски здоровый организм чего-то и стоил — дети вам удались на славу. Но, согласитесь, этого мало, чтоб теперь претендовать на что-то большое, чем хорошее жилье. К тому же, имеющееся при нем хозяйство вполне обеспечит вам безбедную старость. Так что, я думаю — все честно!

Вот что это было?!

Обескураженная, и как бы не сказать обалдевшая от такого

приема, Альберта только и сумела ответить в тон — жестко и коротко:

— Вот и отлично, Николай. Тогда и ты к Пшехе больше не имеешь никакого отношения — его я оставлю Джемме.

А вот уже в аэромобе на нее накатило — слезы до икоты и паника в мыслях. А самым обидным и… да, непонятным, было это «вы» в обращении и какое-то чужое, инородно звучащие слово «матушка». Ее Ник так мать никогда не называл…

Но до Пшехи она в тот день так и не добралась. Хоть и лету тут было не более пятнадцати минут, но когда в окнах показались знакомые клетки садов, как Рон — пилот, что-то прокричал, машину тряхнуло, после чего та на мгновение зависла без какого-либо движения, а за окном все заволокло дымом. И только, когда аэромоб, как снаряд понесся по пологой траектории вниз, и встречным напором воздуха клубы стало относить назад, Альберта поняла, что они падают.

Рон, как пианист, пальцами двух рук бегал по кнопкам передней панели управление, то и дело перехватывая рычаг управления, дергающийся перед ним словно маятник, но видимо ему что-то не удавалось, потому что он ругался такими словами, каких от него Альбета и не слышала за тридцать лет службы. Да, и вообще, кажется, ни от кого не слышала…

Впереди, по курсу, показалось море, и приближающийся склон над ним. И было непонятно, упадут они в воду или угодят в этот скальный уступ.

— Пристегнитесь, голову… — что еще прокричал ей Рон не оборачиваясь, женщина не услышала, потому что аэромоб чиркнул брюхом по самому краю обрыва, машину от удара подкинуло и из переднего сиденья и под ней с громким хлопком выскочили подушки безопасности, сжимая тело на мгновение и приноравливаясь к его размерам. — …направил к морю! Дверь разбло… — эту фразу пилоту уже не дала договорить вода, с хлюпаньем и шипением принявшая аэромобов в себя.

Этого удара Аля почти и не почувствовала, но вот и увидеть ничего не смогла — подушки обхватили ее мягким коконом со всех сторон и перекрыли весь обзор.

«— Не разбилась, так сейчас утону…», — мелькнуло в голове.

Но тут боковая часть защиты схлопнулась и она увидели Рона с ножом наготове и быстро темнеющую воду за ним, сквозь стекло.

— Мы не далеко от берега, здесь не должно быть глубоко! Лишь бы тварей никаких поблизости не было! Плавать умеете?! — спросил пилот, и, получив утвердительный кивок от хозяйки, развернулся к двери. — Ну, с Богом, пошли…

Глубоко — не глубоко, но Альберте тогда хватило, чтоб выскочить из воды с горящими огнем легкими.

А до берега было действительно недалеко — метров двадцать. Считай всего ничего, в обычное время — с парой биперов над головой и стопроцентной уверенностью, что никого из чудовищ нет рядом. Но не сейчас…

И осталось-то всего с пяток метров, и камни вот-вот под ногами окажутся, и тварь-то, похоже, была всего одна, а крови всего ничего — лишь пара капель на прокушенной губе Рона. Стоило дну удариться в подошвы, как лодыжку обожгла боль, а петля, захлестнувшая ногу, рывком потянула тело, едва нашедшего опору, опять в глубину. Барахтаясь и глотая воду Альберта попыталась сопротивляться той силе, что уволакивала ее под воду. Рон, который выбирался на берег сзади и чуть в стороне от хозяйки, понял сразу, что происходит, и, кинув на женщину обреченный взгляд, нырнул по направлении к ней. Буквально сразу петля на лодыжке ослабла, а вода вокруг Альберты забурлила и даже толи какая-то змея, толи толстое щупальце, взметнулось над ней и опало, подняв в воздух фонтан брызг. На мгновение показалось и лицо Рона:

— Уходите! — прохрипел он, плюясь водой, и опять скрылся из виду.

Аля устремила к берегу, и только, когда на четвереньках, откашливаясь и задыхаясь, она выбралась на пляж, там себе и позволила оглянуться. Море было спокойно — лишь легкие даже без барашков волны катили на берег и радостно перебирали меж собой блики послеполуденного солнца. И ни следа мужчины, спасшего ей жизнь…

Вскоре… наверное, вскоре, потому как сама женщина времени не ощущала, не переставая вглядываясь в водную гладь в какой-то безумной надежде, но вот поселок Пшехи был совсем рядом, а аварийный сигнал, такой профессионал, как Рон, не подать не мог.

А через три дня, когда Альберта едва смогла ступать на пораненную щупальцем спрута ногу, а гибель пилота, тоже благодаря интенсивному лечению, перестала стоять в глазах ежеминутно, на воздух взлетела контора винзавода. Естественно, когда она была там. Людей погибло на этот раз много — пять человек, и десять было ранено. Как спаслась сама Аля? Да просто в тот момент она была в глубоком подвале, где хранились самые удачные образцы. Но если б она, как и предписывал доктор, больше сидела, ограничившись лишь работой с документами, то… понятно, что — все… а так, просто вынуждена была ждать полдня, пока ее откопают.

После этого Амелия, которой пришлось и на берегу, куда она прилетела вместе с спасательной командой по сигналу маячка, приводить Алю в чувства, и успокаивать подругу после известия о стольки смертях, когда ту достали из-под завала, все взяла в свои руки.

— Ты пойми! — доказывала она Альберте в который раз, — Все это не может быть случайностью! Техники, что разбирают твой аэромоб, уже сейчас говорят о явно преднамеренной поломке! А уж такой взрыв в здании, где никакого производства нет, и случиться не мог! Или ты думаешь, что так мог рвануть простой комп или сплит?

— И что ты считаешь? Что это Ник устроил?! Быть такого не может! Он все же мой сын! — отвечала подруге Аля, не желая верить до последнего в виновность Николая.

— Я не знаю! — хваталась за голову Ами, — Но как бы это странно не звучало, но тот человек, с которым я в последнее время пересекалась в столице, на Ника совсем не похож. Все ж я его тоже знаю давно — считай, чуть не с детства!

Тогда к какому-то определенному мнению по поводу Николая они так и не пришли, но вот то, что кто-то целенаправленно пытается убить Алю, было понятно и без выявления конкретного заказчика. А потому Амелия подняла все свои связи, определила лучшую охранную компанию и заставила подругу подписать с ними договор.

И не прошло и пары дней после взрыва, а в поместье уже распоряжались сдержанные крепкие мужчины, которые нашпиговали всякой следящей техникой и особняк, и самые посещаемы Альбертой места поместья. Так же, за ней теперь неотступно следовали два телохранителя, и именно в тот момент возле нее опять появились собаки, которые в отличие от «подружки юности» — симпатяшки Багуль, действительно были натасканы на охрану. Новые люди, приезжающие в поместье, основательно проверялись, а «старые», после гибели односельчан при взрыве на винзаводе, сами решили организовать патрули и по доброй воли стали подчиняться командиру приезжих охранников.

Но это было еще не все. По мнению Амелии, еще следовало так же оградить от возможной опасности и семью Джеммы. И Альберта, все еще не желая верить в виновность Николая, но все же, мысленно содрогаясь от мысли, что нечто страшное может случиться с дочерью и внуком, решила уговорить и ее остеречься.

Как и ожидалось, Джемма ее не поняла. И даже Амелия, которая, конечно же, зная о мягкотелости подруги, не оставила на волю случая такое серьезное дело, и полетала вмести с ней, не смогла ее убедить. А доводы о том, что Николай оставил сестру

без наследства и, возможно, устроил не одно покушение на жизнь матери, молодая женщина отмела не задумываясь. Да, ей было обидно, что брат так распорядился собственностью своего отца, но факт оставался фактом и она, Джемма, действительно отношения к ней не имела. А вот то, что Ник способен на убийство, в это она просто не верила.

Но видя, что мать все же напугана, и вообще, находится в растерянных и расстроенных чувствах, спорить с ней не стала. А лишь напомнила, что они все равно через два дня улетают на базу к Калисто, где Рональд получил должность заместителя начальника по техническому обслуживанию, а самой Джемме, биологу по профессии, была обещана работа на продовольственных инкубаторах станции. И выразила надежду, что за ближайшие несколько лет, что они проведут там, все само и утрясется.

— Что тогда устроила твоя бабушка! Это ж было уму непостижимо — додуматься до такого! Но моя благодарность ей была безмерной! — прервала вчера восклицанием в этом месте свой монотонный рассказ Альберта.

И действительно, то, что вытворила тогда Амелия, было не то, что просто неоднозначным, но по сути — противозаконным. Видя, что дочь подруги никакой опасности в сложившейся ситуации не видит, а сама Аля на нее давить не собирается, тоже положившись на «авось само устроится», она… украла ребенка.

Ну, не ребенка уже, а подростка. Да и вся эта авантюра в большей степени удалась, конечно, потому, что и сам Крис не хотел никуда лететь. Но все же действия взрослого человека, в последний момент перед посадкой выдернувшего мальчика из зала ожидания, все равно были далеки от правовых.

Сама Альберта ни о чем не догадывалась, и в какой-то мере даже соглашалась с дочерью, что отлет к дальней планете и многолетняя жизнь там, решит все проблемы. Тем более что все выглядело очень неплохо — улетали родные не на рейсовом транспорте, в тесноте и без должного комфорта, как обычно добирались до производственных баз простые рабочие, а на частной яхте. Кто-то из высокого начальства возвращался на станцию, и заодно прихватил семьи новых специалистов компании.

Так что Аля, успокоившись, попрощалась с родными, как и положено — перед стойкой регистрации, и отправилась на шаттле, курсирующем между лунным космическим портом и Гренландом, в столицу. И только по прибытие в наземный порт она обо всем и узнала.

Хотя, нет, о внуке, оставшемся на Земле, Ами смогла

оповестить ее чуть позже. Поскольку, когда Альберта входила в основной зал вокзала, со всех головизоров шла трансляция… о катастрофе, случившейся на разгонной линии с частной яхтой «Цветок Европы»… корабле, на котором не далее, как час назад, к Юпитеру отправилась семья дочери.

И вот только после того, как Альберта пришла в себя в клинике, Ами, видя, что накачанная лекарствами подруга истерить не пытается, поведала ей о содеянном. Рассказала, как решилась на это, видя нежелание Альберты и Джеммы принимать ситуацию всерьез. Как за день до отлета втайне от них переговорила с Кристианом и заручилась его согласием. Как нашла выход на обслуживающих зал отлета работников порта, как платила им, как делала документы в спешке, опять же переплачивая, чтобы вывезти мальчика с Луны. Как сам ребенок, в соответствии с их планом, звонил родителям в момент посадки, якобы уже с борта яхты. И они, считая, что сын на них обижен и не желает видеть, не хватились его сразу, когда не нашли в предоставленной им каюте, решив, что взлет корабля он проведет в кают-компании, где тоже имелись перегрузочные кресла.

Что могла на это сказать Альберта? Ничего… слов не было. Но, благодаря решительности и, что уж греха таить, отъявленному авантюризму подруги, у нее остался живым внук.

Как уж потом они странствовали почти полгода по городищам, где, с одной стороны, скученность населения была неимоверной, но с другой, наличие всякой следящей аппаратуры было в разы меньше, чем городах, позволяло легко затеряться в них, Альберта рассказа вкратце. Как, опять же с помощью не всегда законопослушных граждан, знакомых Ами, создавали «новую» жизнь Кристиану. В результате «сделав» из него круглого сироту с нижнего уровня, которому та же Амелия, а даже не Альберта, оплатила пансион в одном из лучших интернатов, планируя через годик, когда вся эта история подзабудится, взять опеку над ним.

Последующие года, пока Крис рос, они так и жили — редкими встречами, навещая его в интернате, и чуть более длительным общением, которое случалось, когда он, под видом воспитанника Ами, приезжал на каникулы в так и живущую на осадном положении Пшеху. Потом парень закончил школу и поступил в университет на специалиста по СКС. Что такое «структурированные кабельные системы» и чем специалист по ним занимается, Альберта понимала ровно столько же, сколько и Кэтрин — что-то связанное с компьютерными технологиями, где-то — так. Но учился внук хорошо, и по окончанию сразу получил место в одном из офисов компании «Игровые системы Ксандер»,

что как знала даже Кэти, для вчерашнего студента было весьма неплохим достижением.

Но, проработал он там недолго, собственно всего месяцев пять. Точно сказать Альберта не могла, потому что… парень исчез! Вот был человек — слал в мессенджер сообщения регулярно, писал на почту, реже, правда, но набирал бабушку и Ами по гэджу, а потом, в какой-то момент вдруг оказалось, что, ни та, ни другая, с ним уже давно не общались и известий от него не получали. Кинулись искать… и ничего не нашли — никаких концов. Гэдж молчал, на работе он считался уволенным, а друзей на новом месте парень завести не успел.

Собственно на этом месте рассказ Альберты и был закончен. А о дальнейшем Кэтрин в тот момент спрашивать не стала. Поскольку прочувствовала такую отдачу от переживаемых женщиной эмоций, что и сама находилась после такого разговора в не меньшем расстройстве. Лишь перед тем, как разойтись на ночь по спальням, они и договорились, что завершат беседу утром.

Вот теперь и сидела Аля перед открытыми створками балконных дверей, и вновь прокручивала в мыслях рассказ женщины. Да, жизнь Альберты сложилась сложно — фактически она потеряла всех родных. Вот только не могла Кэти понять того, а от нее-то какой помощи ждет бабушкина подруга? Единственное, что приходило ей на ум, это просьба о том, чтобы она как-то встретилась с Николаем Разумовским и с помощью своих способностей попыталась разузнать, не он ли причастен к пропаже Кристиана. Но… если именно это нужно женщине, то она, Кэтрин, как ни прискорбно это будет озвучивать, ей просто откажет. Потому что ее дар так не работает — мысли она не читает, а лишь воспринимает испытываемые человеком эмоции. И чтобы хоть что-то понять, должна будет задавать вполне конкретные вопросы. А спрашивать в лоб Главу Совета, а именно такую должность уже несколько лет занимал господин Разумовский, не он ли причастен к исчезновению племянника, она точно не станет, даже если каким-то чудом и сможет подобраться к нему близко. Вот только неужели Альберта сама таких простых вещей не понимает?

Но утром, когда после завтрака они возобновили разговор, все оказалось совсем не так, как она думала, и такого Кэти представить уж точно не могла! Спустя год после своего исчезновения Кристиан нашелся… в Мире Ксандер. Да, вот так — как-то написал бабушке в почту, что вроде как жив, вернее существует, но в реал больше выйти не может. Сознанию его

возвращаться некуда — тела у него больше не имеется!

— Как так… почему… так не бывает… — Кэти от сказанного настолько растерялась, что и вопрос сформулировать не смогла.

— Как оказалось, бывает, — устало ответила ей Альберта. — И он там не один, их там несколько десятков таких бедолаг.

«— А я-то, что могу сделать?!», — теперь уже Кэтрин вообще ничего не понимала. В этой ситуации она не видела приложения своего дара совершенно, даже больше, чем в придуманном ею варианте о встрече с Главой Совета.

Альберта, как услышала ее мысли:

— Я не все знаю и понимаю… и думаю, что мне далеко не все говорят — берегут старушку, — горько усмехнулась она. — Но почему-то именно в тебе все — там, очень заинтересованы.

Кэтрин окинула скептическим взглядом уж больно крепкую и моложавую «старушку» и спросила:

— А вы точно ничего от меня не скрываете? Как-то не верится, что вы ничего не знаете.

— Да — нет, скрывать мне от тебя нечего. Просто там все как-то сложно, а я и сама не вдавались в уточнения. Знаю точно, что именно твой дар способен что-то сделать в игровом мире. А как и что, не знаю.

— Да что я могу?! Я там как пьяная себя ощущаю каждый раз! Меня мотает, шатает, и ноги не идут! Координация движений нарушается полностью! Какая от меня там может быть польза?

— Катя, я тебе честно все рассказала о своей жизни. Объяснила, почему сама — лично я, заинтересовалась тобой. А уж технические детали не мне дремучей объяснять! Еще напутаю что-то, и ты неверно поймешь. Давай ты встретишься со знающими людьми уже там, непосредственно в нереале. А то, что для тебя это совершенно безопасно, могу гарантировать — я тебя в обиду не дам. Ты же помнишь, что для меня сделала твоя бабушка, моя дорогая подруга? Разве я смогу сама, или позволю кому-то, обидеть ее внучку? Но и своего мальчика мне бы хотелось вызволить оттуда…

Кэтрин в женщине не чувствовала ни раздражения на себя, ни досады от спора, ни обиды на неуверенность самой Кэти. Альберта сейчас была полна лишь напряженным ожиданием и той самой горчащей надежды, что и так жила в ней много лет.

Ну что ж, надо было на что-то решаться.

5 (5)

Аватар, в котором оказалась Кэти при входе в свой «Личный кабинет», был неигровым. В зеркальной поверхности стены «кабинета» отразила она сама, такой, какой и была в жизни — тоненькой светловолосой и голубоглазой девушкой, в общем-то, с милой и симпатичной, но ничем не примечательной внешностью. Лишь нежно-розовое с малиновыми переливами шифоновое длинное платье на этой хрупкой девушке делало немного ярче весь ее облик. Платье, кстати, осталось на аватаре еще с последнего курортного тура Кэтрин. Тогда она «посещала» Прагу. Ну, как посещала? Просидела на Малой площади под зонтиком уличного кафе, перепробовала кучу чисто «пражских» вкусностей, по рекомендации официанта, и, исчерпав оплаченные несколько «часов», вышла из Мира Ксандер.

Собственно, она так всегда ходила в нереал. Короткие туристические туры, в которых можно было где-нибудь потихонечку отсидеться, а то и отлежаться, к примеру, на пляже. А потом, со спокойной совестью, и знанием, что теперь точно ничем не отличаешься от других и странной девицей не прослывешь, Кэти благополучно забывала об этом неприятном для нее времяпровождении до следующего раза, который наступал, когда она вдруг осознавала, что сказать ей в беседе с подруга нечего. А значит, следовало покупать новый тур.

Единственным плюсом в таких мероприятиях для нее было то, что в нереале она не слышала эмоций других людей. Вот только это плюс почти полностью нивелировался большим минусом, поскольку за своими действиями ей приходилось следить ежесекундно — вплоть до того, чтобы вилка в руке не ушла мимо рта.

Вот, ее и сейчас мотает, словно она перебрала того вкусного игристого, какое им с Альбертой мажордом подавал вечерами на террасу. Так что Кэти аккуратненько, мелкими шажками, добралась до панели интерфейса и набрала запрос на гостевой вход в «Личный кабинет» другого игрока. «Другой игрок», то есть Альберта, дала подтверждение и девушка шагнула в образовавшуюся в стене и открывшуюся перед ней дверь.

Оказалась она… на террасе, похоже, все той же, на которой они с бабушкиной подругой проводили вечера — те же розы за кромкой площадки, та же пергола, увитая виноградом, и тот же чудный вид с нее, на закатное море. А прямо перед ней стоял… красивый, высокий, темноволосый… похоже, что ангел, если судить по крыльям, сложенным за его спиной. Кэти слышала, что

в игровом мире есть такие персонажи НПС, которые помогают в критических ситуациях геймерам, спасают их, если вдруг происходит какой-то сбой программы, и, вообще, охраняют игроков от разных неприятностей. Но сама она такого, ни разу не видела. Да, собственно, и понятно — сколько она там бывает в Мире Ксандер, чтоб попасть, хоть под какой-то, даже мелкий глюк?

Вот только этот ангел был каким-то странным, поскольку не только его волосы, но и массивные доспехи, и крылья были черными, что как-то не вязалось с его званием защитника.

— Здравствуйте Кэтрин. Проходите, присаживайтесь. Я знаю, что вам сейчас трудно стоять, — и подал ей руку, другой, при этом, указывая на плетеное кресло позади себя. Кстати, тоже практически такое, какие стояли на террасе особняка в Пшехе.

Кэти оперлась на предложенную руку, ладонь которой оказалось по-человечески теплой и приятной на ощупь, и прошла куда приглашали.

— Рафаэль, саппорт, к вашим услугам. Но лучше все же Раф и на «ты», — говоря это, улыбнулся странный ангел тоже вполне по-человечески, хотя и обозначил себя, как программного персонажа.

Впрочем, все встреченные Кэти в нереале НПСы на первый взгляд также не отличались от живых людей, так что таращиться и на этого перса она прекратила, и переключила свое внимание на другого мужчину, который в этот момент подошел к ним. Нет, его, сидящего на парапете в тени винограда, она заметила сразу, но вот как-то вскользь, поскольку улыбчивый ангел сразу занял все ее внимание.

Хотя, стоило мужчине выйти из тени, как Кэтрин его узнала — это был Кристиан, внук Альберты, которого она видела на показанных бабушкой голографических снимках.

— Кристиан, не пойми кто, тоже к вашим услугам. И тоже можно просто Крис, и на «ты», — усмехнулся он, повторив, но переиначив представление «ангела».

— Кэтрин, пока просто гостья, а там посмотрим… и — да, вполне можете называть меня… Катей, как Альберта Яновна, — совсем исказила изначально заданную формулировку этого знакомства девушка, но улыбнуться не забыла.

А улыбаться собеседникам хотелось, и очень. Дурашливая манера разговора Рафа, несмотря на его грозную броню и черные крылья, располагала к доброжелательности. А Крис… ему просто хотелось улыбаться. Почему? Да кто ж это знает? Кэти не знала, но вот глаз от него оторвать не могла.

Что в нем такого уж привлекательного? Опять же, ничего

особенного — кажется среднего роста, если сравнивать с «ангелом», тоже, как и тот, темноволос, но лицо более мягкое, скорее просто симпатичное, чем красивое. Но вот глаза! Светло карие, цвета лесного ореха, как это называется, хотя настоящий фундук Кэтрин и видела только на картинке. Так вот, глаза эти смотрели на нее по-доброму и открыто, как на давно знакомого и даже родного человека. И так хотелось верить в это обстоятельство!

— У вас, Катя, глаза вашей бабушки, — сказал ей Крис и немного смущенной улыбкой ответил на ее.

Ага, вот как… и точно, он ведь Амелию Блайк знал лучше, чем Кэтрин. И если вспомнить все, что рассказывала Альберта, то действительно, она для него была и правда родным человеком. От понимания, что он так смотрел не на нее саму, а как бы на бабушку в ее лице, девушке, почему-то, стало грустно, и улыбаться совсем расхотелось.

— Итак! — меж тем провозгласил Рафаэль, и взмахом руки передвинул поближе к сидящей Кэтрин еще два плетеных кресла и столик, заполнив его так же легко — одним веленьем, вазой с фруктами, бокалами, бутылкой, похоже, что с вином, и блюдом с какими-то мелкими пирожными. — Это чтоб комфортней было всем, — объяснил он свои действия.

Это кому как… Крис-то удобно устроился, Кэти и так уже сидела, а вот ему самому, с его крыльями и громостким доспехом, в кресло усесться не удалось.

— Можно я эти железки и перья сниму? — вроде как спросил он, но, особо не дожидаясь ничьего разрешения, уже принялся переодеваться… а вернее будет сказать, запустил процесс.

Впрочем, процесс этот много времени не занял — буквально в мгновение его крылья и броня пошли бликами и распались на мелкие разноцветные квадратики… м-м, Кэтрин бы сказала, что на пиксели, если б была уверена, что это именно так называется. Тут же, бесформенное месиво этих квадратиков поменяло цвет и преобразилось в такую же, как и у Кристиана, странноватую с виду, но вполне обычную одежду. Коричневую куртку или, возможно, длиннополый пиджак, расшитый золотым галуном, в распахнутом вороте которого был виден кружевной ворот рубашки, и штаны, заправленные в сапоги. Ну, в общем, сейчас, кто в чем только не ходит? Наверное, и это приемлемо.

Но лицо свое Кэти видно не удержала, а потому увидев выраженное ею недоумение, Раф принялся объяснять:

— Тот игровой мир, в котором мы живем, заточен под средневековье. А потому и мы стараемся хоть как-то соответствовать, — и застыл, выжидательно глядя на Кэти.

— Итак… — как-то само повторилось его недавнее вступление, — что вы от меня хотите? — и развела руки, как бы предлагая посмотреть на себя, такую неловкую. При этом чувствуя, что даже от такого невольно получившегося экспрессивным жеста, у нее закружилась голова.

Действительно, что она может?

— Видите ли, Катя, — начал Раф, — такие люди, как вы, как правило, не знают одной важной мелочи. Ваши недомогания обязательно проходят «день» на третий. И именно, что игровой день, а не ваш, реальный. То есть, стоит провести здесь порядка ваших двадцати часов, как вы сможете действовать, как любой игрок. Вот только эти «три» дня нужно провести здесь полностью, без выхода из игры. Но это только один раз!

Ладно, эта новость сама по себе не плоха. Если она возьмет себя в руки, купит трехдневный тур и стоически его перетерпит, то сможет… да хоть поесть потом в свое удовольствие, чтоб не бояться ткнуть вилкой себе в глаз. Только вот им-то это зачем?

— А вам это зачем? — так и спросила она сидящих перед ней мужчин… м-м, или кто они там есть на самом деле.

— Мне нравится, что саму идею провести минимум «три» дня в игре, вы не отвергаете, — хохотнул Раф, — так вот, то что я сказа чуть раньше, о том что после такие люди, как вы, сможете действовать, как любой другой игрок, не совсем верно. Вы сможете вести себя здесь, как боги! Творить, ломать, устанавливать свои правила — в общем, делать все, что ваша душа пожелает. Видимо, ваш разум, несущий то небольшое отличие от других людей, которое называется экстрасенсорными способностями, здесь дольше адаптируется, но потом и дает своим носителям, можно сказать, безграничные возможности в этом мире.

— Так, понятно… что ничего не понятно… — протянула пораженная его речью Кэти. — Вы хотите, чтобы я вошла в игру, провела в ней три дня, а потом сделала для вас здесь… что-то эдакое?!

— Ну да, вроде того…

— И что конкретно нужно сделать? Если я понимаю верно, и меня специально искали, потом устроили эту поездку, привлекли убитую горем и неоправданной надеждой женщину, чтоб она меня уговорила придти сюда, и это не считая обещанной большущей оплаты, то выходит, что я должна сотворить нечто грандиозное?!

— Бабушка вам не оплату предлагала, а благодарность! — вдруг влез в ее экспрессивный монолог возмущенный Крис. — Мы знаем, что вы всегда хотели жить вне купола, вот и решили

сделать вам приятный подарок! Дом же уже ваш, а вы еще никаких обещаний не давали!

— А от кого вы это узнали? — услышала главное в его словах Кэтрин.

— Ну… от Джо… от Черного Медведя… — после довольно продолжительной паузы все-таки ответил Раф.

— Гризли… — машинально поправила ошеломленная его словами девушка.

— Один черт. Это он и его люди нашли вас.

— Это что, заговор?! — поразилась Кэти, наконец-таки осознавая, как все вокруг нее закручено. Захотелось вскочить, затопать ногами, заорать на них, резкими и может даже бранными словами выразить свое негодование. Но тут из кресла поднялся Крис и… опустился на колени возле ее ног.

— Катя, — он заглянул ей в глаза… и орать расхотелось, — здесь, в нереале, застряло сорок человек. Они, как и я, оказались оторваны от родных, от нормальной и привычной жизни. И если ничего не делать, то ведь нас станет больше! Помогите нам!

Вот, и что делать? Ладно, Джо она все выскажет потом. Альберта? В принципе, она была с ней честна и на нее обижаться глупо. А эти люди… да, наверное, все-таки люди, и подавно ни в чем не виноваты.

— Ладно, — кивнула Кэти, еще сама не веря в то, что подписывается на… а на что, кстати, она дает свое согласие?

— Что я должна буду сделать?

— В общем, здесь есть игровой мир, который еще находится в стадии формирования. То есть, игроков там нет, и они там еще не скоро появятся, но вот основные точки этого мира уже отработаны. И мы хотим с вашей помощью хотя бы один чек-пойнт разблокировать, ну, или отформатировать, а потом прогрузить для постороннего использования. Что уж там придется делать — не знаю, у меня до сих пор сил не хватало сил даже на то, чтобы открыть его, — ответил Раф. — А он нам нужен. Чтоб нужных людей в любой момент провести, новеньких, таких, как он, — «ангел» кивнул на Кристиана, — сразу вывести, пока в реале с телом непоняток нет, да и постепенно начать разбираться, что с теми произошло, которые здесь зависли.

— У Джо, когда лет пять назад он пробовал, тоже не получилось открыть, — добавил Крис.

То, что ее дар сильней и стабильней, чем у приятеля-предателя, Кэти знала. Но хватит ли и ее силы для этого дела? О чем она и спросила.

— Мы надеемся. К тому же, в этот раз я хочу совместить усилия тех, кто окажется рядом. Видите ли, мы даже пробовать не

можем часто, потому что просто так кого-то провести в игру не получается. Ну, да сами поймете, когда тем путем к нам пойдете. А просто купить игру или тур, а потом слинять по-тихому на какой-то левый променад — нельзя. Так, когда игроки платят деньги и заходят в нереал по одному или в группе, их ведет персональная программа и от нее увильнуть не получится, ни на минуту.

— А как же тогда?

— Вот так, как вы пойдете. Через месяц, первого августа, как всегда будут объявляться участники, выигравшие сертификат на бонусную игру. В этом году и вы войдете в их число. Как? Это уже наше дело и дело команды Джо. Главное, что вы, первого сентября войдете в игру и за три первых «дня» получите адаптацию к этому миру. Будет не легко, но не бойтесь, основные трудности в основном придутся на первый «день». А он тренировочный и никто ждать от вас каких-то свершений не станет. А потом мы вас подменим на нашего человека. Это, тоже, как понимаете, не ваша проблема. А мы с вами уберемся оттуда и начнем готовиться к делу, — раскладывал все по полочкам Рафаэль.

— Подождите! — остановила его беглый пересказ предстоящего ей променада Кэти. — А на той бонусной игре что, за игроками не следят?

— Следят, естественно. Но так как это игра полностью устроена за счет компании, поэтому и слежка будет… как бы сказать, немного облегченная. Там сразу внимательно станут следить только за лидерами, а за аутсайдерами по остаточному принципу — чисто для коррекции их прохода по сеттингу. Это ж в первую очередь рекламная акция! А такую программу обмануть легче.

На том и сошлись.

А на следующий день «лепили» для Кэти игрового аватара. Вот же еще проблема!

Когда генератор внешности выдал им «болванку» — неопределенной внешности куклу с женскими первичными признаками, Кэтрин зависла. Когда она создавала аватара для туристических туров, то просто обозначила программе свои предпочтения и ввела голоснимки с разными ракурсами.

А тут… ерунда какая-то!

А вот Раф не растерялся и лихо придвинул к себе интерфейс, принявшись гонять по его поверхности какие-то интерактивные бегунки на шкалах, и тыкать пальцами в «океи». При этом кукла, что потихоньку вертелась перед ними, блымая бесцветными глазами, принимала весьма странные формы. Грудь ее

увеличилась до четвертого… нет, наверное, до пятого размера. Ноги вытянулись чуть не на треть, а попа… превратилась в огроменную задницу. М-м… по крайней мере на взгляд Кэтрин.

Смешок Криса привел ее в чувства.

— Э, остановитесь! Вы зачем меня так уродуете?! — прервала она вдохновенное творчество Рафа.

— Никого я не уродую, это ж игровой аватар! У всех такие будут, — и «потянул» белые волосы куклы чуть не до пола.

— Стоп! Убираем везде! И почему она у вас блондинкой, как я? Разве мы не хотели, чтобы она на меня не сильно похожа была?

Рафаэль подвигал что-то на интерфейсе, и девица перед ними стала сначала огненно рыжей, а потом преобразилась в жгучую брюнетку.

— Нет, пусть лучше как было, — сказала Кэти. Конечно, если б она сама все делал, то подобрала бы что-то нейтральное, но кто ж ей отдаст интерфейс? А так, хоть привычней.

— Да и то верно, — как ни странно, согласился с ней этот чумовой «ангел», — блондинок всегда больше всего, скорее затеряешься между ними.

Так и дальше шло — Раф «лепил», а Кэтрин «обламывала». Один Крис в сторонке посмеивался, глядя на них. Так что когда пришли к выбору ника, все уже явно подустали.

— Ну, и как его подбирают? Из каких соображений? — спросила Кэти, уже мечтая закончить это оказавшееся таким сложным дело.

— Да по-разному… бывает, что и от фонаря. Но чаще все-таки ник имеет какой-то смысл, — пожал плечами Раф. — Вот, как-то слышал, что кто-то дал аватару имя в честь своего питомца. У тебя такой есть?

— Нет, но у бабушки имеется. Попугай Кеша. Крикливый такой гад, но красивый, — устало кивнула Кэти, — может на этом и остановимся? — умоляюще воззрилась она на Рафа.

— Да мне-то что? Так и запишем — Kesha.

В понедельник утром Кэтрин, как обычно, ехала на работу. Народ, что обступил ее в вагоне аэроэкспресса, именно сегодня, почему-то, был по-особенному нервозен и агрессивен. Да, действительно — понедельник, утро!

А ей самой сегодня было неспокойно. Мало того, что она только вчера вечером прилетела из Пшехи, так еще предстоящий нелицеприятный разговор с Джо отягощал мысли неприятным предвкушением. А поговорить надо, иначе все то дружеское расположение, что они питают друг к другу, сойдет на нет. Потому как без доверия этой самой дружбы и не бывает. А он, как

ни крути… м-м, подставил ее — другого слова о том, что сделал Джо, у Кэти не находилось. И совершенно не важно, что в Пшехе ей понравилось, Альберта оказалась очень приятным человеком, а сама она, Кэтрин, решилась-таки поучаствовать в той авантюре, которую ей предложили.

Но вот Джо должен был объяснить ей все открыто, а не осторожными намеками в последний момент наводить на удобные ему мысли.

Хотя, зная его, Кэтрин предполагала, что все не так просто и прямолинейно в сложившейся ситуации, а потому… поговорить стоило.

Но вот хорошего настроения ожидание этого разговора ей не добавляло. Тем более, когда стоишь вот так — зажатая между другими людьми, которые не только толкаются и думают не вполне лицеприятные вещи об этом мире и окружающих их людях, как обычно, а еще и спорят, ругаются, скандалят.

«— Что это на них сегодня нашло?!», — к отгораживанию от эмоций попутчиков Кэти уже привыкла, достигнув в этом деле в последние пару лет довольно большого успеха. Но вот звуки, резкие и раздраженные, что издавали сегодня окружающие, были неприятны не меньше, а уши-то не зажмешь!

— Не дышите на меня, мужчина! — шипела женщина, стоящая шагах в трех от девушки. И шипела так, что пыхтение ее разлеталось по всему вагону.

Какой-то мужчина, с другого бока от Кэти, выговаривал парню:

— Молодой человек, что вы все время тычете своим локтем мне в печень!

А парень не молчал и огрызался:

— Да вы сами мне только что на ногу наступили!

Сзади ругалась какая-то пара, почти не понижая голоса, выясняла отношения, перечисляя измены друг друга.

А пожилая женщина, что вроде неплохо устроилась на сиденье, бурчала себе под нос гадости про всех них. В чем-то Кэтрин была с ней солидарна, но от этой благообразной старушки «несло» такой злобой на всех и вся, что девушка едва успевала отстраняться от такого неприятного веяния.

«— Этой-то что не так?!», — недоумевала Кэти.

А тут еще и следующая станция подоспела. Народ заворочался, заработал локтями и завозмущался в голос — в этом шумном и болезненном действе, кажется, приняли участия уже все без исключения. Да и когда тронулись с места, ничего не изменилось.

Та женщина, что отчитывала соседа за пьянство, так и

продолжила шипеть:

— Вот разве можно так напиваться перед рабочей неделей?!

Вот только теперь мужик уже не молчал, а принялся ей отвечать, что-то вроде:

— Не твое дело! Хочу и пью! Сама дура! — рокочущим хрипом создавая фон для бухтения оппонентки, которая вела свою партию все также — удивительно пронзительным шепотом.

Да и парень с мужчиной продолжали препираться. Нет бы, пока народ на остановке передвигался на вход-выход, тоже разошли быв разные стороны. Так — нет, остались рядом и продолжили считаться, кто кому что отдавил.

Правда скандальная пара вроде вышла, но на их месте оказались не менее возбужденные подростки, которые принялись хаять на несколько голосов какого-то своего преподавателя.

Бабка, не своей эмоциональной позиции, ни дислокации, не изменила — сидела и бубнила, зыркая по сторонам.

Кэти поняла, что у нее от перенапряжения начинает болеть голова.

«— Что же это такое?! Да замолчите вы все!», — да, молча — про себя, но в сердцах воскликнула девушка.

И тут… как-то в одну минуту все стихло. И уже к следующей станции вагон аэроэкспресса подтянулся полный умиротворенного, спокойно и очень доброжелательного народа. А злобная старушка, привалившись к плечу соседа, и вовсе, кажется, уснула.

Вот, и что это такое сейчас было?!